

**МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

КАФЕДРА ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

КРАСНОЯРСК 1999

ББК 67.01+67.3(2)

В 74

Рецензенты: кафедра теории и истории государства и права
Красноярского государственного аграрного университета;

кафедра государственно-правовых дисциплин Сибирского
юридического института МВД РФ.

В 74 Вопросы теории и истории государства и права: Сб. науч.
статей / Отв. ред.: д-р юрид. наук, проф. С.А. Дробышевский, канд.
юрид. наук, доц. О.П. Подосенов / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск,
1999. 124 с.

В сборнике представлены статьи, посвященные актуальным
проблемам научного познания в области политологии и юриспруден-
ции. Все эти работы объединяет нацеленность на исследование вопро-
сов, недостаточно освещенных в имеющейся учебной литературе. Из-
дание адресовано не только студентам юридических вузов и факульте-
тов, которые изучают теорию и историю государства и права, но и са-
мому широкому кругу читателей, интересующихся политико-
юридической проблематикой.

© Красноярский
государственный
университет, 1999

ISBN 5-7638-0182-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных трудов посвящен 45-летию со дня создания юридического факультета Красноярского государственного университета. Поэтому естественно, что он открывается статьей канд. истор. наук, доц. кафедры истории государства и права КрасГУ С.А. Бердниковой об основных вехах истории этой школы юридических кадров.

В следующей работе заместителя главы местного самоуправления г. Красноярска А.В. Букарина и заведующего кафедрой истории государства и права КрасГУ д-ра юрид. наук, проф. С.А. Дробышевского “О содержании политических идеалов” сделана попытка выявить в известных политических идеологиях ряд теоретических положений, которые способствуют прогрессивному развитию всякого государства и поэтому заслуживают государственной поддержки в любых условиях политического властвования.

Проблематика как теории, так и истории государства и права является предметом статьи С.А. Дробышевского “Некоторые методологические вопросы исследования происхождения государства и права”. Ее автор аргументирует точку зрения, согласно которой право государственно организованного общества возникло не из первобытных мононом, а как развитие особых, общеобязательных для членов догосударственного социального организма правил поведения. Причем этот специфический вид социальных норм существовал в течение всей первобытной истории человечества.

Вопросам истории развития судебной системы в России в XIX в. посвящена работа канд. юрид. наук, доц. кафедры истории государства и права КрасГУ О.П. Подосенова “К истории разработки судебной реформы в России 1864 г.”. Автор статьи анализирует до сих пор недостаточно исследованные в политико-юридической литературе проекты отдельных частей реформы, разработанной крупнейшими русскими юристами середины прошлого столетия.

Статья С.А. Бердниковой “Выборы в I и II Государственную думу в Восточной Сибири по крестьянской курии” на основе нового архивного материала освещает слабо изученный вопрос о воздействии самого процесса выборов в Государственную думу на правосознание крестьян в Восточной Сибири в 1906-1907 гг. Работа С.А. Бердниковой позволяет раскрыть специфику проявления общероссийских политических и идеологических процессов в конкретно-исторических условиях этого региона.

В работе преподавателя кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД РФ Т.В. Шитовой исследована организация и формы деятельности важнейшего ин-

ститута полицейской власти в Сибири в начале XX в. - региональной полицейской стражи. В статье впервые подвергнуты научному анализу богатейшие местные архивные материалы по теме.

Правотворческая деятельность Временного Сибирского правительства рассмотрена в одноименной статье канд. истор. наук, доц. кафедры теории и истории государства и права Красноярского государственного аграрного университета О.Ф. Гордеева. Особое внимание автор уделяет правовым нормативным актам государственных структур белого движения в Сибири во вопросам экономики, уголовного и уголовно-процессуального права. Ценность статьи О.Ф. Гордеева в значительной степени определяется широким использованием в ней периодических изданий и архивных материалов эпохи гражданской войны.

В работе канд. философ. наук, доц. кафедры истории государства и права КрасГУ Т.В. Будилиной "Государственный режим Российской Федерации" прослеживается развитие форм и методов политического руководства российским обществом с 1917 г. до современности. При этом автор предпринимает попытку показать закономерную связь изменений в политике государственных институтов с действием многообразных факторов, определяющих функционирование российского государства в указанный период.

В статье С.А. Дробышевского "К характеристике социалистического государства" раскрыты способы, применяемые правящими группами социалистических стран с целью обеспечения себе массовой социальной поддержки. По мнению автора, в социалистическом государстве особо важное значение для достижения этой цели имеет работа политического руководства по рассмотрению и учету жалоб и предложений рядовых граждан относительно деятельности государственных структур.

Завершает сборник статей работа Т.В. Будилиной "О новом учебном пособии по истории политической мысли". Ее автор высказала ряд оригинальных суждений о содержании недавно изданного в Красноярске учебного пособия С.А. Дробышевского "Классические теоретические представления о государстве, праве и политике".

К 45-ЛЕТИЮ ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Юридический факультет является старейшим среди других факультетов Красноярского университета. В послевоенный период наша страна испытывала острую потребность в квалифицированных юридических кадрах, особенно в Сибири. Большое число практических работников суда, адвокатуры, прокуратуры не имело специального образования. В середине 50-х годов встал вопрос о получении ими высшего образования ускоренным методом с наименьшими затратами. Эту задачу должен был выполнить Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ), который находился в Москве, с факультетами, филиалами, учебно-консультационными пунктами (УКП) в различных регионах страны.

Основной кузницей практических работников правоохранительных органов для Красноярского края была Иркутская средняя юридическая школа, но у ее выпускников в процессе работы также возникала необходимость в получении высшего юридического образования. В связи с этим в июле 1955 года в Красноярске открылся учебно-консультационный пункт Новосибирского факультета ВЮЗИ. Его первым заведующим был назначен участник Великой Отечественной войны, выпускник Свердловского юридического института, кандидат юридических наук В.П. Шахматов. После него заведующими УКП ВЮЗИ в Красноярске были Ф.А. Зайков, который тоже приехал из Свердловска, и Б.М. Бахарев, работник Красноярской краевой прокуратуры. В 1961 году Красноярский УКП ВЮЗИ был преобразован в филиал. Первым директором филиала стал Б.М. Бахарев, в 1962 году его сменил И.А. Баянов, опять же работник Красноярской краевой прокуратуры.

Обучение было только заочное. У созданного учебного заведения отсутствовала элементарная материальная база для проведения учебного процесса. В.П. Шахматов так вспоминал то время: «Поначалу мы расположились в подвале... Затем перебрались в помещение краевого суда. Прежде чем поселиться в здании на пр. Мира, 49, студентам и преподавателям пришлось немало покататься по городу. Так начинался юрфак».

*© С.А. Бердникова, 1999.

По воспоминаниям ветерана факультета, доцента Ю.В. Иванова, первыми штатными преподавателям У КП стали кандидат юридических наук Ф.А. Зайков, И.Н. Сидоренко, Т.Д. Давыдова, Н.В. Максимов, остальные были, в основном, почасовики – наиболее опытные работники судебно-прокурорских органов, например зам. прокурора Красноярского края П.И. Бочилло, заместители председателя краевого суда С.С. Кокшаров и И.В. Горохов, прокурор Центрального района г. Красноярска А.И. Коган, член Красноярского краевого суда, в дальнейшем член Верховного суда РСФСР Сергеева и др. К преподавательской работе привлекали научных сотрудников красноярских вузов. Так, например, большим успехом пользовались лекции по логике Г.Л. Старжевского (КГПИ), выпускника Санкт-Петербургского императорского университета и Ленинградского пединститута, а также лекции кандидата юридических наук, доцента Г.А. Белоусова (Красноярская ВШИ). Ежегодно для проведения всех видов занятий в Красноярск приезжали ведущие преподаватели ВЮЗИ, например, ректор ВЮЗИ, профессор К.А. Мокичев, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права З.М. Черниловский, зав. кафедрой государственного права Махненко, профессор А.Д. Айзенберг и др.

В 1963 году произошел крутой поворот в судьбах филиала, его сотрудников и студентов. Красноярский филиал вошел в состав Томского государственного университета, старейшего вуза Сибири, на правах заочного факультета. Деканом факультета был назначен И.А. Баянов.

Постановление Государственного Совета России об открытии в Томском университете юридического факультета было утверждено в декабре 1897 года. Юридический факультет в Томске был первым подобного рода факультетом от Урала до Тихого океана и девятым юридическим факультетом в России. Юридический факультет ТГУ в 1960 - начале 1970-х годов фактически осуществлял руководство как учебным процессом, так и научно-исследовательской работой юридических факультетов западной и центральной Сибири (исключая Новосибирский заочный факультет Свердловского юридического института). Одно из старейших и известных тогда издательств ТГУ выпускало научные работы юристов не только Томска, но и Барнаула, Красноярска, Кемерово. Томский университет имел самую большую в Сибири библиотеку юридической литературы, которой пользовались преподаватели-юристы других городов, в том числе и Красноярск.

И.А. Баянов вспоминает, что после вхождения в состав Томского университета значительно возрос интерес преподавателей к на-

учной деятельности. Ежегодно все преподаватели факультета выезжали в Томск на конференцию с научными сообщениями.

Большую роль в становлении факультета сыграло открытие вечернего отделения. Большинство студентов того времени были практическими работниками органов юстиции, они совмещали учебу с работой; имея практический опыт, получали на факультете теоретические знания, повышали свою квалификацию.

Факультет старался активизировать работу с заочниками: в межсезонный период группы преподавателей выезжали в крупные города края (Норильск, Абакан, Канск, Ачинск), куда собирали студентов этих городов и близлежащих районов. Там читали лекции, проводили семинары, консультации, принимали зачеты и экзамены, что облегчало студентам подготовку к сессии.

В 1963 году происходят существенные кадровые изменения на факультете. Они связаны с приходом на факультет молодых и опытных работников правоохранительных органов: Е.В. Дорышева, Ж.Н. Машутиной, Н.А. Попова, Н.И. Турова. В начале декабря 1963 года после окончания аспирантуры юридического факультета Ленинградского университета призывает на работу в Красноярск А.С. Горелик. В 1964 году начинают работу на факультете выпускники аспирантуры В.А. Носов из ЛГУ, Л.В. Павлухин из Саратовского юридического института, затем Б.Т. Базылев. Одновременно идет пополнение кадров преподавателей за счет собственных выпускников. Так, в 1961 году на работу была принята Э.Г. Абакумова, в 1963 году - Ю.В. Иванов, в 1969 году - П.А. Политахин и С.Я. Сорокина.

В апреле 1969 года В.П. Шахматов успешно защитил докторскую диссертацию и стал первым профессором на факультете. В сентябре этого же года успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук Ю.В. Иванов.

В январе 1969 года в соответствии с постановлением Правительства РСФСР в Красноярске на базе Красноярского филиала Новосибирского госуниверситета был открыт Красноярский государственный университет. Первоначально планировалось образовать три факультета: биолого-химический, математический, физический.

Как вспоминает И.А. Баянов, вопрос о вхождении юридического факультета в состав КГУ рассматривался в 1968 году на заседании бюро крайкома КПСС под председательством первого секретаря В.И. Долгих. На заседание были приглашены академик Л.В. Киренский, директор Красноярского филиала НГУ Г.Р. Балueva, декан юридического факультета И.А. Баянов, представитель Министерства высшего образования РСФСР. Некоторые члены бюро поддерживали предложение Л.В. Киренского о включении в состав университета только

Красноярского филиала Новосибирского университета. И.А. Баянов рассказывает: “Затем слово было предоставлено представителю Министерства высшего образования РСФСР. Он, держа в руках мою справку, рассказал, в каких тяжелейших условиях с точки зрения материально-учебной базы находится юридический факультет. Единственный выход из этого положения - это включение факультета в состав Красноярского университета... В.И. Долгих прервал выступающего и объявил, что есть предложение включить Красноярский юридический вечерне-заочный факультет ТГУ в состав Красноярского госуниверситета. И все с этим согласились”.

Первым деканом юрфака в 1969 году стал доцент Ю.И. Ильченко, который приехал в Красноярск из Алма-Аты. За ним с 1972 года в разные годы факультет возглавляли Ю.В. Иванов, ныне доцент кафедры теории государства и права, Б.К. Ржепко, ставший позже проректором, А.С. Горелик, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, А.И. Баянов, сейчас заведующий кафедрой криминалистики, заместитель декана, А.С. Барабаш, доцент кафедры уголовного процесса, А.Ф. Мицкевич, ныне первый проректор. С 1996 года во главе факультета - доцент И.В. Александров.

В июле 1969 года состоялись первые вступительные экзамены на всех факультетах КГУ. На юридический факультет было подано свыше 1200 заявлений. К сдаче вступительных экзаменов приступили около 930 абитуриентов. Успешно выдержали экзамены около 600 человек. На первый курс дневной формы обучения было зачислено 50 человек.

В августе (25-28 августа 1969 года) в Томске был подписан акт о передаче Красноярского юридического вечерне-заочного факультета из состава Томского университета в Красноярский госуниверситет. От имени ТГУ акт подписал ректор университета профессор А.П. Бычков, от имени Красноярского университета - заместитель декана юридического факультета Ю.В. Иванов. В состав Красноярского университета были переведены 11 преподавателей и 5 сотрудников (работники библиотеки, деканата, методист). Из Томска прибыл “десант” - на работу в Красноярск перевелись молодые кандидаты наук Ю.Ф. Кардополов (1969), В.Д. Ардашкин (1970), В.А. Панкин, окончивший аспирантуру в ЛГУ. На этом связь с Томским университетом не прервалась. Юридические факультеты КГУ и ТГУ были связаны долгие годы заключенным в 1972 году договором о сотрудничестве и взаимной помощи.

Первоначально на юридическом факультете КГУ были созданы две кафедры. Кафедру теории и истории государства и права, гражданского, трудового, колхозного и земельного права возглавил про-

фессор В.П. Шахматов; кафедру уголовного права, процесса и криминалистики - доцент Ю.Ф. Кардополов.

Что же представляет собой факультет сегодня? По дневной, вечерней и заочной формам обучения готовятся стать юристами широкого профиля более 2100 студентов. Подготовку ведут восемь кафедр и две секции.

Кафедра теории государства и права (заведующий - доцент В.М. Шафиров) обеспечивает преподавание ведущей юридической дисциплины - теории государства и права, являющейся фундаментом всего правоведения. Ныне в составе кафедры четыре доцента, старший преподаватель и два аспиранта. Научная работа студентов строится на базе исследовательской группы по проблемам теории государства и права.

Кафедра истории государства и права (заведующий - профессор С.А. Дробышевский) создана лишь в июле 1995 года с целью улучшения преподавания исторических политико-правовых дисциплин. В составе кафедры профессор и три доцента, действует аспирантура. Ежегодно по дисциплинам кафедры проводится студенческая научная конференция, в которой участвует обычно несколько десятков человек.

Исторически кафедра конституционного и международного права "отпочковалась" от кафедры теории и истории государства и права в 1989 году. В настоящее время - это кафедра международного права и секция конституционного и административного права. Изначально сложилось так, что по персональному составу кафедра была в основном укомплектована молодыми преподавателями, которые за десять лет приобрели солидный научный багаж, защитили кандидатские диссертации. В настоящее время из двенадцати сотрудников восемь - это штатные преподаватели, из них шесть - кандидаты юридических наук, причем пять из них - доценты. Выпускники кафедры (а ежегодно их по дневному и заочному отделениям около 40 человек) работают в разных структурах российского общества: в Законодательном собрании Красноярского края, администрациях края, городов и районов, в предпринимательской сфере, на дипломатической службе. На кафедре постоянно работали кружки по конституционному, административному, международному праву. В 1997 году команда студентов приняла участие в международном конкурсе по международному гуманитарному праву, который был организован и проведен международным Комитетом Красного Креста. Заведующий кафедрой доцент О.Е. Щербинина в 1998 году была удостоена почетного звания "Лучшая в России юрист-международник" и медали им. Гуго Гроция

от журнала "Международное право", Информационного центра ООН в Москве и Посольства королевства Нидерландов.

После того как факультет стал частью КГУ, была образована кафедра уголовного права, процесса и криминалистики (сегодня это кафедра уголовного права и криминологии). Первым заведующим был приехавший из Томска Ю.Ф. Кардополов, который занимал этот пост в течение 12 лет и много сделал для становления коллектива кафедры. С 1981 года кафедрой заведует профессор, доктор юридических наук А.С. Горелик.

Кафедра уголовного права и криминологии представляет собой крупный коллектив специалистов высшей квалификации: из десяти штатных преподавателей два доктора и восемь кандидатов наук, в качестве совместителей привлекаются еще доктор и три кандидата наук. Коллектив стабильный, с кафедры ушли только на повышение, продолжая работать совместителями, председатель Законодательного собрания Красноярского края А.В. Усс и первый проректор КГУ по учебной работе А.Ф. Мицкевич. Становлению кафедры как научного коллектива помогало начало в 1980-е годы постоянное издание кафедрой межвузовских сборников научных работ. В них участвовали ученые из многих городов России, а также зарубежные авторы. Все это способствовало и профессиональному росту преподавателей. Важной вехой стало проведение в 1990 году семинара с участием ученых из России и Западной Европы - Германии, Голландии, Бельгии, Испании. Оно положило начало тесному международному сотрудничеству: в 1998 году за границу ездили четыре преподавателя кафедры, причем профессор А.Н. Тарбагаев читал лекции в ряде европейских вузов. Работы членов кафедры уголовного права и криминологии публикуются в зарубежных изданиях. Весной 1998 года на кафедру приезжал американский профессор Поморски, идут переговоры о совместной работе. В сентябре 1998 года кафедра стала базой проведения заседания уголовно-правовой секции Учебно-методического объединения университетов России. В 1998 году преподаватели кафедры опубликовали 32 научные работы, в том числе одну монографию, три учебных пособия и двадцать восемь статей и тезисов докладов. У кафедры отличные перспективы. Принято решение ходатайствовать перед Министерством об открытии собственного Совета по защите кандидатских диссертаций.

Кафедра гражданского права и процесса также является одной из старейших на юридическом факультете Красноярского университета. Значительный вклад в развитие кафедры внес доктор юридических наук, профессор В.П. Шахматов - основатель кафедры, на протяжении длительного времени ее бессменный руководитель, ныне находящийся

на пенсии. Это самая большая кафедра по числу работающих на ней преподавателей. В составе кафедры 15 преподавателей, в том числе - один доктор юридических наук, четыре доцента. Совместителями работают адвокаты, судьи Красноярского краевого суда. Преподаватели кафедры постоянно участвуют в научно-практических, учебно-методических конференциях, семинарах различного уровня, проводимых в научных центрах в вузах страны и за рубежом. Так, заведующая кафедрой доцент Н.Ф. Качур принимала участие в конференциях в Риме и Будапеште. В зарубежных научных стажировках в Германии, Нидерландах, Венгрии побывали четыре преподавателя. В течение длительного времени кафедра активно сотрудничает со многими практическими органами: Краевой администрацией, Отделом юстиции, Арбитражным судом, краевым судом, Нотариальной палатой Красноярского края. Преподаватели кафедры привлекаются для проведения научной экспертизы нормативных актов регионального характера, проводят совместные семинары с практическими работниками.

Кафедра трудового и экологического права была образована в 1997 году в результате реорганизации кафедры хозяйственного и трудового права (заведующая - доцент Е.И. Петрова). Существующее ныне название кафедры отражает весьма мудрую мысль о том, что отцом богатства является труд, а матерью - земля.

Всего на кафедре 9 преподавателей: семь кандидатов наук, из них четыре доцента и три старших преподавателя, один старший преподаватель, один ассистент.

Кафедра является многопрофильной. Здесь преподаются такие дисциплины, как: трудовое право, экологическое право, земельное право, психология; спецкурсы: право социального обеспечения, трудовые споры, юридическая психология и др. В перспективе предусмотрено введение спецкурса по сравнительному правоведению "Международное трудовое право".

Преподавателями кафедры подготовлен ряд учебно-методических пособий, практикумов, сборников задач. Занятия со студентами ведутся с использованием активных методов обучения (опрос-разминка, деловые игры и др.).

Научная работа преподавателей кафедры связана с теоретическими и практическими аспектами защиты прав граждан в сфере трудовых отношений и экологии. В 1998 году кафедрой был подготовлен сборник статей "Трудовые споры" совместно со специалистами Правовой инспекции труда по Красноярскому краю.

Преподаватели кафедры исходят из того, что рыночная экономика невозможна без применения человеческого труда в достойных условиях. Однако приходится констатировать, что, увлекаясь чисто

экономическими категориями, современные российские политики и предприниматели нередко об этом забывают. На первое место выходят проблемы собственности, инвестиций, прибыли, налогов. Безусловно, все это очень важные элементы рыночной экономики, но она не может существовать без рынка труда, на котором продается и покупается такой специфический “товар”, как рабочая сила, способности человека к тому или иному виду труда. Все остальное производно от этого. Непонимание этой достаточно простой вещи создает базу для социальных конфликтов в основной сфере человеческой деятельности. Свидетельство тому – многочисленные забастовки в различных регионах России, высокий уровень безработицы, пренебрежение со стороны собственников к интересам наемных работников. Однако при общении со студентами необходимо сохранять оптимизм и надежду. Помогают юмор и стихи. Например, такие:

Нам четыре с лишним года

Кружит головы свобода.

На законы надевать,

Будем в акции играть.

Ну, а слово “дисциплина” –

Хуже аглицкого сплина.

(Скобелкин В.Н.)

Кафедра криминалистики образовалась в 1996 году при разделении бывшей кафедры уголовного процесса и криминалистики (заведующий - доцент А.И. Баянов). Всего на кафедре пять преподавателей, из них три доцента. До 1998 года заведующим кафедрой был академик МАН ВШ, профессор, доктор юридических наук В.Е. Корноухов. Под его руководством была разработана компьютерная программа “Профессионал”, что позволяет отрабатывать навыки расследования с использованием ПЭВМ. При кафедре действует лаборатория криминалистики с архивом уголовных дел (более 3 тысяч), видеотекой, специальным оборудованием, что позволяет развивать у студентов практические навыки, приближать учебный процесс к реальной следственной деятельности. Научная работа кафедры сосредоточена вокруг теоретических проблем криминалистики и судебной экспертизы. Преподаватели принимают активное участие в международных, региональных научных конференциях.

Кафедра уголовного процесса осуществляет фундаментальную правовую подготовку и специализацию в области прокурорско-следственной и адвокатской деятельности (заведующий - доцент Н.Г. Стойко). На кафедре пять преподавателей, из них три доцента. В качестве совместителей с кафедрой сотрудничают два доктора юридических наук. В 1997 году при кафедре открыта аспирантура, в которой

обучается пять человек. Преподаватели кафедры ведут активную научную и учебно-методическую работу. Приоритетными направлениями научных исследований кафедры являются сравнительная уголовная юстиция и эффективность деятельности правоохранительных органов. Сотрудники кафедры имеют прочные международные связи с немецкими, голландскими и американскими преподавателями, принимают участие в реализации совместных с зарубежными коллегами учебных и научных проектов (организация летней школы для студентов, преподавание курса "Сравнительная уголовная юстиция", проведение научных конференций, чтение лекций для студентов зарубежных вузов-партнеров, исследование эффективности судебной деятельности).

С 1 сентября 1997 года на факультете автономно функционирует секция экономико-правовых дисциплин (заведующая - доцент Н.Л. Клык). На базе секции будет создана кафедра предпринимательского права.

Преподаватели факультета осуществляют обширную программу научно-методических и исследовательских работ в различных областях юридического образования, науки и практики, активно участвуют в разработке законопроектов, программ деятельности правоохранительных и иных органов власти, проводят научное консультирование учреждений по вопросам права. Так, в 1998 году преподавателями факультета опубликованы две монографии, тринадцать учебных пособий и девяносто научных статей, сделаны семьдесят три выступления на научных конференциях разного уровня, в том числе семнадцать - международных, девятнадцать - республиканских и тридцать семь - региональных. Результаты научных исследований использовались в учебном процессе, а также при экспертизе проектов федеральных и краевых законов.

В октябре 1995 года как подразделение юридического факультета Красноярского университета образован Центр социально-правовых исследований (ЦСПИ) для научно-исследовательской и учебно-консультационной деятельности в области социологии и криминологии (директор - доцент Н.В. Щедрин). По заказам краевой, городской администрации и правоохранительных органов Центром проводятся анализы судебной практики, криминологические исследования преступности, опросы жителей Красноярска о состоянии преступности, о работе правоохранительных органов, а также другие прикладные исследования. Впервые в России для анализа преступности сотрудниками Центра использованы геоинформационные технологии. Создана информационно-аналитическая программа "CrimInfo", позволяющая оперативно анализировать территориальную распространенность преступности.

ЦСПИ осуществляет социологический мониторинг в Красноярском университете. Регулярно проводятся опросы студентов университета по проблемам организации учебного процесса, а также анкетирование по теме “Преподаватели глазами студентов”. Центр оказывает консультационные услуги преподавателям и студентам, которые используют социологические методы и методы компьютерной обработки данных. Многие из студентов, работающих в Центре, получили стипендию краевого фонда “Правопорядок”. За исследования проблем уличной преступности в г. Красноярске всем сотрудникам Центра в 1998 году была объявлена благодарность ректора КГУ.

Профессионализация юристов на факультете осуществляется по трем направлениям: государственно-правовому, гражданско-правовому и уголовно-правовому, в рамках которых ведется подготовка к юрисконсультской, адвокатской, судебной и прокурорско-следственной деятельности, а также к работе в органах власти и общественных организациях.

Студенты имеют все условия заниматься научно-исследовательской работой. Факультет располагает кодификационным кабинетом со специальной литературой и компьютерными программами, читальным залом научно-учебной литературы, методическим кабинетом. Для подготовки к занятиям студенты имеют возможность использовать компьютер как средство получения информации, работать с правовыми базами данных, пользоваться сетью “Интернет”.

Преподавателями факультета созданы новые поколения учебных курсов и учебных материалов: компьютерные курсы по расследованию отдельных видов преступлений и по актам гражданского судопроизводства, игровые курсы по стилю управленческой деятельности и по судебному разбирательству уголовных дел.

Бурное развитие межгосударственных связей и усложнение национальных и интернациональных правовых систем в 80-90-х годах XX столетия обусловили ситуацию, когда ни один человек не в состоянии выучить каждую норму права, которая может ему понадобиться в будущей профессиональной деятельности. Выход из такого положения видится прежде всего в:

а) изучении права с учетом его социальных истоков, экономических последствий, исторических и политических факторов, чтобы “идеальный юрист” мог быть активным участником при рассмотрении, оценке и интерпретации правового текста, всегда помня и сознавая значение права;

б) изучении права в плане сравнительных правовых исследований, что обуславливает более широкий подход к решению практических вопросов в ходе правоприменительной деятельности юриста,

формирует аналитический дух правового образования и поощряет разумное критическое отношение к нормам права;

в) изучении делового иностранного языка как необходимого условия реализации сравнительно-правового подхода в подготовке современного юриста и свободного пользования системами компьютерной коммуникации;

г) свободном владении компьютерными технологиями быстрого, эффективного и точного доступа к постоянно растущим собраниям правовых актов, а также правоприменительной практике, умении свободно пользоваться системами компьютерной коммуникации;

д) умении взаимодействовать с другими участниками правовых процессов, имеющими различный культурный и образовательный уровень, профессиональную подготовку, психическое и психологическое состояние, считаться с различными мнениями и точками зрения.

Для этого в 1998 году на юридическом факультете открыто отделение сравнительного правоведения (заведующий - первый проректор КГУ, доцент А.Ф. Мицкевич). Отделение имеет самостоятельный набор и особую программу обучения, предполагающую углубленное изучение иностранного языка, в том числе делового юридического (немецкого и английского), а также зарубежного законодательства в сравнительном и международно-правовом аспектах.

Первые международные контакты юридического факультета КГУ с зарубежными европейскими вузами были установлены еще в 1988 году и до 1990 года носили эпизодический характер. В 1990 году в Красноярске европейским обществом уголовного права и криминологии совместно с факультетом был проведен научный семинар, в котором приняли участие ведущие западные ученые из Германии, Нидерландов, Испании и других стран. С этого времени международные контакты факультета приобрели устойчивый и регулярный характер (стажировки, обмен лекторами и т.п.). Особые отношения сложились с коллегами из Голландии (университет г. Тилбурга) и Германии (университет г. Грайфсвальда), вместе с которыми была начата подготовка к разработке проекта "Реформа юридического образования" для получения гранта Европейского Союза по программе "Темпус-Тацис". В целях подготовки к этому проекту юридический факультет КГУ совместно с партнерами из вышеуказанных стран провел целый ряд мероприятий (конференций, семинаров, совещаний, ознакомительных стажировок и т.п.), завершившихся подписанием в 1995 году двусторонних договоров о сотрудничестве между упомянутыми вузами и их юридическими факультетами. Кроме того, в 1995 и 1996 годах по приглашению с администрацией программы "Темпус-Тацис" (Турин) юридическими факультетами КГУ, университетов г. Тилбурга и

г. Грайфсвальда были реализованы предварительные проекты общим объемом финансирования в 80 тыс. экю, предусматривающие работу над основным проектом, обмен преподавателями, проведение Летних Правовых Школ для студентов и др.

В 1997 году проект "Реформа юридического образования" выиграл грант Европейского Союза в размере около 500 тыс. экю. По условиям этого гранта, рассчитанного на 1998-2001 годы, предусматривается сближение учебных процессов трех партнерских факультетов путем корректировки учебных планов, разработки новых спецкурсов, обновления фундаментальных курсов, внедрения современных технологий обучения, технического переоснащения библиотек и т.п. Ежегодно планируются (в 1998 году уже реализованы) стажировки преподавателей факультета (104 учебных недели) в г. Тилбурге и г. Грайфсвальде, а также включенное семестровое обучение наших четырех студентов за рубежом и двух немецких студентов в г. Красноярске. В рамках проекта были проведены две Летние Правовые Школы (в 1997 и 1998 годах): немецкие и голландские профессора читали лекции для студентов факультета по хозяйственному, налоговому, уголовному и уголовно-процессуальному праву Германии и социальному праву Голландии.

Уровень общения зарубежных преподавателей со студентами факультета значительно вырос: от ознакомительных обзорных лекций до факультативных спецкурсов.

В прошлом году профессор Ф. Дюнкель (Германия) прочитал свой спецкурс "Молодежное уголовное право Германии" для студентов 5 курса (группа прокурорско-следственной специализации) с приемом зачета, а также обзорные лекции по западной криминологии. Преподаватель К. Иффланд прочитала лекции по конституционному праву Германии (для студентов 2 курса), провела семинарские занятия по уголовному и процессуальному праву Германии и спецсеминар на немецком языке "Германская система решения юридических казусов" (для студентов 2-4 курсов). Профессор А. ван Кальмтхоут (Голландия), являющийся почетным профессором Красноярского университета, начал читать факультативный спецкурс "Основы уголовно-исполнительного права Голландии и России" (для студентов 2-3 курсов) на английском языке без переводчика. Курс продолжается в этом году и завершится зачетом.

По линии указанного проекта в этом году будут осуществлены еще и другие мероприятия (поставка оборудования для компьютерного класса, для занятий иностранным языком и т.п.).

В 1996 году юридический факультет заключил рамочное соглашение с юридическим факультетом университета г. Пассау

(Германия), по которому ежегодно немецкие студенты направляются в г. Красноярск и российские - в г. Пассау для годичного включенного обучения.

Начиная с прошлого года, рамочное соглашение с университетом Пассау переросло в договор (при поддержке Немецкой Академической Службы Обменов) с объемом финансирования в 26 тыс. немецких марок. Цели договора такие же, как и проспекта "Темпус-Тацис", и скоординированы с ним.

В рамках всех упомянутых выше проектов, а также по индивидуальным грантам, начиная с 1994 года по настоящее время, прошли стажировки в различных европейских вузах 22 преподавателя факультета (из 65). Общее количество стажировок - 48.

В 1997 году юридический факультет КГУ совместно с юридическим факультетом Иркутского государственного университета создал консорциум "Сибирь", от имени которого была подготовлена заявка на получение гранта Российского фонда поддержки правовых реформ (с объемом финансирования в 500 тыс. долларов). В числе ряда других вузов России факультет прошел предварительный отбор и получил право, закрепленное соответствующим соглашением, на оформление персональных и факультетских заявок по следующим направлениям:

1. Разработка новых учебных курсов, переработка традиционных.
2. Внедрение активных методик обучения.
3. Создание либо реорганизации кафедр, связанных с новыми направлениями (кафедра юридической практики, например).
4. Организация юридических клиник.
5. Приобретение учебной литературы, технических средств обучения.
6. Переоснащение библиотеки.
7. Стажировки преподавателей в зарубежных и российских вузах.

На факультете работает консультант фонда, с помощью которого было оформлено 15 персональных и 3 факультетских заявки, 4 персональных заявки (под разработку современных спецкурсов) и 2 факультетских (техническое перевооружение библиотеки - 60 тыс. долларов, компьютеризация учебного процесса - 26 тыс. долларов). Финансирование открывается в этом году.

На базе юридического факультета в 1992 году было создано отделение социальной работы, которым заведует доцент, действительный член Академии социального образования С.Д. Чиганова. Обучение студентов по новой специальности "Социальная работа" предпо-

лагает обеспечение максимальной эффективности в реализации государственной социальной политики в крае. Специалисты по социальной работе получают подготовку по праву, психологии, а также социальным и общегуманитарным дисциплинам и приобретают навыки работы с людьми, необходимые в самых разных сферах деятельности. С 1999 года предполагается открыть специализацию "Социальная работа на предприятии".

В составе кафедры теории и методики социальной работы - четыре кандидата наук, пять человек учатся в аспирантуре (заведующая - доцент, кандидат социологических наук, действительный член Академии социального образования Е.В. Жижко). За время существования кафедры ее сотрудниками опубликовано более ста научных работ и выиграно восемь грантов. Ежегодно каждый преподаватель кафедры проходит не менее одной стажировки или курсов повышения квалификации, в том числе в университетах и социальных центрах Голландии, Германии, Англии и Канады, с сотрудниками которых кафедра поддерживает профессиональные отношения.

Характеристика юридического факультета будет неполной, если не сказать о Гуманитарно-правовом лицее, учрежденном в 1993 году Красноярским университетом и школой N 20 (директор - доцент кафедры криминалистики Л.В. Майорова). Это негосударственное заведение. Свою работу лицей осуществляет с помощью лучших учителей школы N 20, преподавателей юридического факультета и кафедры общественных наук университета. Учебный план позволяет получить углубленную подготовку по дисциплинам гуманитарно-правового цикла и общеразвивающим предметам (психологии, истории мировой художественной культуры, судебного ораторского искусства). Большинство лицеистов поступает на юридический факультет КГУ. В этом году будет пятый, юбилейный выпуск лицея. В рамках учебной программы лицеисты познакомились с введением в юридические дисциплины, получили навыки подготовки, способствующие более быстрому освоению материала, преподаваемого в университете.

В настоящее время юридический факультет КГУ - ведущий в Красноярске. За время своего существования он стал одним из крупных центров подготовки высококвалифицированных кадров юристов, развития правовой науки Сибири.

О СОДЕРЖАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ

По своей природе люди существуют в сообществах, каждое из которых удовлетворяет совокупность нужд его членов. В политологии их принято именовать государствами, политиями, политическими телами, максимальными или суммарными политическими организациями и т.д. [1]. Сама же проблема политического идеала в государственном ведении – это вопрос о том, каким образом сделать организацию каждого указанного сообщества приносящей максимальную пользу входящим в него людям.

С древнейших времен именно решением указанного вопроса больше всего озабочены выдающиеся мыслители всех эпох и народов. При этом они выдвигали самые разнообразные воззрения о том, какой политический идеал является наилучшим [2]. Причем, предлагая собственный политический идеал, каждый мыслитель одевал его в юридические формы [3], поскольку, как известно, любое государство не может существовать без правового закрепления свойственных ему политических институтов.

Из всего многообразия существующих теоретических подходов к проблеме наилучшего политического строя можно выделить два, являющиеся наиболее типичными. Согласно первому из них, наиболее рельефно выраженному теоретиками эпохи английской революции XVII в. Р. Филмером и Д. Локком, при любых условиях политического властвования одна из возможных форм государства является наилучшей во всех случаях. Так, Д. Локк утверждал в своих трактатах о правлении, что всегда и везде демократия превосходит остальные формы государства в плане осуществления каких угодно политических целей [4]. Этот взгляд Д. Локка был сформулирован в ответ на утверждение Р. Филмера, что в любых условиях политического властвования наилучшим государственным строем является абсолютная монархия [5]. Подобные воззрения характерны и для многих мыслителей XX века [6].

В соответствии со вторым типичным подходом к вопросу о наилучшем политическом строе, представленным, в частности, в работах Ж.Ж. Руссо, каждое государство существует в уникальных исторических условиях и призвано решать свойственный лишь ему круг

*© А.В. Букарин, 1999; © С.А. Дробышевский, 1999.

задач. Поэтому не может быть вообще абстрактной модели наилучшего политического строя, ибо для каждой страны во всякой конкретной ситуации политического властвования этот идеал специфичен, отличается от других [7].

Чтобы оценить приведенные теоретические позиции о наилучшем политическом строе, по-видимому, следует исходить из того, что любой политический идеал - это план или программа, возникшие при анализе существующего положения дел в государстве с целью его совершенствования. Являясь таковым, политический идеал должен удовлетворять, по крайней мере, двум условиям.

Во-первых, он призван быть программой именно развития, а не усадки политического тела. Если политический идеал при реализации будет означать деградацию государственной жизни, то он не выполнит этой своей функции и поэтому должен быть оценен негодным. В свое время свойство политического идеала как программы совершенствования государства отметил Д.С. Милль. По его мнению, "высшее достоинство" политической формы заключается в развитии ею народа "в умственном, нравственном, волевом и практическом отношениях" [8]. Это развитие, считал Д.С. Милль, осуществляется в двух направлениях. Прежде всего сформулированная в политическом идеале программа должна увеличивать "дозу хороших качеств" во всех гражданах государства "вместе и в каждом из них в отдельности"[9] по сравнению с реально существующей организацией государства. Кроме того, политический идеал призван моделировать наличие у государственного аппарата большей способности использовать положительные личные качества граждан государства для достижения целей этого политического сообщества, чем та, которой обладает имеющийся государственный аппарат [10].

Во-вторых, политический идеал как план совершенствования государства должен воплощать цели, которые способен достигать объект планирования, не разрушаясь. Этот объект есть государство. Поэтому политическим программам нельзя вступать в противоречие с основными закономерностями функционирования государства как целостности. В противном случае осуществление политического идеала будет означать разрушение государства.

Чтобы установить закономерности функционирования политического тела, без которых последнее немислимо, нужно обратить внимание на следующее обстоятельство. Государство всегда существует как человеческое общество на определенной территории, независимое от подобных ему социальных образований, расположенных по соседству с ним или на некотором отдалении. Поэтому закономерности, необходимые присущие всякому государству, есть те принципы

жизни человеческого общества, при отступлении от которых оно погибает.

К таковому относится прежде всего обязательный труд человеческих индивидов, а также его разделение и кооперация между ними тогда, когда это необходимо для удовлетворения материальных и духовных нужд людей. Если члены государственно организованного общества прекратят вырабатывать продукты, нужные для их жизнеобеспечения, очень скоро существование этих людей и образованного ими государства прекратится. Вот почему Л. Дюги отмечал: "На государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным, - не труд в какой-либо определенной форме, а как таковой. Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязало его делать что-либо" [11].

Когда же государство проводит иную политику, ее неизбежным следствием оказывается бедность населяющих эту страну людей в силу их праздности. Отсюда вытекает, что для искоренения бедности в государстве необходимо поставить его трудоспособных граждан в такие условия, чтобы они не могли существовать без труда. Так, например, сделал английский король Генрих VIII. Этот монарх, желая преобразовать церковь в своей стране, "разогнал монахов, которые, будучи сами ленивы, поддерживали леность и в других: благодаря соблюдаемому ими гостеприимству бесчисленное множество праздных людей, дворян и граждан, проводило жизнь в скитаниях из одного монастыря в другой. Он уничтожил также и богадельни, где простой народ находил средства к существованию, подобно тому как дворяне находили их в монастырях. После этого преобразования в Англии водворился дух торговли и промышленности" [12].

Гибель государства в силу нарушения его основных закономерностей функционирования произойдет и еще в одном случае. А именно когда человеческое общество в границах государства не сможет воспроизводить себя физически, обеспечивая рождение и воспитание людей, восполняющих естественные потери населения политического тела из-за смерти от старости, болезней и по другим причинам. Не случайно Р. Иеринг писал, что «безбрачные ... нарушают основные законы человеческого общества не менее убийц, разбойников и воров. Для того чтобы убедиться в этом, стоит только подвергнуть их испытанию посредством применения к ним кантовского понятия о "возможности в правовом отношении" (обобщение собственного образа действия), то есть представить себе образ действия их всеобщим. Общество при таком предположении должно бы было погибнуть в настоящем поколении» [13].

Для воспроизводства себе подобных, а также для выработки материальных и духовных благ людям обязательно нужен мир в рамках сферы, где они сотрудничают, то есть в пределах территории государства. В свою очередь, чтобы добиться его, необходимо выделение из составляющих государство лиц некоторой части, образующей систему государственных органов. Она призвана обеспечивать мирное взаимодействие членов государственного общежития. Решение же такой задачи возможно только путем общеобязательного нормативного регулирования поведения этих лиц, которое включает формулирование государственным аппаратом системы правовых норм и гарантирование им реализации юридических установлений, в том числе принудительной [14]. Причем право на физическое принуждение в рамках границ политического тела должно принадлежать лишь системе государственных органов, а не каким-либо иным внутрисоциальным объединениям, которые неизменно должны находиться под властью государственного аппарата [15]. Лишь при этом условии государство окажется тем, чем оно призвано быть по самой своей сути. Речь идет об его обязательной характеристике как “замыренного” пространства, где только и может протекать человеческая жизнь [16].

Политические идеи, которые несовместимы с условиями прогресса государственной организации, а также с условиями существования человеческого общества, вслед за Т. Гоббсом могут быть названы “мятежными” [17] или подрывными. Любой политический идеал, включающий их, во всех случаях принесет вред государству, в котором будет сделана попытка его реализовать.

Таковы прежде всего многообразные анархистские концепции, предполагающие распад современных высокоразвитых государств на примитивные мелкие сообщества людей, в которых неизбежно сузится сама система удовлетворяемых человеческих нужд и понизится степень их удовлетворения по сравнению с тем положением, которое характерно для государств, разлагаемых анархистскими теориями [18]. Крайний пример проповеди анархизма присутствует, в частности, в известной работе Ф. Ницше “Так говорил Заратустра”. Как известно, в этом сочинении содержится проповедь идеи о самороспуске людьми государственной организации. При этом ставится цель развалить систему разделения и кооперации труда между человеческими индивидами и расселить бывших граждан государства поодиночке либо парами как отшельников, не имеющих отношений с людьми за пределами своих мест отшельничества [19].

Во всяком развитом политическом теле обязательные для его существования разделение и кооперация труда между людьми неизменно выражаются в существовании различных общественных клас-

сов, профессионально занимающихся разными работами. Причем одной из подобных сфер профессиональной деятельности является государственное управление, выступающее материальной базой существования класса людей, занимающихся политикой как профессией. В истории политической мысли, а также в современных политических идеологиях присутствуют идеи о необходимости ликвидации указанных классов. Так, например, в “Немецкой идеологии” К. Маркса и Ф. Энгельса, и сегодня вдохновляющей ортодоксальных марксистов, в качестве идеала изображается положение, когда каждый человек обладает знаниями и навыками, свойственными всем профессиям сразу, в связи с чем классовое деление общества оказывается преодоленным [20]. Общественные же классы, которые существуют до реализации отмеченного идеала, марксизм делит на эксплуататорские и эксплуатируемые. При этом подразумевается, что часть профессиональных групп членов государственной организации паразитирует, потребляя продукты труда, произведенные остальными профессиональными группами граждан государства [21].

Указанная коммунистическая идея о ликвидации разделения труда между социальными группами несовместима с условиями прогресса человеческого общества и поэтому является подрывной в только что отмеченном смысле. Общеизвестно, что социальное развитие, предполагающее совершенствование государственной организации, неизменно основывается на разделении и кооперации труда людей в рамках такого политического организма. Причем разделение труда означает специализацию каждого индивида на том виде многообразной человеческой деятельности, к которому у него больше природных способностей, чем у взаимодействующих с ним лиц. История человечества не дает оснований предполагать, что в дальнейшем социальный и политический прогресс будет осуществляться иначе. В частности, в пользу этого вывода свидетельствует громадное накопление человеческих знаний и умений за тысячелетия исторического развития. В самом деле, за пределами физических возможностей человека конца XX века освоить информацию о разнообразных технических и социальных процессах, которая сейчас аккумулирована обществом.

Отсюда ясно, что гипотетически постулированное К. Марксом и Ф. Энгельсом положение, когда отдельное лицо может достичь совершенства во всех видах человеческого труда, является неосуществимым. Более того, попытки его реализации неизбежно принесут вред в государствах, в которых они предпринимаются. Например, об этом свидетельствует отечественная и зарубежная политическая практика. Так, в СССР и в других социалистических государствах людей всемерно вовлекали в работу на общественных началах в сферах, не

имеющих ничего общего с их профессиональной деятельностью. Это вредило государствам, где такие попытки предпринимались, ибо сами сферы общественной работы оказывались областями общественного труда, выполняемого на дилетантском уровне. Иначе и быть не могло, ибо организаторы общественных работ забывали известное теоретическое положение Платона, в соответствии с которым каждый гражданин должен не разбрасываться на разнообразные работы, а заниматься только тем видом деятельности, к которому больше всего способен [22]. Лишь при этом условии он в состоянии освоить многообразный опыт, созданный профессионалами избранного им вида труда в ходе исторического развития, и действовать во всеоружии таких знаний.

Что же касается марксистской идеи эксплуататорских и трудящихся классов, то на практике она неизменно подрывает мирное человеческое сотрудничество в рамках государственной территории и поэтому также является подрывной. К тому же она не соответствует действительному положению дел в государстве, которое прекрасно отразил в своей работе “Правящий класс” Г. Моска. В соответствии с представлениями Г. Моски, “смотреть на правящий класс как на эксплуататорский, а на управляемый как на эксплуатируемый означает стать жертвой абсурдного предрассудка” [23]. Ведь “обеспечивая порядок и поддерживая сплоченность социальной структуры, господствующие общественные слои создают условия, при которых управляемый класс может трудиться наиболее эффективно” [24]. Кроме того, они же из своей среды “обеспечивают производство техническим и административным персоналом” [25].

Как отмечал Г. Моска, паразиты и эксплуататоры “существуют во всех слоях общества, точно так же как эксплуатируемые имеются на всех ступенях экономической и социальной лестницы” [26]. Примеров этому более чем достаточно. Так, “человек является эксплуататором, когда расточает унаследованный им капитал в роскоши, играх и бесчинствах. Эксплуатируемым же оказывается его родственник, тяжело и честно накапливавший это состояние, работая много, потребляя мало и, возможно, не наслаждаясь совсем. Эксплуататор есть политик, который карабкается на высокие должности в государстве, извлекая выгоду из готовности людей позволить себя обмануть, потакающая сомнению и тщеславию масса, а также покупая совести и злоупотребляя всеми недостатками и слабостями своих товарищей” [27]. В роли же эксплуатируемого выступает “государственный деятель, работающий не для того, чтобы произвести впечатление на публику и заслужить ее одобрение, а для достижения действительной выгоды общества, и который поэтому всегда готов уйти в отставку, если чувствует, что больше не может приносить пользу государству. Эксплуа-

татор - это чиновник, получающий должность за исполнение постыдных поручений какого-либо политика, ленившийся на работе и добивающийся повышения в чине посредством угодничества перед начальством. Эксплуатируемый же - его коллега, занимающий сходную должность, который поступает противоположным образом. Эксплуататор - солдат, исчезающий в момент опасности, но возвращающийся, когда раздаются награды. Эксплуатируемый - его товарищ, смотрящий в лицо смерти без мысли о том, чтобы принять позу героя или же просить материальные выгоды и почести. Эксплуататор - ленивый и нечестный чернорабочий, живущий за счет своего нанимателя и иных рабочих и выманивающий у хозяина заработную плату за плохую работу или за ее отсутствие вообще. Эксплуатируемый - работник физического труда, добросовестно исполняющий свои обязанности, а также работу окружающих его лодырей, но довольствующийся таким же вознаграждением за труд, как и они" [28].

По словам Г. Моски, когда-то эксплуатируемые "именовались добрыми, честными, смелыми, трудолюбивыми и умеренными" [29], а эксплуататоры назывались "злыми, бесчестными, ленивыми, трусливыми и неводержанными" [30]. Однако сами эти два больших разряда людей, связанных узами неэквивалентного обмена материальных и духовных благ, "неизменно присутствуют на всех стадиях развития человечества" [31].

Идею государства как замиренного пространства, равно как и само государство, подрывают проповеди не только классовой, но и любой иной вражды между лицами, населяющими государственную территорию. Это объясняется тем, что такая вражда заставляет граждан государства направлять часть своих сил не на совершенствование самих себя и в конечном счете государственного общежития, а на причинение вреда друг другу. Вот почему система государственных органов, отстаивая идею общего блага всех граждан государства, которая предполагает их плодотворное сотрудничество в условиях разделения труда, призвана предпринимать все усилия с целью искоренения в умах членов государственного общежития идей, порождающих вражду между ними. Так, в условиях многонационального государства, старающегося создать новую этническую общность в своих пределах [32], являются безусловно подрывными идеи, объявляющие неполноценными одну или несколько этнических групп в рамках этого государства по сравнению с основной нацией.

Указанное теоретическое положение является весьма актуальным в условиях российской политической действительности. Как известно, распавшийся Советский Союз в свое время пытался создать фундамент, на котором возможно было бы его длительное существо-

вание. Таким фундаментом мыслился “советский народ” как новое этническое образование, члены которого в силу своей принадлежности к последнему всегда выступали бы за политическую независимость и единство объединявшего их государства. Эта задача реализована не была. Без этнической общности, объединявшей всех его граждан, Советский Союз распался. Однако новые государства, возникшие на территории СССР, в целях собственного самосохранения также вынуждены решать задачи создания в каждом из них этнических образований, которые бы обеспечивали их политическую независимость и единство.

Не является исключением из этого правила и Россия. Для того чтобы быть мощным и процветающим государством, она также не должна делить своих граждан на людей первого и второго сорта, коренных жителей и нежеланных пришельцев. Вместо этого Россия призвана сплачивать весь человеческий материал, волею судеб оказавшийся на ее территории, в единый коллектив, гармоничное содружество всех членов которого обеспечит ее прогресс.

Едва ли совместимы с решением подобной задачи политические лозунги типа “Россия для русских”, “Сибирь для сибиряков” и т.п. В ходе истории человечества процветающими государствами неизменно оказывались те, руководство которых ставило своих граждан в равные юридические условия, ибо только в этом случае открывалась дорога к социальному и политическому прогрессу. В качестве примеров можно отметить и римское государство, даровавшее права граждан в конечном счете всем провинциалам почти без исключения, и Соединенные Штаты Америки, сформировавшие уникальную процветающую державу, всемерно привлекая разделяющих принципы Конституции США граждан остальных государств мира, и Советский Союз, в период своего расцвета успешно преодолевавший межнациональные противоречия объединяемых им народов путем проведения в жизнь идей интернационализма.

Более того, все процветавшие государства в истории человечества отнюдь не оказывались безучастными, когда те или иные их граждане проповедовали идеи, подрывавшие социальный мир в их границах. Однако такая государственная политика, с точки зрения некоторых классиков политической мысли, является ошибочной. В политологии присутствует теоретическое представление о том, что система государственных органов не должна проводить в жизнь какой-либо идеологии [33]. Так, Л. Дюги некогда отмечал, что государство не должно иметь своей собственной доктрины, ему следует все идеологии признавать и уважать [34].

С таким заявлением согласиться нельзя. Государство в лице его политических учреждений в целях самосохранения и обеспечения собственного прогресса должно бороться с теми теоретическими представлениями, которые ранее были определены как подрывные. При этом, естественно, основой соответствующей работы государственных структур должно стать разъяснение членам политического общежития основных закономерностей его функционирования для того, чтобы отдельные лица сами осознали вред, причиняемый идеями, которые несовместимы с этими закономерностями. В частности, для борьбы с концепциями, порождающими вражду между различными категориями граждан государства, полезно ввести в содержание политического идеала ту или иную трактовку теоретического представления о единстве коренных долговременных интересов всех членов государственного общежития, о котором писали многие знаменитые политологи [35].

Как известно, такое единство обусловлено тем, что каждый человек на территории государства вынужден пользоваться продуктами деятельности остальных. В таких условиях причинение вреда в пределах политического тела одними людьми (или организациями) другим не дает возможности последним воспроизводить их силы для обслуживания нужд своих партнеров в системе разделения и координации труда и иной деятельности столь же успешно, как до нанесения им ущерба. Это негативно отражается на количестве и качестве итогов трудовых и других усилий пострадавших от вреда и, естественно, отрицательно сказывается на потребителях данной продукции, в том числе и на причинителях ущерба.

Присутствие теоретического положения о единстве коренных долговременных интересов всех граждан государства в содержании политического идеала полезно и еще по одной причине. Его уяснение людьми само по себе способно предотвратить нанесение ими вреда друг другу и поэтому исключить с их стороны множество актов взаимного насилия и обмана, которые государство, чтобы не погибнуть, вынуждено объявлять правонарушениями и преследовать юридическими санкциями.

Список литературы

1. См., напр.: Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1995. С. 12.
2. См.: Платон. Соч. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С.219-239; Аристотель. Политика. М., 1893. С. 111-112; The Political Ideas of St. Thomas Aquinas. Representative Selections. Ed.D.Bigongiari. N.Y., 1953. P.88; Mosca G. The Ruling Class. N.Y., 1939. P. 121-285 ; Макиавелли Н. Государь и рассуждения на первые три книги Тита Ливия. СПб., 1869. С. 153; Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. М., 1964. С. 197-209; Локк Д. Соч. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 319, 391-392.
3. See, e.c.: The Political Ideas of St. Thomas Aquinas. P. 88.
4. См.: Локк Д. Указ. соч. С. 319-395.
5. См.: там же. С. 194-245.
6. See: Mosca G. Op. cit.
7. См.: Руссо Ж-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 213-214.
8. Милль Д.С. Представительное правление. СПб., 1907. С. 33
9. Там же.
10. См.: Там же. С. 34.
11. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 675.
12. Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 529.
13. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. С. 329.
14. См., напр.: Дробышевский С.А. Указ. соч. С.7.
15. См.: Иеринг Р. Указ. соч. С. 236-237.
16. См.: Гоббс Т. Указ. соч. С. 192-197.
17. См.: Там же. С. 336-339.
18. См.: Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 297-396; Кропоткин П. Хлеб и воля. Современная наука и анархия: М., 1990. С. 153-369.
19. См.: Ницше Ф. Так говорил Заратустра. СПб., 1913. С. 67-70.
20. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.3. С. 31-37.
21. См.: там же. Т.4. С. 298-493.
22. См.: Платон. Указ. соч. С. 176.
23. Mosca G. Op. cit. P. 426.
24. Ibidem.
25. Ibidem.
26. Ibidem. P. 302.
27. Ibidem. P. 302-303.
28. Ibidem. P.303.
29. Ibidem.

30. Ibidem.
31. Ibidem.
32. See: *States in History*. Ed. by John A. Hall. N.Y., 1987. P. 169-172.
33. See: Sargent L. T. *Contemporary Political Ideologies: A Comparative Analysis*. Chicago, 1987. P. 6-7.
34. См.: Дюги Л. Указ. соч. С. 799-800.
35. См., напр.: Милль Д.С. Указ. соч. С. 115-123; Иеринг Р. Указ. соч. С. 268-269, 406-410.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Как известно, проблема происхождения государства и права относится к числу основополагающих в теории и истории государства и права. Но предмет анализа исследователя, задавшегося целью составить себе представление о происхождении государства и права, не может ограничиваться лишь государственно-правовыми системами прошлого и настоящего. Когда государство и право существуют, их становление уже произошло. Исследователь, желающий знать, как это случилось, должен начать свой анализ с момента, когда государства и права еще нет. Ему следует охарактеризовать подобное положение вещей, проследить процессы, приводящие к складыванию государственно-правовой системы, показать, как именно становление государства и права осуществилось, и, наконец, сравнить конституировавшееся государство и право с тем, что было до них. Последнее позволит выявить специфику государства и права как явлений общественной жизни.

С какого же момента догосударственной и доправовой истории следует начать исследование, чтобы иметь возможность правильно решить отмеченные задачи? Для ответа на этот вопрос прежде всего нужно иметь в виду, что в специальной литературе высказаны различные мнения о том, когда возникли государство и право. Ряд ученых разделяют точку зрения, согласно которой государство и право - генетически первые политические явления, возникающие одновременно с политикой в результате становления общественных классов. Иные исследователи весьма часто исходят из признания имманентности политики, политической организации и права человеческому обществу с самого начала его функционирования.

Несомненно, научный анализ происхождения государства и права нельзя осуществить без осмысления этих теоретических подходов. Решить подобную задачу возможно, лишь получив представление о доклассовой истории на всем ее протяжении, а также о первых этапах эволюции классового общества как об едином процессе развития. Только научный анализ столь обширного исторического периода

*© С.А. Дробышевский, 1999.

позволит, во-первых, увидеть здесь действительно существующие разграничительные линии либо же их отсутствие и, во-вторых, сопоставив полученные конкретные данные с имеющимися в специальной литературе точками зрения о происхождении государства и права, сделать надлежащие выводы.

Естественно, что обращение к эволюции доклассового общества в целях установления генезиса государства и права не может означать изучения в равной мере всех сторон первобытной истории. Необходимо подвергнуть анализу то в доклассовой социальной системе, что здесь характеризуется соответствующими исследователями как право, государство, политическая организация и т.п., словом, в качестве политико-юридических явлений.

Специалистам, пишущим о политике и праве в доклассовом обществе, свойственно признание политической организацией всякой общности людей, которая удовлетворяет основные потребности своих членов независимо от аналогичных социальных систем и в результате самостоятельно существует на арене взаимодействия подобных объединений как самоуправляемое целое [1]. Весьма часто ее называют политией. Гораздо реже исследователи именуют это явление государством, различая первобытный и цивилизованный типы последнего. Правом же они нередко считают важнейшие для нормального функционирования политики правила поведения, на нарушения которых реагируют не ее подразделения, а она целиком в лице своих общих органов управления [2]. Иными словами, право - общеобязательные для членов политики социальные нормы, если возможно таким образом трактовать общеобязательность.

Исследователи, занятые проблемами первобытности, в основном не оспаривают наличия в доклассовую эпоху человеческой истории, причем с самого ее начала, социальных организмов, являющихся относительно самостоятельными по отношению к остальным аналогичным объединениям. Но в наиболее распространенных теоретических схемах российских ученых, описывающих нормативное регулирование в доклассовом обществе, для общеобязательных правил поведения, которые существуют на всех этапах развития первобытнообщинного строя, места не находится [3]. Правильно ли это? Как показано в юридической литературе, государство - самостоятельно существующая в международном общении цивилизованная социальная система - немыслимо без права - общеобязательных правил поведения цивилизованного общества. Не справедливо ли и более общее заключение, согласно которому вообще всякая независимая от подобных объединений человеческая общность, то есть полиция, характеризуемая отечественными специалистами в качестве универсальной

(всеобъемлющей) социальной организации, необходимо предполагает действие в своих пределах общеобязательных правил поведения? Если удастся это обосновать, то тем самым окажется доказанным и наличие общеобязательных социальных норм в любой из доклассовых организаций, являющихся, как и государства, политиями.

Любая из последних - прежде всего социальная организация, то есть комбинированная деятельность ряда людей с целью удовлетворения их потребностей. Но полития - специфическая социальная организация, обеспечивающая удовлетворение в основном всей системы потребностей своих членов в конкретную историческую эпоху. Направления комбинированной человеческой деятельности, посредством которых реализуются отдельные нужды людей, неизбежно являются частями всеобъемлющей организации, ибо потребности, ими удовлетворяемые, необходимо входят в систему потребностей человека, реализуемую универсальной организацией.

Комбинирование актов по производству материальных и духовных благ в универсальной социальной организации, предпринимаемое людьми в целях обеспечения их жизнедеятельности, осуществляется путем ограничения усилий каждого из них лишь частью дел, нужных для его личного существования. Но этими делами человек занимается уже не в объеме, необходимом для реализации только его личной потребности, а в масштабах, которые позволяют удовлетворить, разумеется, по мере его сил, соответствующую потребность организации, то есть всех участников комбинированной деятельности. В результате каждый член универсальной организации выполняет в ней какую-то функцию, важную для всех комбинирующих свои усилия лиц, или хотя бы участвует в ее реализации. Сама же организация выступает как система разделения труда и иной деятельности между охватываемыми ею трудоспособными людьми. Причем существование каждого члена корпорации обеспечивается распределением общего продукта между всеми ими.

Деление функций организации среди входящих в нее людей, согласование их усилий, наконец распределение произведенного продукта составляет содержание необходимо возникающей в любой комбинированной деятельности ряда человеческих индивидов работы по социальному управлению. Она реализуется присущими всякой организации органами управления. Управленческие усилия осуществляются, во-первых, путем анализа руководством организации закономерностей совместной деятельности (на этой основе определяется, какой образ действий членов организации соответствует стоящей перед ней цели и какой - противоречит ей); во-вторых, посредством формулирования для всех членов организации обязательных к исполнению пра-

вил поведения, реализация которых обеспечивает достижение цели организации; в-третьих, путем индивидуализации правил корпорации применительно к конкретным ситуациям, а также посредством наказания лиц, нарушающих предписанные органами управления нормы, и поощрения всех тех, кто ревностно исполняет установления организации.

Следует обратить особое внимание на необходимость присутствия во всякой организации системы социальных норм. “Для того, чтобы именоваться организациями..., системы должны иметь определенную структуру и они должны действовать в соответствии с правилами, точно определенными абстрактной моделью” организации, отмечает, в частности, С. Королайнен [4]. Отдельный человек, осуществляя какую-либо деятельность по удовлетворению личных потребностей, если будет поступать не в соответствии с познанными им закономерностями этой деятельности, то есть нарушая ее правила, может ущемить лишь собственные интересы. В комбинированной же деятельности ряда людей, совместно пытающихся реализовать свои нужды, отступление от ее правил любого из них принесет вред как нарушителю, так и всем остальным. Поэтому правила комбинированных усилий хотя бы нескольких лиц, желающих действовать успешно, должны стать обязательными для такого коллектива, приобретя тем самым качество социальных норм. Вот почему объединенные организацией индивиды должны конституировать и органы управления ею, призванные формулировать и обеспечивать реализацию указанных правил.

Осуществляемое этими органами общее для корпорации нормативное регулирование дополняет и корректирует управление своими собственными действиями каждым участником комбинированной деятельности, реализуемое без вмешательства корпоративных органов управления. Руководя актами своего поведения в рамках организации, любой ее член поступает подобно тому, как выполняют управленческие функции руководящие органы организации: изучает закономерности своих действий и формулирует личные правила поведения, обеспечивающие наилучшие результаты, применяет их к разнообразным ситуациям. Органы управления организации “поправляют” это осуществляемое каждым членом корпорации нормативное регулирование в том случае, если оно “не вписывается” в нормальное функционирование корпорации.

В универсальной социальной организации система органов управления и нормативное регулирование необходимо имеют по крайней мере еще один “этаж”. Задача реализуемых здесь упорядочивающих функций - координация работы руководящих органов, входя-

щих в политику корпораций с тем, чтобы, обеспечивая удовлетворение системы нужд своих членов в рамках, диктуемых функционирующим способом производства, универсальная организация могла существовать как самостоятельное целое на международной арене. Говоря иначе, в политике необходимо присутствие, кроме руководящих органов ее подразделений, и общеполитийных органов управления; помимо нормативного регулирования, осуществляемого первыми, и общеполитийного нормативного регулирования этого центрального руководящего аппарата. Если нормы, формулируемые и проводимые в жизнь органами управления подразделений политики, имеют обязательную силу лишь в пределах таких подразделений, то правила поведения, формулируемые, применяемые к конкретным ситуациям и охраняемые от нарушений общеполитийным руководящим аппаратом, необходимо являются общеобязательными для всей универсальной организации.

Вывод о наличии во всякой политике, как первобытной, так и цивилизованной, нормативного регулирования, предметом которого выступают общеобязательные для всех ее членов социальные нормы, подтверждается этнографическими данными из жизни нецивилизованных обществ. Так, в социальных организмах кочующих охотников-собирателей - общепризнанно самых неразвитых из ныне существующих первобытных человеческих общностей - исследователи, их изучающие, констатируют присутствие наряду с нормативным регулированием и правилами, свойственными подразделениям универсальной организации, и общеполитийных нормативного регулирования и социальных норм. Например, О.Е. Чудинова пишет, что в локальных группах австралийских аборигенов нарушения некоторых правил поведения трактуются как угроза благополучию всего общества. За подобные отклонения от норм провинившихся наказывает локальная группа как целое в лице своих общегрупповых руководящих органов. Отступление же от других правил представляют собой мелкие нарушения, рассматриваемые как частное дело и разрешаемые непосредственно заинтересованными лицами и их близкими родственниками [5]. Различие у аборигенов Австралии "между проступками... против общества в целом... и теми, которые разрешаются" органами управления входящих в политику корпораций, отмечают также Р.М. и К.Х. Берндты [6]. Они дают развернутую характеристику нормативного регулирования в обоих случаях, описывают правила поведения, проводимые в жизнь при этом [7]. В работах, посвященных кочующим охотникам и собирателям других регионов земного шара, мысль о наличии над нормативным регулированием и нормами в подразделениях соответствующих политий общеполитийных нормативного регулирования и правил

поведения проводится тоже. Равным образом есть многочисленные свидетельства присутствия общеобязательных для всей политики социальных норм в более высокоразвитых, чем социальные организмы кочующих охотников-собирателей, первобытных обществах [8].

Сказанное недвусмысленно свидетельствует, что вполне возможно выделять на всем протяжении первобытной истории функционирование политической организации и свойственной ей системы общеобязательных правил поведения. Исследование этих феноменов нецивилизованного общества наряду с изучением политик и общеобязательных социальных норм начала эпохи цивилизации как двух этапов единого процесса развития даст возможность в полной мере охарактеризовать происхождение государства и права, верно оценив имеющиеся в специальной литературе различия во мнениях специалистов по данному вопросу.

Список литературы

1. See Nanda S. Cultural Anthropology. Belmont, Calif.: Wadsworth Publishing Company, 1984. P. 269-282.
2. См.: Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1995. С. 74-75.
3. См.: Институты самоуправления: историко-правовое исследование / Под ред. Л.С. Мамута. М.: Наука, 1995. С. 19.
4. S. Korolainen. On the Conceptual and Logical Foundations of the General Theory of Human Organizations. A Cybernetic Approach. Helsinki: The Helsinki School of Economics, 1980. P. 133.
5. См.: Чудинова О.Ю. Индивидуальное поведение и общественная регламентация у аборигенов Австралии // Страны южных морей / Отв. ред. К.В. Малаховский. М.: Наука, 1980. С. 192-194.
6. Берндт Р.М., Берндт К.Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1981. С. 268.
7. Там же. С. 260-281.
8. See Hoebel E.A. The Law of Primitive Man. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1954. P. 100-210.

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ РОССИИ 1864 ГОДА

История разработки судебной реформы 1864 года началась в России еще в первой половине XIX в. Так, в царствование императора Александра I М.М. Сперанский в своем знаменитом “Введении к уложению государственных законов” 1809 года составил программу усовершенствования отечественных судов. К проектам судебных преобразований страны Сперанский возвращался и в 20-е годы XIX в. В 30-е годы в правление императора Николая I в высших правительственных кругах также разрабатывали проекты законов о судостроительстве и судопроизводстве России. Однако осуществить судебную реформу без решения коренных вопросов общественной жизни и прежде всего крестьянского вопроса в России тогда было невозможно.

Только с восшествием на престол Александра II в 1855 году, когда идеи освобождения российских крестьян нашли в стране благоприятную почву, развернулись и практические работы по реформе суда. Летом 1857 года в Государственный Совет был представлен разработанный во II отделении царской канцелярии проект Устава гражданского судопроизводства с некоторыми элементами состязательности [1]. При обсуждении этого проекта высшее чиновничество разделилось на консерваторов и либералов. Первые в лице князя П.Д. Долгорукова направили царю по поводу проекта записку, а вторые в лице чиновника Морского министерства князя Д.А. Оболенского составили на проект замечания, вскоре ставшие предметом обсуждения обществу. И хотя у либералов еще не сложилась четкая программа судебной реформы, но это уже была заявка на разработку традиционных буржуазных принципов и институтов правосудия. Возглавлявший тогда II отделение граф Д.Н. Блудов также считал, что изменять российское гражданско-процессуальное законодательство следует постепенно и только на базе накопленного веками отечественного опыта. Двухлетнее обсуждение реформы увенчалось победой либеральных настроений: проект Устава гражданского судопроизводства потребовал новой редакции.

В 1858 году появился на свет проект закона об адвокатуре, что явилось серьезным поворотом в сторону преодоления прежнего отрицательного отношения властей к этому институту. Дискуссия о

*© О.П. Подосенов, 1999.

судебной реформе перешла и на страницы журналов и иных печатных изданий.

В 1859 году во II отделении были составлены проекты Положения о судоустройстве и Устава по преступлениям и проступкам, то есть уголовно-процессуального кодекса России. Впервые в этих проектах упоминался институт мировых судей.

В мае 1860 года Александр II утвердил представленный статс-секретарем Госсювета С.И. Зарудным проект закона о судебных следователях, что явилось довольно крупным мероприятием в области преобразования в стране предварительного следствия [2]. В течение 1860-1861 годов все вышеназванные законопроекты с замечаниями на них высших должностных лиц государства обсуждались на заседаниях Государственного совета.

Судебная реформа была нереальна без раскрепощения крестьян. Лишь освобожденные от крепостной неволи и вышедшие из-под юрисдикции помещиков крестьяне могли искать защиты своих нарушенных личных и имущественных прав в новом общесословном суде, построенном на более прогрессивных буржуазных принципах. После же принятия Положения 19 февраля 1861 года и других документов крестьянской реформы социальная потребность в судебной реформе заметно возросла, но не прекращающаяся борьба направлений во взглядах на реформу и отсутствие среди реформаторов единой концепции вели к несогласованности их действий при обсуждении тех или иных вопросов реформы и не позволяли активно двигать реформу вперед. Для ускорения проведения судебной реформы ее подготовка в октябре 1861 года из II отделения была передана в Государственную канцелярию, возглавляемую госсекретарем В.П. Бутковым. Тогда же для разработки отдельных частей реформы при Канцелярии из числа либералов-единомышленников, занимавших важные посты в центральном аппарате, была образована комиссия. В состав комиссии входили такие видные русские юристы, как А.П. Плавский, Н.И. Стояновский, С.И. Зарудный, П.А. Даневский, Д.П. Шубин, Н.А. Буцковский, К.П. Победоносцев, Д.А. Ровинский. Фактически руководил работой этой комиссии С.И. Зарудный.

В основу своей работы комиссия прежде всего положила общую теорию буржуазного судоустройства и судопроизводства и использовала довольно обширную практику западноевропейского законодательства. Комиссия ссылалась на труды авторитетных ученых-юристов Англии, Германии, Италии и других стран Европы. "Отцы реформы" считались и с традициями российского правосудия. Вводя в свои проекты определенные коррективы, они старались доказать, что такие буржуазные институты, как суд присяжных или адвокатура, ни в

коей мере не подрывают основ самодержавия. К тому же реформаторы предусматривали и меры для охраны существующего строя от возможных посягательств. Так, для рассмотрения государственных преступлений они предложили создать суд сословных представителей.

Однако единомыслие “отцов реформы” не исключало и оживленных споров между ними, так как каждый член комиссии занимался конкретными и довольно дискуссионными вопросами. Ведущий разработчик уголовно-процессуального законодательства Н.А. Буцковский считал, что четыре главных начала управляют уголовным правосудием - начало обвинительное, начало судебной защиты, начало свободного внутреннего убеждения судей и начало гласности, устности судопроизводства. Поэтому судья мог судить и выносить приговоры тогда, когда он не причастен никаким односторонним действиям обвинения или защиты. А для обнаружения истины Буцковский предлагал создавать такие институты состязательного процесса, которые, обеспечивая общество от преступлений, одновременно ограждали бы лиц от неправильного обвинения и тем самым гарантировали бы объективность при разрешении дел. Особенно большое внимание Буцковский уделял процессуальным гарантиям обвиняемого на предварительном следствии. Считая, что при сборе и оценке доказательств произвол следователя опаснее произвола судьи, он возлагал надзор за следствием на прокурора. А право обвиняемого на защиту, по его мнению, должно было обеспечиваться отводом следователя, а также ознакомлением обвиняемого по окончании следствия с материалами дела. Для ограждения от необоснованного привлечения лица к суду после окончания следствия Буцковский предлагал ввести обряд предания суду, где суд в присутствии прокурора оценивал бы материалы предварительного расследования и разрешал вопрос, есть ли основание для суда над обвиняемым или следует прекратить дело за отсутствием состава преступления. А окончательно материалы следствия все-таки должны были проверяться в судебном заседании в ходе гласного состязательного процесса и при наличии судебной защиты как стороны, равной обвинению [3].

Пристальное внимание было уделено реформаторами теории доказательств в уголовном процессе. “Отцы реформы” считали, что от решения вопроса, какую теорию доказательств в процессе принять - формальную или по внутреннему убеждению судей - зависели и формы судопроизводства, и устройство суда, и гарантии прав подсудимого, да и вообще все правосудие. Наиболее целесообразной они видели теорию доказательств по внутреннему убеждению судей.

Новая система судоустройства была предложена К.П. Победоносцевым. Согласно его проекту уголовным судом первой инстанции

России должен был стать окружной суд, а судом второй инстанции - судебная палата. Сенат, венчая судоустройство, играл роль кассационного суда империи. Он должен был, по мнению Победоносцева, определять единство судебной практики и исключать нарушение существующих правил и форм судопроизводства всеми судами империи. Прототипом будущего высшего суда России должен был послужить кассационный суд Франции. При судах, исключая мировой суд, должны были состоять прокуроры, которым вверялась бы обвинительная власть, т.е. обнаружение преступлений, преследование виновных лиц и поддержание обвинения в суде. Полиция при производстве дознаний должна была подчиняться прокурору.

Всесторонне обосновали институт присяжных заседателей его разработчики Д.Л. Ровинский и С.И. Зарудный. Они опровергли утверждение противников реформы о неподготовленности русского народа к принятию суда присяжных и источник беззакония в стране видели не в отсталости народа, а в старой сословной системе правосудия. По мнению Зарудного, суд присяжных способен был обеспечивать спокойствие в государстве стабильностью своих судебных решений [4].

Комиссия поддержала и мировую юстицию, прежде всего, как беспристрастного посредника при разрешении на местах взаимных недоразумений, мелких споров и проступков. Д.Л. Ровинский, разрабатывая этот институт, ставил вопросы о порядке формирования мировых судов и их компетенции. По его мнению, избираемые всеми сословиями из кандидатов, имеющих право быть судьями, мировые судьи в интересах объективности выносимых ими решений должны быть не сменяемы и не зависимы от своих избирателей. А для быстроты рассмотрения дел в мировых судах должна быть упрощена процедура движения дел, введена гласность. Однако предложения Ровинского об обособлении мировых судов от общей судебной системы, о бессрочности их полномочий и о специальном образовании для кандидатов в судьи были отклонены комиссией.

Ответы на спорные вопросы организации адвокатуры содержались в замечаниях юристов-практиков на проект Положения о присяжных поверенных 1859 года. Прежде всего в них были определены условия приема поверенных в не зависящие от судов корпорации и порядок хождения по судебным делам особых ходатаев.

Дискуссионным в комиссии был также вопрос о порядке формирования судей. Однако предпочтение было отдано назначению вообще всех судей, исключая мировых судей и состоящих при окружных судах присяжных заседателей. Помимо назначаемости судей, соеди-

ненной с их несменяемостью, гарантию независимости судей реформаторы усматривали и в их высоких должностных окладах.

Новая судебно-процессуальная конструкция России, предложенная комиссией Зарудного, была тесно взаимодействующим организмом, в котором его институты не могли работать один без другого и если убрать или существенно изменить один из них, то могла возникнуть опасность для всей системы в целом. Дознаватели, следовательно, прокуроры, судьи были независимы от исполнительной власти в реализации своих полномочий, независимы и друг от друга, и в то же время властные правомочия одних были сбалансированы компетенцией других. Эта система предполагала и взаимное сдерживание возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц. Так, материалы дознания не были обязательными для следователей, подчинявшихся иному ведомству, чем полиция. Прокурор контролировал дознание и следствие, но лично сам не мог расследовать преступление. Суд перепроверял материалы следствия. Гласность судопроизводства обеспечивала общественный контроль за работой суда. В целом без этого механизма сохранить неприкосновенность личности, собственности, то есть реализовать задачи судебной реформы, было невозможно.

Важнейшей правовой базой по завершению реформы явились “Основные положения преобразования судебной части в России”. Составлены они были комиссией весной 1862 года и в течение лета того же года обсуждались на заседаниях Государственного совета. Спорными были вопросы об апелляционной инстанции для мировых судов, о подсудности преступлений, совершенных дворянами и другими привилегированными лицами, о порядке рассмотрения дел о государственных и должностных преступлениях, о формировании участковых и почетных мировых судей, присяжных заседателей, о предании департаментам Сената кассационных полномочий и др. 29 сентября 1862 года “Положения” были утверждены царем, а в начале октября опубликованы в газетах. Обнародование судебной реформы уже окончательно подтверждало политику гласности в государственных преобразованиях и означало, что правительство брало на себя обязательство подготовки реформы, исходя из прогрессивных буржуазных принципов.

“Основные положения” включали в себя разделы, посвященные вопросам судостроительства, гражданского и уголовного судопроизводства. Были зафиксированы такие буржуазно-демократические институты, как отделение суда от администрации, выборный всесословный суд, институт присяжных заседателей в окружном суде, прокуратура, адвокатура. “Положения” закрепляли принципы осуществления

правосудия только судом гласность, состязательность, отменяли систему формальных доказательств, упраздняли оставление в подозрении, утверждали двухинстанционность уголовного процесса и др.

Еще 27 сентября 1862 года Александр II утвердил доклад государственного секретаря В.П. Буткова, содержавший план дальнейших работ по судебной реформе. Согласно этому плану подготовка законопроектов по реформе по-прежнему должна была вестись в Государственной канцелярии, но в ее комиссию, помимо основных разработчиков реформы, включали представителей II отделения, Министерства юстиции, а также различных экспертов - от университетских профессоров до полицейских чиновников. Разногласия по тем или иным вопросам реформы были и в этой расширенной комиссии. Как и прежде, комиссию возглавлял С.И. Зарудный.

Ряд членов комиссии (Шубин, Зарудный и др.) считали необходимым снизить имущественный ценз для кандидатов в мировые судьи до 100 руб.; другие члены (Буцковский, Ровинский, Даневский), напротив, полагали увеличить этот ценз до 500 руб., считая годовой доход в 100 руб. недостаточным для мировых судей. Плавский и Утин предложили не требовать от кандидатов в судьи, имеющих высшее образование, никакой недвижимости собственности. Дискутировался в комиссии и вопрос о порядке формирования мировых судей. Большинство ее участников считало, что избирать мировых судей нужно не всем населением по участкам, а на уездных земских собраниях. Обсуждали в комиссии и вопрос о присяжных поверенных. Решено было объединить в корпорации лиц, способных осуществлять в суде защиту.

На базе “Основных положений” и с учетом новых предложений комиссия Государственной канцелярии подготовила проекты судебных уставов. Проекты уставов на заседаниях Госсовета рассматривали летом 1864 года, и здесь возникали те же вопросы, что и при обсуждении “Основных положений” в 1862 году. Наконец 20 ноября 1864 года судебные уставы были утверждены императором. В указе по этому поводу говорилось: “Водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе уважение к закону” [5].

Документами судебной реформы стали уже четыре закона. Учреждение судебных установлений было посвящено судостроительству России, Уставы гражданского и уголовного судопроизводства были посвящены гражданскому и уголовному процессам. А прежде отсутствовавший Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, содержал нормы о небольших уголовных и административных правонарушениях.

шениях. Судебные уставы также исходили из буржуазных принципов и идей правосудия.

Судебная реформа затрагивала интересы всех классов, всех слоев тогдашнего российского общества. Интерес историков к реформе прошлого века не случаен: и в наши дни принципы судоустройства и судопроизводства, заложенные в судебных уставах, могут быть использованы при совершенствовании правовой системы.

Список литературы

1. Российское законодательство X-XX вв. Т. 8. Судебная реформа. М.: Юрид. лит., 1991. С. 9.
2. Там же. С. 9-10.
3. См.: Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. С. 100.
4. Там же. С. 102.
5. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1880. Т. 2. С. 412.

ВЫБОРЫ В I И II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ПО КРЕСТЬЯНСКОЙ КУРИИ

Важнейшим нововведением в системе государственного механизма России в начале XX в. стало учреждение Государственной думы. В ее создании осуществились идеи, которые разрабатывались еще М.М. Сперанским. Но то, что не удалось осуществить ни Сперанскому, ни земцам, сделал народ. Однако в Положении о выборах в Думу содержалась масса ограничений, препятствующих широким кругам русского общества принять участие в работе этого органа. Из избирательного корпуса исключались женщины; лица моложе 25 лет; военнослужащие; учащиеся; “бродячие инородцы”; иностранные подданные; лица, подвергшиеся наказанию за преступные деяния, которые влекли за собой лишение или ограничение прав состояния либо исключение со службы; отрешенные по судебным приговорам от должности; состоящие под следствием или судом по обвинению в преступных деяниях, влекущих за собой лишение или ограничение прав состояния или исключение со службы; подвергшиеся несостоятельности впрямь до определения ее свойства; несостоятельные, кроме тех, несостоятельность которых признана несчастною; лишенные духовного звания или сана за пороки или же исключенные из среды общества и дворянских собраний по сословным приговорам; осужденные за уклонение от воинской повинности.

Для того чтобы осуществить избирательное право, надо было быть причисленным к какой-либо курии. Курий было четыре: уездных землевладельцев, городских избирателей, волостных крестьян и рабочих. Каждая курия избирала выборщиков на своих съездах. Нормы представительства в куриях оказались существенно различными. В результате получалось, что один голос помещика был равен трем головам городского буржуа, пятнадцати голосам крестьян и сорока пяти голосам рабочих избирателей.

Предусматривались многостепенные выборы, притом с разным числом ступеней для каждой курии: для помещиков и горожан - двухстепенные, для рабочих - трехстепенные, для крестьян - четырехстепенные. Избирательное право крестьян было особенно ограничено. Крестьяне должны были сперва избирать уполномоченных на волост-

ной сход, волостной сход выбирал по два уполномоченных от волостей, уполномоченные от волостей избирали выборщиков, которые на уездном избирательном съезде вместе с выборщиками от землевладельцев и городских избирателей могли выбирать членов Государственной думы.

Поскольку крестьянство составляло громадную массу в России, оно не могло не дать определенного числа депутатов Думы. Несмотря на все ограничения, крестьянство имело заметное представительство. Авторы избирательных законов находились к тому же в заблуждении: они надеялись на консервативные или монархические установки крестьянства. Граф А.А. Бобринский в лад с некоторыми другими участниками Петергофских совещаний 1905 года говорил: “Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов” [1]. История I и II Государственной думы опровергла эти иллюзии.

Избирательными округами были губернии, области и 27 наиболее крупных городов. В Положении о выборах в Государственную думу указывалось, сколько членов Государственной думы приходится на тот или иной избирательный округ и сколько выборщиков должно быть от каждого съезда (курии), причем давался репрезентативный перевес цензовым элементам. Общее число членов Государственной думы было 524.

Одна из особенностей выборов в Государственную думу в Сибири заключалась в том, что основными выборщиками здесь еще в большей степени, чем в Европейской России, были крестьяне. По закону 11 декабря 1905 года в сибирских губерниях образовывались только два избирательных съезда: съезд городских избирателей и съезд уполномоченных от волостей. Отсутствовали избирательные съезды от землевладельцев и уполномоченных от рабочих [2].

От Енисейской и Иркутской губерний население выбирало по два депутата в Думу, в том числе от Иркутской губернии один депутат - от всего населения, а второй - от г. Иркутска. Забайкальская область посылала трех депутатов в Думу: от казаков, городского и сельского населения, а также от коренного населения. 72,9 % выборщиков избирались съездом уполномоченных от волостей, в том числе в Енисейской губернии 24 выборщика из 31, в Иркутской губернии 11 из 16, в Забайкальской области 19 из 27. Для сравнения - в Европейской России крестьяне избирали 43 % выборщиков.

Выборы в I Государственную думу в Восточной Сибири завершились только в Енисейской губернии. В Забайкальской области лишь после издания особых “Правил о применении в Забайкальской области выборов в Государственную думу от 22 апреля 1906 г.” началась под-

готовка к выборам, а избирательные собрания выборщиков были назначены на октябрь 1906 года. К моменту разгона I Думы в Забайкалье и Иркутской губернии прошли только первые стадии выборов.

Результаты выборов не оправдали расчеты самодержавия и планы либералов. Объединение крестьян в период выборов в целом проходило на демократической основе, под влиянием мелкобуржуазных партий. В связи с тем, что выборы в I Государственную думу закончились только в Енисейской губернии, от Восточной Сибири в I Думу фактически были посланы два депутата-трудовика.

Несмотря на противодействия со стороны администрации, особенно крестьянских начальников, которые, по словам корреспондента “Голоса Сибири”, усиленно охраняли деревню от влияния “злонамеренных лиц”, запугивали крестьян, в селах в начале 1906 года проходили предвыборные собрания, выходившие часто за установленные узкие рамки [3]. Организаторами предвыборных собраний были нередко представители местной интеллигенции, которые не имели права проводить собрания, так как чаще всего относились к городским избирателям. О некоторых предстоящих собраниях ничего не сообщалось начальнику местной полиции, как требовало “Общес положение о предвыборных собраниях” [4].

Особенно активно предвыборные собрания проходили в Минусинском уезде, который давал 49 % крестьянских выборщиков в Енисейской губернии. Крестьяне на предвыборных собраниях находились под сильным влиянием политических ссыльных, особенно представителей мелкобуржуазных партий.

Директивные документы эсеровской партии обосновывали бойкот I Думы, но теоретические исходные позиции бойкота и его связь с программными установками были иными, чем у большевиков. Шире, чем в других уездах губернии, эсеры действовали в Минусинском уезде.

С января 1906 года начались предвыборные собрания в с. Каратузском Сагайской волости Минусинского уезда. Их организатором стал будущий член I Думы от Енисейской губернии, близкий к эсерам врач Н.Ф. Николаевский. Ему активно помогали эсеры, аптекарь Р.И. Зефилов и акцизный чиновник П.А. Дорофеев, призывавшие крестьян к бойкоту Думы. Выделялась группа крестьян, которая на собраниях стала требовать созыва не Государственной думы, а Учредительного собрания и установления в стране республиканского строя.

На собраниях обсуждались программы различных партий, политическое положение в России. Н.Ф. Николаевский часто говорил о тяжелом положении крестьян, о несправедливом обложении налогами. Организаторы читали крестьянам запрещенную литературу. Как со-

общил крестьянин Н.И. Густокашин, на предвыборных собраниях иногда присутствовало до 300 человек, нередко приезжали крестьяне из других сел. Но это не значит, что позицию эсеров разделяли все крестьяне села. По сообщению начальника Енисейского губернского жандармского управления в сентябре 1906 года из почти 2 тысяч жителей с. Каратузского сочувствующих Р.И. Зефинову и П.А. Дорофееву - "около 150 человек" [5].

Активизировали свою работу собрания в с. Ермаковском Ермаковской волости Минусинского уезда под руководством эсера, врача С.М. Стефановича. Они проходили в основном на квартире С.М. Стефановича и не приобрели такого размаха, как в с. Каратузском. Предвыборные собрания проходили также в с. Тигрицком Тигрицкой волости, Абаканской и Комской волостях. Менее широко собрания проводились и в других волостях губернии.

Первая стадия выборов по источникам практически не прослеживается. На этой стадии крестьяне на сельских сходах должны были выбирать гласников, одного от каждых 10 дворов, которые отправлялись на волостной сход для избрания уполномоченных от волостей.

Исход выборов во многом зависел от степени организованности и преобладания в том или ином районе активных или более пассивных групп крестьян. В конечном итоге состав уполномоченных и выборщиков оказывался пестрым и неоднородным, как и само крестьянство. Например, уполномоченными от Заледеевской волости Красноярского уезда были избраны крестьяне Е.И. Рачковский и В.А. Замятин: "Первый - человек неопределенных взглядов, читает главным образом священное писание; второй - бывший волостной старшина, человек состоятельный, воротила в своей деревне" [6]. 19 марта 1906 года в Частоостровском волостном управлении Красноярского уезда выбраны уполномоченными крестьяне В.А. Кузнецов, бывший волостной староста, и Г.А. Горестов, "недавно еще торговавший в питейном заведении, а теперь служащий старостой" в д. Кубеково. Г.А. Горестов не пользовался симпатиями у населения. Оба уполномоченные были предложены старшиной. Крестьяне пытались выдвинуть свои кандидатуры, в том числе крестьянина С. Попова, но старшина категорически всех отклонил [7]. Более четкая политическая позиция выявилась при выборе уполномоченных от Сухобузимской волости Красноярского уезда. Об избранных В. Сидельникове и И.Г. Иванове сообщалось в "Голосе Сибири": "Первый из них принадлежит к числу местных богатеев и служил ранее волостным старшиной, получив похвальный лист за выколачивание недоимок, второй заявил себя оппозицией против местного кулачества" [8].

Поскольку решающая роль в составлении списков избирателей, уполномоченных и выборщиков принадлежала администрации, то обычными были случаи, когда нежелательный избиратель, уполномоченный или выборщик, “разъяснялся”, т.е. царская администрация добивалась лишения его избирательного права путем грубейшего искажения законов. Выборы производили закрытой баллотировкой, но тайная подача голосов использовалась администрацией для всякого рода подлогов и подтасовок.

Вообще правительство принимало все меры к тому, чтобы максимально сузить круг избирателей. Одним из самых основных способов была фальсификация избирательных списков. В случае пропуска в списках надо было обращаться в избирательное присутствие, в полицию, к домовладельцам и добиваться разного рода справок. Эта волокита отбивала у лиц, не занесенных в список, желание участвовать в выборах. Иногда местная администрация принимала меры к тому, чтобы широким массам населения было неизвестно, какие категории имеют право участвовать в выборах. Часто полиция возвращала избирательные бюллетени якобы за нерозыском адресатов. Министерство внутренних дел организовало специальный аппарат для того, чтобы поправками, дополнениями и разъяснениями к избирательному закону еще более ограничить права простого народа. Нежелательных кандидатов в выборщики арестовывали или же угрожали им расправой.

В Забайкалье первые две стадии выборов прошли в конце июня 1906 года среди казачьего населения. Выборы проходили в обстановке террора. В числе уполномоченных были избраны 34,7 % станичных и поселковых атаманов, 35,6 % представителей офицерства и чиновничества, 17,8 % учителей и 8,5 % рядовых казаков. Войсковое хозяйственное правление обязывало станичные общества выбирать только тех казаков, которые не были замешаны в революционном движении и не подписывали приговоров в 1905 году. [9].

Несмотря на эти препятствия, некоторые крестьяне вели себя активно и свободно, требуя серьезных демократических преобразований в стране. Конечно, это была небольшая часть выборщиков. Так, уполномоченный от Сагайской волости Минусинского уезда Д.Е. Моныхов по сообщению властей стремился пройти в Государственную думу, чтобы требовать “установления конституции на самых широких революционных началах” [10]. Систематическую агитацию среди крестьян вел выборщик от Даурской волости Ачинского уезда И.А. Ячменев. По словам крестьянского начальника, И.А. Ячменев сочувствовал социал-демократам, распространял нелегальную литературу, призывал к свержению самодержавия [11]. Вел агитацию среди крестьян уполномоченный от Тигрицкой волости Е. Валов. Выборщик от Подсаян-

ской волости Ачинского уезда волостной писарь М.П. Андреев призвал крестьян составлять “противоправительственные приговоры”, раздавал прокламации. Сам он себя причислял к трудовой группе. В дальнейшем губернатор отдал распоряжение за агитацию “немедленно устранить его от службы и арестовать” [12].

Выборы депутатов от Енисейской губернии прошли 30 мая 1906 года. Но еще в конце апреля выборщики, крестьяне от Ачинского уезда И.А. Ячменев, М.П. Андреев, Д.А. Дутов, Е.С. Калинин, Е. Кузьмишко поместили в “Голосе Сибири” открытое письмо, в котором приглашали всех выборщиков от крестьян Красноярского, Канского, Минусинского и Енисейского уездов “приехать дней за пять раньше, чтобы сговориться” [13].

К 25 мая выборщики от крестьян съехались в Красноярск. На собраниях 25-29 мая наиболее острая борьба развернулась по аграрному вопросу. Корреспондент “Голоса Сибири” сообщил, что “земля - аграрный вопрос, как бы это не казалось странным, поставлен был сибирским мужиком в первую очередь” [14].

Наиболее радикальные позиции по аграрному вопросу занял И.А. Ячменев, “молодой, одетый в простое сером армяке, подпоясанным шнурком, - единственный крестьянин, одетый по-простому, побудничному, как будто сейчас от сохи”. Его требование - отчуждение частновладельческой земли без выкупа. Он указывал, что “затраченный помещиками в землю труд давно уже и с лихвой в сто раз больше взят обратно”. И.А. Ячменев не только отвергал выкуп, но, как передавал его речь “Голос Сибири”, “в страстных словах жаловался на гнет чиновников, сидящих на горбу крестьянина, говорил о ненужности и бесполезности крестьянских начальников, лесничих, сотских и десятских. Кроме земли крестьянину нужны человеческие права и воля. Темнота крестьянина, невежество ужасны...”.

Большинство крестьянских выборщиков не поддержало красноярских кадетов и высказалось против выкупа земли. Правда, окончательно этот вопрос, по мнению выборщиков, должна решить Государственная дума. На собраниях был поднят ряд других вопросов: о полной политической амнистии, уничтожении смертной казни, отмене всех исключительных законов, о введении в Сибири земства на основах всеобщего избирательного права и широкого самоуправления, выборных судьях, равенстве сословий и уничтожении дворянских привилегий. Вслед за кадетом В.А. Карауловым выборщики решили объединиться и поддерживать Государственную думу целиком, а не только трудовую группу, как предлагали некоторые из них. Но в целом кадеты потерпели поражение, что и показали выборы 30 мая 1906 года от Енисейской губернии. Оба депутата оказались от Минусинского уезда:

крестьянин с. Шушенского Симон Афанасьевич Ермолаев, 36 лет и врач с. Каратузского Николай Федорович Николаевский, 35 лет. Это были демократически настроенные трудовики, защитники крестьянских интересов, и в Думе они вошли в трудовую фракцию.

15 июня 1906 года состоялся съезд представителей крестьян Минусинского уезда в с. Шушенском для выработки наказа С.А. Ермолаеву. Съезд состоялся вопреки запрещению администрации. Некоторые крестьяне пришли в Шушенское пешком за сорок и более верст [15].

По земельному вопросу крестьяне Сибири, как и в центре страны, выдвигали более радикальные требования, чем в области государственно-политической. Хотя крестьяне шли дальше кадетов в политической программе (превращение Государственной думы в Учредительное собрание), они не выступали за полную ликвидацию царской монархии.

Из 15 депутатов от Сибири в I Думу 9 прошли как кадеты, 1 от партии демократических реформ, 1 октябрист, 2 трудовика, 1 социал-демократ, 1 беспартийный. Но в самой Думе три депутата - крестьянина, избранные по кадетскому списку "прогрессивных" избирателей, вошли во фракцию трудовиков.

Первым из депутатов от Енисейской губернии в Петербург уезжал Н.Ф. Николаевский. Вечером 8 июня у железнодорожного вокзала Красноярска состоялся грандиозный митинг, на котором присутствовало несколько тысяч человек. "Голос Сибири" сообщал, что за участие в проводах Н.Ф. Николаевского было уволено 8 рабочих и намечено рассчитать еще 40 человек, за что рабочие объявили однодневную стачку [16].

По оценке корреспондента "Сибирских властей" проводы С.А. Ермолаева из Минусинска представляли собой нечто небывалое для уездного городка. 16 и 18 июня 1906 года в Минусинске состоялись собрания для выработки наказа С.А. Ермолаеву. 20 июня в день отъезда из Минусинска на городской площади был отслужен молебен, во время которого священником, эсером А.И. Бриллиантовым, "были провозглашены вечная память борцам, павшим за свободу, и многолетие настоящим борцам за свободу". Затем состоялась демонстрация с красными флагами с надписями "Долой смертную казнь", "Амнистия" и др. Было произнесено несколько речей, в которых выражалась уверенность, что "депутат, не щадя жизни, будет добиваться земли и свободы" [17].

Из Красноярска С.А. Ермолаев выехал 26 июня и прибыл в Петербург перед самым разгоном Думы (он был только на четырех заседаниях), в отличие от Н.Ф. Николаевского, который присутствовал на

заседаниях I Думы в течение трех недель. Н.Ф. Николаевский принял самое деятельное участие в работе трудовой фракции [18].

В своем выступлении в Думе 27 июня Н.Ф. Николаевский требовал привлечь к уголовной ответственности Меллер-Закомельского за расстрел рабочих, отстранить от должностей всех чиновников, “начиная с городского и кончая русским министром внутренних дел г. Столыпиным”, так как “ни один законопроект, ни один запрос не пройдет в жизнь при существующем порядке и министерстве. Министры должны оставить свой пост и дать возможность народным представителям ввести русскую жизнь в нормальное русло”. В выступлении 4 июля от имени крестьянских депутатов Н.Ф. Николаевский заявил, что “пока между Думой и государем, Думой и народом будет стоять враждебная стена в лице министерства и его агентов”, депутатам ничего не добиться. Дума должна взять в свои руки исполнительную власть, добившись предварительного свидания с царем [19]. Уже после приезда в Красноярск Н.Ф. Николаевский призывал во II Думу выбирать “таких людей, которые увеличили бы силы трудовой группы и партии рабочих (с-д)”.

Осенью 1906 года все либеральные газеты Сибири снова свои надежды связывали с новой Государственной думой. Иркутская либеральная “Сибирь” писала: “Дума явится искренней выразительницей, верной толковательницей общественно-народных стремлений и желаний. Приближающийся период выборов будет только в том случае благотворным по своим результатам для будущего страны, если он окажется моментом нового общественного подъема, такого подъема, который *мирно* всколыхнул бы всю страну и заставил... выделить из общества Думу честную, стойкую, творческую и работоспособную” [20].

Выборы во II Думу совпали с массовыми репрессиями и арестами. Избирательная компания явилась для крестьянства серьезным политическим испытанием.

Администрация пустила в ход все методы давления на избирателей. Чаще всего прибегали к арестам революционно настроенных уполномоченных и выборщиков. По указанию исправника Плотникова в Минусинском уезде были арестованы в январе 1907 года наиболее видные агитаторы. В с. Ермаковском было арестовано 20 человек, в с. Шушенском - 9 и 8 скрылось, а в с. Каратузском - более 50. 29 января в Минусинскую тюрьму прибыли первые арестованные, с 29 января по 2 февраля доставляли по 5-6 человек, 3 февраля - 25 человек, 4 февраля - 30 человек, 5 февраля снова привезли арестованных. Все волостные тюрьмы были забиты до отказа. На выборы арестованных уполномоченных доставляли под конвоем [21].

В наиболее тяжелом положении оказалось сельское население Забайкальской области. Как и во время выборов в I Думу, администрация предпочитала вообще не допускать участников революционного движения в уполномоченные и выборщики. А если это происходило, то под любым предлогом выборы объявляли недействительными. Отмена выборов уполномоченных - характерное явление именно для Забайкальской области. Признаны были недействительными выборы уполномоченных 3 января 1907 года в 14 волостях Верхнеудинского уезда в Желтуринской, Кударинской, Атаmano-Николаевской, Киранской, Мензинской, Урлукской, Воснинской, Цыган-Усунской, Шерагольской, Цахирской, Мурочинской станицах Троицкосавского уезда, в Посольской, Кабанской, Троицкой, Ивопгинской, Топейской волостях Селенгинского уезда [22]. Газета "Сибирь" сообщала, что были отменены выборы 3 января 1907 года в Копунской станице Нерчинского уезда. Выяснилось, уполномоченными от станицы оказались учитель П.А. Окунцов и казак Богданов, участники революционного движения 1905 года [23]. За ходом выборов следил очень внимательно военный губернатор Забайкальской области, которому уездные начальники докладывали о партийной принадлежности и благонадежности уполномоченных и выборщиков [24].

Енисейский и Забайкальский губернаторы обязаны были сообщать о ходе выборов Иркутскому генерал-губернатору. Несмотря на все принятые меры власти так и не смогли во время выборов сделать крестьян послушными.

Выборы во II Государственную думу во многом отличались от предыдущих. В неизмеримо большей степени проявились сплоченность и единство среди крестьянских уполномоченных и выборщиков, которые отказались поддержать кадетскую программу. Влияние социал-демократов на выборы было незначительным. Объединение крестьян на демократической платформе в основном проходило еще на предвыборных собраниях и при избрании уполномоченных.

Газета "Сибирь" так описывала съезд уполномоченных от волостей Киренского уезда Иркутской губернии: уполномоченные приехали за два дня до выборов и "занялись выяснением взглядов друг на друга. Выборы прошли дружно и сознательно. Тщательная подготовка, выдержанность, сплоченность прогрессивного большинства уполномоченных прямо поразила посторонних наблюдателей". В результате большинством (19 против 7) был избран крестьянин Дмитриев, прогрессист, сторонник левых партий [25].

А вот как проходили выборы уполномоченных от крестьян Куйтунской волости Нижнеудинского уезда Иркутской губернии (с. Куйтун после разгона I Думы отказалось платить подати): "С утра

улицы наши оживились: мужики на парах и тройках с колокольцами съезжались из соседних деревушек... После обычной речи крестьянского начальника о крамольниках, приступили к выборам кандидатов. Гам поднялся невообразимый. Одна сторона куйтунских мужиков кричит: "Алексея Тарасовича хотим!.. Он грамотен, образован!.." Им возражают: "Алексей Тарасович действительно хороший... Но он не нашего калибра, он купец... Нам надо своего мужика сиволопного... Нам надо молодого..." Шум, гам, страсти разгораются. Выступает крестьянин Горбачев. Среднего роста, симпатичное лицо, светлые глаза. В краткой, но сильной энергичной речи он говорит перед собравшимися. Речь его интересная, в ней много оригинальных, верных мыслей о современном положении России". Крестьяне единогласно избрали Н.Е. Сизых и Горбачева. Оба "прогрессисты" [26].

Корреспонденция "Выборная кампания в Сибири", помещенная в журнале "Сибирские вопросы", сообщала о том, что состоявшиеся 7 января выборы уполномоченных по волостям Минусинского уезда Енисейской губернии дали трудовиков, эсеров, "внепартийных прогрессистов", но нет только кадетов [27].

Во время выборов уполномоченных от Сухобузимской волости Красноярского уезда прошли, по сообщению властей, "крайние левые" и И. Ермолаев и М.Ф. Черных. В Частоостровском волостном правлении Красноярского уезда только что выбранный уполномоченный В.А. Кузнецов сказал крестьянам: "Следует ходатайствовать об освобождении из тюрьмы политических заключенных, так как они страдают за наши народные интересы и добиваются всеобщего блага, а поэтому вы, гласники, дайте мне слово или какой-нибудь документ, что об этом прошу не я один, а все гласники". Его поддержал второй уполномоченный, сельский староста Г.А. Горестов, зажиточный крестьянин: "Нам нужны новые законы, новое правительство и новый управитель, так как существующий порядок пришел в негодность и сгнил [28]. Из трех выборщиков от Красноярского уезда один был эсер, второй левый кадет, третий беспартийный, но не сочувствующий правым партиям [29].

Унтер-офицер Кириллов сообщал, что накануне уездного избирательного собрания в г. Ачинске 16 уполномоченных тайно собрались на квартире врача Ермоловича. Все выборщики Ачинского уезда оказались по оценке властей "вредного направления", особенно И.А. Ячменев из Даурской волости, выборщик в I Думу (вскоре он был арестован) [30].

Левыми оказались и выборщики от Енисейского уезда - волостной писарь Молчанов и крестьянин Иванов. Очень беспокоили Ени-

сейского губернатора выборщики от Канского уезда, особенно волостной писарь с. Троицко-Заозерного Захаров.

“Красноярский дневник” писал о полной победе левых на Минусинском избирательном собрании. Самое большое число голосов получил член комитета митингов, эсер А.И. Бриллиантов (488) и член комитета митингов, мировой судья С.И. Максимов. На собрание под конвоем были доставлены арестованные уполномоченные, которых после выборов отправили опять в тюрьму. Из 10 выборщиков четыре были членами Минусинского отделения крестьянского союза. Из арестованных в выборщики прошли три крестьянина. Один голос получил на выборах крестьянский начальник Чельных. Против его звания в списке кто-то написал “вампир” [31].

Несколько по-иному складывались выборы в Забайкалье. Читинский уездный начальник в феврале 1907 года сообщал, что ни один выборщик от уезда не участвовал в революционном движении в 1905-1906 годах. Об этом же доносил Баргузинский уездный начальник. От Нерчинского уезда, по сообщению крестьянского начальника, “все выборщики внепартийные за исключением вахмистра К.Р. Куликова” от Ундинской станицы, в 1905 году сочувствующего левым партиям. Среди выборщиков исключение также составлял только Н. Шишмарев, крестьянин Александровской волости. Он в 1905 году призывал захватить земли Кабинета.

Такие же сведения поступили от крестьянских начальников Верхнеундинского, Троицкосавского и Селенгинского уездов. Селенгинский уездный начальник писал: “Все выборщики осуждают резкое направление первой Думы и заняты разрешением вопросов лишь местных нужд” [32].

От Забайкальской области все три депутата во II Государственной думе примкнули к кадетской партии: Д.А. Кочнев - присяжный поверенный, избранный от сельского и городского населения Забайкалья, от казачьего населения был выбран казак С.А. Таскин, до 1902 года находившийся под гласным надзором полиции, Б.О. Огиров, бурят, скотопромышленник, прошедший в Думу от нерусского населения.

На губернском избирательном собрании выборщиков 3 марта 1907 года в Красноярске присутствовали не 31 выборщик, а 27. Четверо перед выборами были арестованы, в том числе выборщики из Минусинского уезда Д.Е. Монаков и И.И. Ермолаев. По характеристике газеты “Сибирь” из 27 выборщиков - один черносотенец, священник В. Захаров, три кадета, три беспартийных, “а остальные - ярко оппозиционного настроения, особенно крестьяне Минусинского уезда” [33]. Крестьянские выборщики, стоявшие на платформе Крестьянско-

го союза, решительно выступили за отчуждение помещичьей земли без выкупа. Депутатами во II Государственную Думу от Енисейской губернии были выбраны эсер А.И. Бриллиантов, священник г. Минусинска, 37 лет, и меньшевик И.К. Юдин, конторщик в магазине, около 45 лет, организатор профсоюза приказчиков в г. Красноярске.

Иркутское губернское избирательное собрание состояло из 16 выборщиков - пять городских и одиннадцать из волостей, из них три от бурятского населения. Самое большое количество голосов получил К.И. Иванов, около 30 лет, крестьянин по сословной принадлежности, окончил учительскую семинарию в Иркутске, сначала работал учителем, затем торговцем скотом, сочувствовал народным социалистам, в Думе примкнул к трудовикам. Второй депутат от Иркутской губернии согласно избирательному закону выбирался от г. Иркутска. Им оказался после жребия с кадетом П.А. Титковым меньшевик В.Е. Мандельберг, врач, около 37 лет, высланный из Петербурга в Сибирь за революционную деятельность.

Левые депутаты составляли 43 % от общего числа членов II Думы. От Сибири было избрано два эсера, три народных социалиста, три трудовика, три социал-демократа, четыре кадета, один член партии демократических реформ и четыре беспартийных.

II Дума начала свою работу 20 февраля 1907 года и просуществовала 103 дня. Делегаты от Восточной Сибири начали прибывать в Петербург только в апреле. Торжественно состоялись проводы А.И. Бриллиантова в Минусинске. Перед отъездом В.Е. Мандельберга 23 марта из Иркутска на вокзал состоялся митинг. Рабочие предлагали ему наказ. Он также останавливался на несколько часов на станции Зима, где также выступал перед населением. 21 марта выезжал в Петербург И.К. Юдин. Красноярский вокзал был оцеплен. Речь И.К. Юдина прервали, а провожающих разогнали. На вокзал могли пройти только пассажиры с билетами. "Мастерские предупредили, что беспорядки допущены не будут, все же рабочие оставили работу на 25 минут" [34].

Активное участие в работе II Думы приняли В.Е. Мандельберг, И.К. Юдин и А.И. Бриллиантов. Все трое решили не входить в сибирскую группу депутатов, которая фактически находилась под эгидой кадетов.

А.И. Бриллиантов выступал при обсуждении вопроса о жестоким истязании заключенных Акатуевской и Алгачинской тюрем Нерчинского округа. Во время своей речи он заявил под аплодисменты слева, что принадлежит к той думской трудовой группе, которая становится под защиту обиженных и угнетенных [35]. Из департамента полиции начальнику Енисейского губернского управления сообщили,

что, находясь в Петербурге, А.И. Бриллиантов поддерживал связи со своими избирателями в Енисейской губернии.

В ночь со 2 на 3 июня 1907 года по постановлению прокурора Петербургской судебной палаты вместе с другими депутатами социал-демократической фракции были арестованы В.Е. Мандельберг и И.К. Юдин. А.И. Бриллиантов был арестован в Минусинске уже после разгона Думы в октябре 1907 года.

Выборы в I и II Государственную думу не подтвердили надежды на монархические и консервативные иллюзии крестьян и показали, что страна находилась в глубочайшем кризисе, из которого, к сожалению, уже невозможно было выйти реформистским путем.

Список литературы

1. Былое. Сентябрь 1917. N 3. С. 227.
2. Законодательные акты переходного времени (1904-1908 гг.). СПб., 1909. С. 676.
3. Голос Сибири. 1906. 19 апреля.
4. Законодательные акты переходного времени... С. 692-693.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК), ф. 595, оп. 63, д. 4167, л. 4.
6. Там же, д. 4560, л. 4; д. 4608, л. 2об.
7. Голос Сибири. 1906. 29 марта.
8. Там же. 1906. 25 марта.
9. Забайкальские областные ведомости. 1906. 4 июля.
10. ГАКК, ф. 73, оп. 1, д. 12, л. 239-239об.
11. Там же, ф. 595, оп. 63, д. 4586, лл. 8-11; ф. 827, оп. 1, д. 642, л. 3; д. 1723, лл. 380, 383.
12. Там же, ф. 595, оп. 63, д. 4560, л. 4; д. 4608, л. 2об.
13. Голос Сибири. 1906. 28 апреля.
14. Там же. 1906. 4 июня; Сибирские вести. 1906. 23 июня.
15. ГАКК, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 217-217об.
16. Голос Сибири. 1906. 9 июня; ГАКК, ф. 64, оп. 1, д. 261, л. 1.
17. Сибирские вести. 1906. 25 июня; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897-1907 гг. СПб., 1908. С. 46.
18. Государственная Дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. 1906. Сессия первая. СПб., 1906. Т. 2. С. 1392-1393, 1747, 1754-1757, 1787-1791, 1904-1905, 1957-1958.
19. Там же. С. 1791, 1757-1758.
20. Сибирь. 1906. 14 нояб;

21. Красноярский дневник. 1907. 19 февраля.
22. Государственный архив Читинской области (ГАЧО), ф. 20, оп. 1, д. 1301, лл. 7-7об, 20-21, 98; ф. 48, оп. 1, д. 14, л. 5.
23. Сибирь. 1907. 17 марта.
24. ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 1216.
25. Сибирь. 1907. 13 марта.
26. Сибирь. 1907. 25 января.
27. Сибирские вопросы. 1907. № 2. С. 112.
28. ГАКК, ф. 595, оп. 603, д. 4172, л. 59-59об; ф. 827, оп. 1, д. 1704, л. 2.
29. Красноярский дневник. 1907. 9 февраля.
30. ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 1723, л. 360; д. 642.
31. Красноярский дневник. 1907. 19 февраля; 1907. 26 февраля.
32. ГАЧО, ф. 20, оп. 1, д. 1216, лл. 33-33об, 60-60об, 69, 76, 149, 157-157об.
33. Сибирь. 1907. 28 марта.
34. ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 1719, л. 1.
35. Государственная Дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907. Сессия вторая. Заседания 1-30. СПб., 1907. С. 271-273.

СОЗДАНИЕ В СИБИРИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СТРАЖИ

В начале XX века назрела острая необходимость в улучшении деятельности полиции в сельской местности. К этому времени в Сибирь прибыло около трех миллионов переселенцев. Для сравнения можно сказать, что за 300 лет после присоединения Сибири к России на ее территории поселилось всего 4,5 миллионов русского населения. Население увеличилось почти в два раза. В основном это было крестьянство, ссыльные преступники, старатели, различные искатели лучшей жизни. Назрела насущная необходимость отводить старожилам и переселенцам наделы земли не в пользование, а в собственность. Только право собственности на землю могло дать прочность крестьянским хозяйствам и послужить основой для землепользования. В Сибири отсутствовали такие слои населения, как крепостные и помещики. Необходимо было постепенно объединить правительственную политику, проводимую в Европейской России и за Уралом. Следовало установить расценки на землю и правила ее продажи при единовременном оказании правительственной помощи в местностях с суровыми климатическими условиями, проводить льготную продажу земли. Эти и другие меры, по мнению П.А. Столыпина, могли служить верным средством для планомерного заселения Сибири [1].

В связи с усилением колонизационных процессов возникали конфликты на почве передела земли между коренным населением и переселенцами. Деятельность полиции в сельской местности не отвечала требованиям времени в сложившейся внутриполитической обстановке в стране. В XIX веке в сельской местности европейской России полицейские функции несли сотские и десятские, выбранные крестьянскими общинами, а с 1878 года еще и полицейские урядники. В Сибири институт полицейских урядников был введен 1 августа 1902 года [2].

Механическое распространение средств полицейского контроля на территории Сибири не могло принести значимых результатов. Неудовлетворенное таким положением дел МВД в 1902 году выработало предложения по устранению имеющихся недостатков и внесло в Государственный Совет проект закона. 5 мая 1903 года закон был принят. Действие данного закона ограничивалось европейской частью

*© Т.В. Шитова, 1999.

России. В соответствии с ним должности сотских и полицейских урядников были упразднены, а для охраны общественного порядка в 46 российских губерниях была образована уездная полицейская стража как военизированное подразделение, которое подчинялось губернаторам и уездным исправникам. В соответствии с приложением к статье 634 закона "Об уездной полицейской страже" полицейская стража состояла из урядников и стражников. В каждую волость назначался один урядник и один стражник на 2500 человек населения.

В этих же губерниях образовывали и конные отряды численностью до 25 % от общего состава стражи. Высшее руководство уездной полицейской стражей осуществлял министр внутренних дел, в губерниях - губернаторы, в уездах - уездные исправники, а на территории станов - становые приставы. В поселениях, где были введены должности особых приставов или надзирателей, стража была подчинена им. По общим правилам стражники подчинялись урядникам. Число стражников определяли с учетом территории и плотности населения: по губерниям - министр внутренних дел, а в пределах губернии - губернаторы. В зависимости от оперативной обстановки на местах право на временную передислокацию или откомандирование полицейской стражи из одной губернии в другую предоставлялось министру, генерал-губернаторам в пределах подчиненных им местностей, в пределах уездов - уездным исправникам.

Одной из особенностей прохождения службы чинами уездной полицейской стражи являлось то обстоятельство, что, хотя стражники принимали присягу, числились на действительной государственной службе, на них не распространялось право на присвоение классных чинов и получения государственных пенсий.

При поступлении на службу к стражникам предъявляли следующие общие требования:

- а) кандидаты должны быть российскими подданными, достигшими двадцатипятилетия, физически здоровыми лицами;
- б) как правило, набор должен был производиться из уволенных в запас нижних армейских чинов.

Кроме того, при назначении на должность урядника требовалось умение составлять протоколы, иметь общее представление о полицейской службе и обязанностях полиции по раскрытию и расследованию преступлений. Стражники при принятии на службу должны были уметь читать, писать и иметь "общее достаточное развитие".

Не принимались на службу в уездную полицейскую стражу лица:

а) находящиеся под следствием или судом, ранее судимые за преступления, влекущие за собой по закону тюремное заключение или более строгое наказание;

б) чины запаса, которые во время прохождения действительной службы находились в разряде штрафников;

в) исключенные со службы из духовного ведомства по решению суда за аморальное поведение, а также исключенные из состава крестьянских обществ по приговорам данных обществ;

г) объявленные несостоятельными должниками (банкротами) и состоящие под опекою за расточительство.

В личный состав уездной стражи принимались лица, выдержавшие испытание. Стражники, выдержавшие испытания, назначались на службу приказом уездных исправников. Урядники, прослужив пять лет в этом звании и сдавшие экзамены, могли быть назначены на классные (аттестованные) полицейские должности, несмотря на то, что по общим правилам не имели права поступать на гражданскую службу.

Для урядников и стражников были определены два вида должностных окладов - высшие и низшие. Для урядников высший оклад не превышал 480 рублей в год, включая 100 рублей квартирных, низший оклад составлял 420 рублей, в том числе 60 рублей квартирных. Стражникам были определены максимальный оклад в 360 рублей и минимальный - в 300 рублей, включающие в себя 60 рублей квартирных. Конным стражникам назначалось денежное содержание в 460 рублей в год, включавшее в себя 300 рублей жалования, 60 рублей квартирных и 100 рублей на фураж для лошади. При направлении в командировки стражников и урядников последние пользовались правом квартироваться у местных жителей с отоплением и освещением. Кроме того, командированным выдавались суточные на пропитание.

Личный состав уездной полицейской стражи не должен был отвлекаться от выполнения непосредственных обязанностей. Также они должны были оказывать содействие воинскому и сельскому начальствам при исполнении последними возложенных на них полицейских функций.

К личному составу могли применять меры поощрения и дисциплинарного взыскания.

Мерами поощрения являлись награждение медалями и премирование. За отличие по службе личный состав уездной полицейской стражи награждали медалями по правилам, установленным для лиц,

служащих в полицейских командах. Министру внутренних дел предоставлялось право награждать денежными премиями.

В качестве дисциплинарного взыскания были определены следующие меры: а) выговор; б) арест до 7 суток; в) перевод с высшей должности или оклада на низшую должность или оклад; г) увольнение со службы.

Дисциплинарные взыскания заносили в уездный журнал регистрации и учитывали при наложении последующих взысканий. Становой пристав имел право объявлять выговор и подвергать стражников аресту до трех суток. Остальные взыскания накладывал уездный исправник. Арест отбывался при уездном полицейском управлении или при становой квартире. Жалобы на наложение дисциплинарных взысканий могли подаваться только в случаях превышения должностным лицом его служебных полномочий.

Личный состав уездной полицейской стражи носил форменную одежду установленного образца. Урядники вооружались на государственные средства шашками и револьверами, а стражники, как пешие, так и конные, шашками и винтовками. Кроме указанного, стражникам разрешали приобретать собственные револьверы.

При передвижении чины уездной полицейской стражи могли пользоваться подводами местного населения по правилам, установленным для передвижения войск. Оплачивались данные расходы из местных бюджетов (губернского или уездного).

Рост общеуголовной преступности и революционного движения привел к осознанию необходимости усиления сельской полиции. К декабрю 1905 года полицейская стража действовала уже в 50 губерниях. Министру внутренних дел, в соответствии с указаниями Императора от 20 декабря 1905 и 9 февраля 1906 года, предоставлялось право увеличить численность конных команд до 50 % штатного состава.

18 февраля 1906 года полицейская стража была подчинена Отдельному корпусу жандармов Министерства внутренних дел, и на командные должности стражи назначались жандармские офицеры. Начальникам губернских жандармских управлений присваивалось звание "Губернский инспектор полицейской стражи". Непосредственное руководство строевой подготовкой возлагалось на помощника начальника губернского жандармского управления и адъютанта данного управления, которым присваивалось звание "Помощника губернского инспектора полицейской стражи". Непосредственное обучение проводили унтер-офицеры. Командование отрядами полицейской стражи возлагалось на помощников губернского инспектора.

Руководство оперативно-служебной деятельностью стражников входило и в обязанности чинов полиции - уездных исправников и станковых приставов [3].

Если в 46 европейских губерниях деятельность сотских и десятских, а также полицейских урядников была признана неудовлетворительной, то в сельских местностях губерний Сибири, Степного и Приамурского края МВД было вынуждено констатировать полное отсутствие полицейского надзора. По данным МВД сотские и десятские были в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях, в Забайкальской и Амурской областях. Однако сведений о существовании сельской полиции и ее личном составе в отдаленных и малонаселенных местностях вышеуказанных губерний и областей, а также в Приморской и Якутской областях в МВД не имелось, то есть она практически не существовала. В Степных областях: Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской - даже должностей сотских и десятских не существовало. На это прямо указано в циркуляре N 36952 от 30 октября 1908 года "О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края", подписанном П.А. Столыпиным. Министерство внутренних дел подготовило предложения по вопросам проведения реформы уездной полиции и разослало указанный выше циркуляр на места для обсуждения и выработки предложения.

По данным МВД в конце XIX века полицейские урядники действовали только в четырех губерниях: Тобольской - 135, Томской - 135, Енисейской - 66, Иркутской - 71 и четырех Степных областях: Акмолинской - 61, Семипалатинской - 15, Уральской - 9 и Тургайской - 12 урядников. В Степных областях в распоряжении уездных начальников было по 4 полицейских чина на уезд.

Сведения, хранящиеся в государственном архиве Красноярского края, собранные в табл. 1, позволяют судить о достаточно тяжелой служебной нагрузке урядников.

Таблица 1

*Количество полицейских урядников
в Иркутском генерал-губернаторстве в 1907 году*

Губернии и области	Терри- тория, кв. км.	Кол-во населения, чел.	Число урядников, чел.	На одного урядника приходится	
				кв. км	душ на- селения
Енисейская	2660679	605600	66	35586	9175
Иркутская	727546	498200	98	10247	7017
Забайкаль- ская	595466	692600	-	-	-
Якутская	3970145	293400	-	-	-

Как видно из табл. 1, в Забайкальской и Якутской областях должности урядников вообще отсутствовали, несмотря на то, что еще в 1902 году генерал-губернатор ходатайствовал об их введении. Затрудняли эффективность деятельности урядников огромные площади обслуживаемых территорий. Так, в Енисейской губернии 1 урядник должен был обслуживать почти 40 тысяч кв. км. Плотность населения Енисейской губернии в 1907 году составила всего 3,7 кв. км на 1 человека. По мнению МВД, при таком положении урядники физически не могли справляться со своими обязанностями.

Благодаря проведению железной дороги был отмечен рост населения, новых поселений и предпринимательской деятельности, а вместе с ним и приток преступного элемента. Освоение земель сопровождалось изъятием земель из пользования у коренных народов, что порождало недовольство. В МВД был сделан справедливый вывод, что территории уездов в Сибири, Степных и Приамурских областях оставались без должного полицейского надзора. Ввиду этого было признано необходимым распространить принятую во внутренних губерниях систему организации полиции на вышеперечисленные губернии и области.

Закон от 5 мая 1903 года установил норматив, назначая одного урядника на волость, причем безотносительно к числу населения и территориальному пространству. Одной из особенностей Сибири являлось то обстоятельство, что преобладание крестьянского населения фактически привело к превращению волостного управления в центр, который сосредоточивал в себе все отрасли управления наибольшей

частью уезда. Полицейский стан объединял несколько волостей и нескольких урядников и подчинялся становому приставу. Принцип единоначалия требовал, чтобы каждая волость составляла особый полицейский участок, руководимый урядником. Действительно, каждая волость представляла собой отдельную единицу крестьянского управления с особым внутренним устройством. МВД справедливо полагало, что, несмотря на обширность обслуживаемых территорий, «нежелательно разбивать волость между двумя урядниками. Считаю, что данные положения Закона от 5 мая 1903 года вполне применимы для местностей Сибири, Степного и Приамурского краев, в которых волости по составу населения были исключительно крестьянскими и представляли собой центр местного управления, министерство внутренних дел сохранило указанную выше норму.

Состав пеших стражников на территории Сибири предполагалось определить из расчета одного стражника на 2000 человек вместо 2500. Принятие такого соотношения обуславливалось обширностью территории и незначительной плотностью населения. При определении численности стражи взято за основу количество населения в 1907 году. Также были приняты во внимание естественный прирост населения, который увеличивался из года в год, переселенческое движение и мнение Государственной Думы о том, что население Сибири, Степного и Приамурского краев будет быстро возрастать. Планировалось, что с течением времени число жителей в вышеуказанных местностях возрастет и тем самым соотношение числа стражников к населению приблизится к норме, установленной законом от 5 мая 1903 года.

Состав конной стражи, по мнению МВД, необходимо было установить из расчета 50 % пешей стражи. Обширность территории Сибири, Степного и Приамурского краев, отсутствие разветвленной структуры путей сообщения обуславливали необходимость организации подвижных полицейских сил, расквартированных в как можно большем числе населенных пунктов. Формирование таких сил было предусмотрено в Тобольской и Тургайской губерниях. По имевшимся в МВД оперативным сведениям в них могли произойти массовые беспорядки на почве столкновения интересов переселенцев и коренного населения по поводу отвода земель. При этом учитывался опыт преобразования стражи в конную в Архангельской и Олонецкой губерниях, отличавшихся обширностью территории и этнической разнородностью населения.

Учитывая изложенные выше соображения, МВД планировало утвердить в Иркутском генерал-губернаторстве штаты личного состава, указанные в табл. 2.

*Планируемые штаты личного состава
при формировании уездной полицейской стражи
в Иркутском генерал-губернаторстве*

Губернии и области	Количество урядников		Количество стражников		Количество стражников
	конных	из них старших	пеших	из них старших	конных
Иркутская	98	9	249	24	124
Енисейская	67	6	303	30	151
Забайкаль- ская	134	13	346	34	173
Якутская	27	2	147	14	73

Из данных за 1907 год, приведенных в таблице, видно, что численный состав конных урядников в Иркутской и Красноярской губерниях остался без изменения, а в Забайкальской и Якутской областях такие должности были введены. Как выяснится впоследствии, подобное планирование не учитывало местных особенностей и не устраивало Енисейского губернатора.

При определении размера окладов чинов полицейской стражи МВД пыталось учитывать особенности жизни на местах. Принимая во внимание, что при удалении в глубь Сибири и Дальнего Востока жизнь постепенно удорожается, планировалось оклады содержания, установленные законом от 29 декабря 1905 года, повысить для всего личного состава полицейской стражи: в Иркутском генерал-губернаторстве - на 60 рублей, а Приамурском генерал-губернаторстве на 120 рублей.

Таблица 3

*Размер окладов полицейской стражи,
устанавливаемый в Иркутском генерал-губернаторстве*

Должностных лиц сельской полиции	Количество, чел.	Квартирное довольствие, руб.	Оклады, руб.
<i>1. Конных урядников:</i>			
старших	30	100	540
младших	296	60	480
<i>2. Пеших стражников:</i>			
старших	102	-	420
младших	943	-	360
<i>3. Конных стражников</i>	521	-	420

Запрещалось привлекать личный состав стражи к исполнению обязанностей рассыльных. Согласно Закону от 19 апреля 1904 года были выделены средства на наем рассыльных при станových квартирах. В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и областях Якутской, Забайкальской, Амурской, Приморской и Тургайской находилось 168 станов. Кроме расходов на содержание полицейской стражи из государственного бюджета, из местных (земских) бюджетов урядникам выделялись суммы на квартирное довольствие (см. табл. 3).

С 1904 года в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях существовали должности полицейских урядников. Им же, по мнению МВД, планировалось подчинение и образующейся полицейской стражи. В Степных и Забайкальской областях с казачьим населением полицейская стража должна была подчиняться общей полиции. Казачье население Амурской и Приморской областей выделено в особые округа (уезды), в которых существовали непосредственно подчиненные губернатору должности участковых начальников, исполняющих в полицейском отношении обязанности станových приставов. Им и должна была подчиняться вновь создаваемая полицейская стража.

Проанализировав сложившуюся в стране обстановку по данному вопросу, министр внутренних дел П.А. Столыпин внес выработанный законопроект в Государственную Думу с таким расчетом, чтобы его осуществление началось во второй половине 1909 года. Однако Государственная Дума отложила рассмотрение этого вопроса до осени 1909 года. В связи с этим анализ и предложения за N 31004 были разосланы на места 10 июня 1909 года.

Основные предложения министра внутренних дел сводились к следующему:

1) распространить с 1 июля 1909 года на Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую губернии, а также области Уральскую, Тургайскую, Акмолинскую, Семипалатинскую, Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую действие закона от 5 мая 1903 года об учреждении полицейской стражи;

2) в указанных выше губерниях и областях с 1 июля 1909 года ввести уездную полицейскую стражу;

3) в губерниях Тобольской, Томской и областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской денежное состояние оставить на уровне, указанном в Законе 29 декабря 1905 года. Для остальных регионов Сибири и Дальнего Востока повысить для губерний и областей Иркутского генерал-губернаторства на 60 рублей, а областей Приамурского генерал-губернаторства на 120 рублей в год каждому полицейскому уездному стражнику;

4) расходы на содержание полицейской стражи в размере 113900 рублей в год отнести на счет государственного бюджета. Квартирное довольствие урядников отнести на счет местных (земских) бюджетов;

5) упразднить должности полицейских урядников в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и областях Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской [4].

Изучив на местах предложения МВД по поводу введения в уездах полицейской стражи, Енисейский губернатор своим письмом N 6774 от 10 сентября 1909 года довел до сведения Иркутского генерал-губернатора следующее: "Указывая в своих отзывах на крайне неудовлетворительное состояние полицейского надзора в уездах, на развитие преступности и трудность борьбы с нею при наличных средствах, уездные исправники признали предложенное образование в подведомственных им сельских местностях полицейской стражи из урядников и стражников мерою вполне своевременною и весьма положительною". Вместе с тем, ссылаясь на такие местные условия, как громадная территория губерний, малая плотность населения и его разбросанность, значительные расстояния между населенными пунктами, уездные исправники высказали предложение увеличить состав пеших стражников из расчета одного стражника на 1500 человек. Необходимость установления такого соотношения подкреплялась тем соображением, что население Енисейской губернии из года в год значительно увеличивалось как путем естественного прироста, так и благодаря росту количества переселенцев из внутренних губерний европейской России. Прогнозировалось, что в ближайшем будущем население дос-

тигнет уровня внутренних губерний, в то время как большие расстояния участков сделают службу непосильной. Губернскими чиновниками был произведен расчет оптимального, по их мнению, состава полицейской стражи в Енисейской губернии, который приведен в табл. 4.

Таблица 4

*Расчет оптимального числа личного состава
полицейской стражи Енисейской губернии*

Уезды	Пространство, кв. км.	Число во- лостей	Население на 01.01.1909 г.	Требуется назначить		
				урядников по 1 на волость	стражников	
					пеших по 1 на 1500	кон- ных 50%
Крас- нояр- ский	21,7	10	94602	10	63	32
Ени- сей- ский	438,1	7	50551	7	34	17
Ачинс- кий	58,2	13	151081	13	101	50
Канс- кий	80,9	17	175061	17	117	59
Мину- син- ский	91,2	25	223504	25	149	74
Усинс- кий погран- -округ	21,9	1	5968	1	4	2
Всего в гу- бер- нии	712,0	73	700767	73	468	234

В целях повышения эффективности деятельности пеших стражников и учитывая большие расстояния между населенными пунктами, а также обширность территории губернии, возбуждалось ходатайство о предоставлении пешим стражникам при служебной необходимости права бесплатного пользования лошадьми, принадлежащими местным жителям в пределах обслуживаемого участка, а в Приангарском крае и Анциферовской волости Енисейского уезда обязать население предоставлять летом лодки, а зимой сани [5].

Однако решение этого вопроса было отложено на длительный период времени.

13 июля (1 августа) 1914 года Россия вступила в Первую мировую войну. Положение воюющей державы повлекло за собой увеличение штата полиции, в сферу деятельности которой включился надзор за военнообязанными. В 1915 году Министерство внутренних дел предоставило Иркутскому генерал-губернаторству средства на комплектование учрежденных должностей классных полицейских чинов и стражников по надзору за военнообязанными в городах и уездах. В Енисейской губернии была введена одна должность классного полицейского чина и пять должностей стражников. Денежное содержание было определено классному полицейскому чиновнику в 770 рублей, а стражнику в 460 рублей в год [6].

Только 1 октября 1916 года было утверждено Положение Совета Министров “О введении полицейской стражи в губерниях Сибири и областях Степных и Приамурского края”. Согласно этому Положению в указанных выше местностях была введена полицейская стража, увеличены штаты, улучшены служебное и материальное положение полицейских. Штаты определяли из расчета один городской на 400 жителей и один стражник на 2000 жителей сельской местности. К сожалению, эта мера запоздала лет на десять.

Указание о введении полицейской стражи было опубликовано 13 октября 1916 года в сборнике N 280 “Собрания узаконений и распоряжений правительства”. Губернаторам Тобольскому, Томскому, Енисейскому, Иркутскому, Акмолинскому, Семипалатинскому и Якутскому и военному губернатору Забайкальской области предоставлялось право в случае необходимости временно откомандировывать отряды полицейской стражи в такие местности подчиненных им губерний и областей, в которых не была введена уездная полицейская стража [7]. Основанием учреждения уездной полицейской стражи являлась статья 634 закона от 5 мая 1903 года. Создание полицейской стражи преследовало цель охраны общественной безопасности и общественного порядка, по выражению того времени стража была создана для “охранения благочиния, общего спокойствия, безопасности и

порядка в местностях, подведомственных уездной полиции ... в губерниях, по Общему учреждению управляемых”.

Докладной запиской Иркутскому генерал-губернатору Енисейский губернатор Гололобов довел до сведения, что численный состав уездной полицейской стражи, за исключением Енисейского уезда и Туруханского края, в 455 человек распределен следующим образом: в Красноярском уезде - 57 человек, Ачинском - 109 человек, Канском - 147 человек, Минусинском - 142 человека.

Ниже приводим табл. 5, в которой показано распределение полицейской стражи по уездам. Чтобы произвести расчет соответствия фактически имевшегося личного состава установленной в Положении норме - один урядник на волость и один стражник на 2000 населения, - воспользуемся данными о численности населения Енисейской губернии в 1912 году. Несложные расчеты показывают, что численность личного состава и населения соответствуют вышеприведенной норме.

Таблица 5

***Распределение уездной полицейской стражи
в Енисейской губернии [8]***

Уезды	Красно- ярский, абс. пок.	Ачинский, абс. пок.	Канский, абс. пок.	Минусин- ский, абс. пок.	Всего
Старшие урядники	-	1	2	2	5
Младшие урядники	9	13	16	13	51
<i>Итого урядников</i>	9	14	18	15	56
Ст. пешие стражники	3	6	8	9	26
Мл. пешие стражники	30	56	76	78	240
Конные стражники	15	33	45	40	133
<i>Итого стражников</i>	48	95	129	127	399
Всего	57	109	147	142	455
<i>Всего насе- ления, (чел.) на 1.01.1916 г.</i>	102095	203444	272243	284026	

Денежное содержание полицейских стражников складывалось из жалования, квартирных, процентной надбавки по закону от 22 октября 1916 года для пеших стражников. Конные стражники помимо этого получали фуражные средства (см. табл. 6).

Таблица 6

*Денежное довольствие полицейской стражи
в Красноярском уезде в 1916 году, руб.*

Чины стражи	Жалование	Квартирные	Фуражные	% надбавки	Всего
Старший урядник	440	100	100	162	802
Младший урядник	420	60	100	144	724
Ст. пеший стражник	360	60	-	126	546
Мл. пеший стражник	300	60	-	108	468
Конный стражник	360	60	100	126	646

При формировании полицейской стражи возникли затруднения с обмундированием ее по установленному образцу. Шла Первая мировая война. Из частной продажи исчезли необходимые для обмундирования материалы. В связи с возникшими затруднениями Енисейский губернатор в ноябре 1915 года обращался к окружному интенданту Иркутского военного округа, затем в Главное интендантство в Петрограде с просьбой о закупке предметов обмундирования. В ответ на обращение интендантство, ссылаясь на недостаток материалов для нужд армии, рекомендовало заказывать необходимое на фабриках.

Вооружение уездной полицейской стражи составляли: для урядников - шашки и револьверы, для стражников конных - шашки и винтовки, для пеших старших стражников - шашки и револьверы и для пеших младших стражников - винтовки [9].

В начале XX века в сибирских городах органами местного самоуправления самостоятельно создавалась конная полицейская стража. "По журналу Красноярской городской думы от 23 ноября 1905 года за N 112 для усиления охраны города назначено 16 конных страж-

ников с 1 декабря впредь на три месяца, в числе которых один с наименованием старшего”. На содержание стражников Городская дума выделила 2000 рублей, определив месячное содержание по 50 рублей, вооружив стражников револьверами, палками. Расходы на форму и содержание лошадей оплачивались думой. С марта 1905 года предполагалось сократить число конных стражников до 8 с содержанием по 40 рублей в месяц. В этот период времени г. Красноярск с пригородами занимал площадь приблизительно около 13 кв. верст или 14,8 кв. км. По сведениям Красноярского полицмейстера в северо-западной части города “ютятся темный и подозрительный народ” [10].

В охране общественного порядка и борьбе с общеуголовной преступностью активное участие принимала общественность губернии. Еще в середине XIX века, 26 апреля 1866 года состоялось общее собрание домовладельцев, на котором городской голова г. Красноярска С.Г. Щеголев зачитал предписание полицмейстера Борщова о необходимости учреждения в городе наемных караулов. Была избрана комиссия для изучения вопроса и выработки предложений.

Составленная из депутатов комиссия, изучив вопрос, сообщила, что с давнего времени в губернском городе существует обычай выставлять в ночное время от каждого десятка домов по одному человеку для охраны покоя граждан от “лихих” людей и борьбы с пожарами. Этот обычай как руководство полиции, так и жители признали полезным. Его решили сохранить на будущее. С целью упорядочения несения службы караулами комиссия предложила полицмейстеру ходатайствовать перед губернатором о привлечении к этому делу вооруженных пикетчиков за счет казачьего конного полка и жандармской команды. Енисейский губернатор Замятин, согласившись с предложением комиссии, направил по этому вопросу в Городскую думу предписание, на основании которого все домовладельцы под роспись обязались исправно нести ночной десятинный междудворный караул. “Ночной дозор” был организован следующим образом: домовладельцы квартала несли ночное дежурство поочередно. Полиция передавала кварталу “полномочный” знак в виде квадратной дощечки с углублением в середине под сургучную печать. На доске в углу имелось отверстие для веревки, которой дощечка крепилась к шесту. Очередной дежурный снимал дощечку с шеста и брал с собой на дежурство. Утром дощечка привязывалась к шесту и ставилась в соседний двор, извещая очередного дежурного. Сигналы подавались трещоткой, а в 80-е годы перешли на свистки. Впоследствии, с быстрым ростом населения и преступности, такие караулы заменили наемными. В ноябре 1910 года полицмейстер Герасимов обратился с письмом к домовладельцам, в котором говорилось, что домовладельцы, уплачивая сбор для содер-

жания ночных караулов, содержат 71 ночного сторожа. Так как сумма сбора не велика, то возникли трудности в подборе “пикетчиков”, личность которых соответствовала бы своему важному назначению - охране безопасности и спокойствия жителей города в ночное время. В письме указывалось на неукomплектованность штата городских, росте преступных проявлений и необходимости укрепления общественной безопасности. Городская дума приняла решение дополнительно к пешим пикетчикам (71 человек) содержать еще 6 ночных стражников и назначить денежное содержание: пешим - 25 рублей, а конным - 40 рублей в месяц. Размер денежного довольствия для этого периода времени был неплохим. Для сравнения укажем, что преподаватели красноярской женской гимназии получали от 15 до 50 рублей в месяц. Такие продукты питания, как пуд (16 кг) мяса стоил 2 руб. 42 коп., пуд сливочного масла - 9 руб. 87 коп. Однако решение этого вопроса натолкнулось на непонимание со стороны домовладельцев, и вопрос остался нерешенным [11].

После начала Первой мировой войны и введения в России военного положения Енисейская губерния стала местом ссылки не только политически неблагонадежных лиц, преступников, но и лиц, водворенных в порядке п. 17 ст. 19 “Правил военного положения”, по причинам не политического характера - “за порочное поведение”. В 1915 году в Енисейскую губернию было сослано около 700 таких лиц. Енисейский губернатор телеграммой от 7 июня 1915 года ходатайствовал об установлении за ними специального надзора. Товарищ (заместитель) министра внутренних дел генерал-майор Джушковский 24 июня 1915 года указал, что установление за ними специального надзора, кроме осуществляемого чинами общей полиции, не вызывается необходимостью. Однако губернатору было разрешено в соответствии с правилами об организации надзора за высланными из разных местностей военнообязанными из подданных воюющих с Россией государств нанять конно-полицейских стражников из расчета одного стражника на 100 высланных и одного полицейского на 500 высланных, то есть стражников с окладом 460 рублей и двух полицейских чиновников с окладом 770 рублей в год каждому, а также 5 особых полицейских надзирателей, назначив последним оклад не свыше 400 рублей в год. Полицейским стражникам выделялись деньги на вооружение [12].

Список литературы

1. См.: Столыпин А. Столыпин П.А. (1862 – 1911). М., 1991. С. 24-26.
2. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 603, л. 1-1об.
3. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 1080, л. 14-16об.
4. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 7, д. 469, л. 1-6об.
5. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 7, д. 469, л. 22-23об.
6. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 1080, л. 2.
7. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 1080, л. 6.
8. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 1080, л. 18.
9. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 1065, л. 1-2об.
10. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 518, л. 56об - 57.
11. См.: Плехов В.С. Слышен звон кандалный // Красноярск. Города и поселки Красноярского края. Красноярск, 1988. С. 35-40.
12. См.: ГАКК, ф. 595, оп. 48, д. 1080, л. 3-3об.

ПРАВOTВOPЧECКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

В декабре 1917 года в Томске с целью борьбы против Советской власти на Чрезвычайном общесибирском областном съезде эсерами и меньшевиками была создана Сибирская областная дума. Съезд принял решение о формировании временных органов управления "автономной Сибири" в виде Сибирской областной думы и ответственного перед ней Сибирского областного совета.

В ночь на 26 января (8 февраля) 1918 года Томский совет рабочих и солдатских депутатов распустил Сибирскую областную думу и образованные ею организации, арестовал часть ее членов. Оставшиеся члены Сибирской областной думы 27 января (9 февраля) на конспиративном совещании в Томске создали Временное Сибирское правительство под руководством П.Я. Дербера. Это правительство состояло из сибирских областников "левого" (эсеровского) и "правого" (кадетско-монархистского) направлений, большая часть которого вскоре бежала в Харбин.

26 мая 1918 года в Новониколаевске (после захвата города белочехами и белогвардейцами) уполномоченными Временного правительства автономной Сибири (П.Я. Дербером) и членами Учредительного собрания от Западной Сибири эсерами П.Я. Михайловым, Б.Д. Марковым, М.Е. Линдбергом, В. Сидоровым ("правительственная коллегия", осуществлявшая законодательную власть) был создан Западносибирский комиссариат. Этот орган ликвидировал советские учреждения, отменил декреты Советского правительства. Он претендовал на высшую власть в Западной Сибири до созыва Учредительного собрания, опирался на органы местного самоуправления, пытался сформировать вооруженные силы.

Но ожидаемых результатов деятельность комиссариата не принесла. И в связи с этим на совещании Сибирской областной думы 23 июня было создано Временное Сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским, которое в тот же день, пользуясь поддержкой военных, упразднило Западносибирский комиссариат. Таким образом, высшим органом управления в Сибири к началу июля стало Временное Сибирское правительство, сформировавшееся в Омске. Но это

*© О.Ф. Гордеев, 1999.

правительство было не единственным, кто претендовал на всесибирскую власть.

8 июня 1918 года в Самаре после захвата города белочехами был создан Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) - эсеровское правительство, которое объявило себя до созыва Учредительного собрания "временной властью", соединяющей законодательные, исполнительные, судебные и военные функции на территории Самарской губернии. С развитием военных успехов Комуч стал претендовать на управление всей территорией, захваченной белым движением, придавая своей власти "всероссийское" значение.

В результате начавшейся иностранной интервенции и гражданской войны летом-осенью 1918 года на территории Дальнего Востока установилось господство нескольких белогвардейских правительств. Одно из таких правительств возникло и на территории Амурской области. Оно действовало с сентября по ноябрь 1918 года под названием Временного правительства Амурской области [1, 193]. Кроме того, в это же время в Харбине существовал Деловой кабинет генерала Хорвата, а во Владивостоке все еще действовали "остатки" Временного правительства автономной Сибири во главе с П.Я. Дербером.

Множественность контрреволюционных правительств, борющихся друг с другом за верховенство в Сибири, отрицательно сказывалось на эффективности борьбы с общим врагом - большевиками. Единственным выходом из создавшегося положения было создание коалиционного правительства всероссийского характера. Во исполнение этой цели 23 сентября Уфимским государственным совещанием, на котором собрались представители всех правительств белого движения, было образовано Временное всероссийское правительство, известное под именем Уфимской директории.

9 октября Уфимская директория переехала в Омск. Она добилась упразднения всех областных, национальных и казачьих правительств, Сибирской областной думы. 3 ноября ей передали власть Временное Сибирское правительство, Комуч отказался от своих претензий на "всероссийскую" власть.

Но коалиционная директория оказалась неспособной решить возложенные на нее задачи. К концу осени 1918 года созрела идея сосредоточения верховной власти в одних руках. Иными словами, создались предпосылки для установления режима единоличной диктатуры.

В ночь на 18 ноября А.В. Колчак, опираясь на поддержку союзников, офицерских и казачьих частей, совершил в Омске переворот и разогнал Уфимскую директорию. Большая часть Совета Министров, содействовавшая этому перевороту, составила колчаковское Омское

правительство. Колчак принял титул Верховного правителя Российского государства [2].

С победой контрреволюции в Сибири в 1918 году началось всеобщее наступление антибольшевистских сил на Советскую власть. Во всех местах ликвидировали созданные ею институты государства и права. 6 июля 1918 года вышло распоряжение Временного Сибирского правительства о недопущении советских организаций и об организации комиссии при Министерстве внутренних дел по подготовке выборов в Сибирское учредительное собрание. 14 июля были отменены все советские декреты и признавались законы Временного правительства.

По постановлению от 1 июля функции законодательного органа сосредоточивались в руках Совета Министров, но организация самого законодательства находилась в более худшем положении чем в Советской республике. Во многих областях по-прежнему действовали законы Советской власти как более приемлемые в условиях фактического беззакония. Правда, 1 октября 1918 года была создана юрисконсультская комиссия, но это не решило проблемы эффективности законодательства [3].

“Несомненно, законодательная техника Временного Сибирского правительства была ниже всякой критики, важная работа законодательства велась чисто кустарными способами, с нарушением не только элементарных правил теории, но и элементарных приемов практики” [4].

Поэтому правотворческая деятельность Временного Сибирского правительства оставляла за собой очень скудные плоды. Но все же во многих отраслях законодательства были предприняты довольно значимые шаги.

Экономическое законодательство

В сфере экономики следует отметить реформы Временного Сибирского правительства в области аграрного, рабочего законодательства, торговли и финансов.

Аграрная политика. Советский декрет о земле не только нанес сокрушительный удар по всей аграрной структуре дореволюционной России, но и выбил почву из под ног внутренней контрреволюции. Декрет о земле практически парализовал аграрную политику белого лагеря. Даже при огромном желании дать крестьянам больше, чем дал этот декрет, было просто невозможно. Но сохранить его - означало признать законы Советской власти, что было еще менее приемлемо.

6 июля 1918 года Временное Сибирское правительство приняло постановление о возвращении владельцам их имений. В нем говорилось, что на основании решения Совета Министров о признании всех декретов, изданных Советом Народных Комиссаров, недействительными, "все имения, принадлежащие как отдельным лицам, так равно и товариществам, обществам и учреждениям,... возвращаются их владельцам со всем инвентарем, живым и мертвым,... с соблюдением нижеследующих правил:

1. Имения, расположенные на землях собственных и арендованных, передаются в заведывание прежних владельцев впредь до решения вопроса о земле Всесибирским Учредительным Собранием.

2. Те из помеченных в п. 1 имений, кои будут признаны культурными Министерством земледелия и колонизации и, в силу этого, подлежащими сохранению и улучшению, передаются владельцам при обязательном установлении контроля над ними со стороны уездных и губернских (областных) земств.

3. Контроль со стороны земств над упомянутыми в п. 2 имениями должен состоять в предотвращении таких действий со стороны хозяина, которые могут повлечь за собой обесценивание имения. Действиями, обесценивающими имущество, признавались такие распоряжения владельца или арендателя, благодаря которым сельское хозяйство утрачивает необходимые для ведения его принадлежности - леса, воды, полосы и др., либо составные части имения теряют свою хозяйственную годность. В случае наличия указанных в п. 3 действий, имение должно быть изъято из распоряжения владельца" [5].

Постановление не затронуло серьезным образом экономических интересов сибирского крестьянства в целом, но в то же время названный документ, по существу, означал начало разработки Временным Сибирским правительством аграрной политики.

Суть программы сводилась к следующему: территории, свободные от населения и еще не подготовленные для заселения, следовало подготовить под колонизацию, для чего должны быть созданы особые органы переселения или колонизации. Временно, до полного устройства жизни новыми поселенцами, государство брало на себя в таких районах обслуживание всех нужд населения - землеустройство, медицинскую помощь, народное образование и т.д. Для обеспечения населения всеми необходимыми машинами и орудиями сельскохозяйственного производства создавали органы снабжения.

По вопросу о наделении земель беженцев говорилось, что "в данное время земля им может предоставляться лишь во временное пользование. Лишь после Учредительного собрания беженцы могут быть наделены уже на общих основаниях."

При проведении закона о земле правительство намеревалось опираться на органы местного самоуправления, то есть на земства и городские думы... Земства должны взять на себя охрану культурных частновладельческих хозяйств, которые могут быть полезны для улучшения семенного фонда и пород скота [6].

Высказанные соображения стали своеобразным остовом будущих аграрных реформ, которые предстояло осуществить Временному Сибирскому правительству.

Одним из первых шагов в этом направлении явилось утверждение 25 июля 1918 года Временного положения об учреждениях, ведающих земельными делами Сибири. С его изданием повсеместно упразднялись существовавшие ранее земельные комитеты. Отныне земельными делами здесь должны были заниматься органы при Министерстве земледелия и колонизации.

Аграрная политика Директории была направлена на демократичное решение земельного вопроса, о чем свидетельствовал п. 9 Декларации Временного Всероссийского правительства: "В области земельной политики Временное Всероссийское правительство, не допуская таких изменений в существующих земельных отношениях, которые мешали бы разрешению Учредительным собранием земельного вопроса в полном объеме, оставляет землю в руках ее фактических пользователей и принимает меры по немедленному возобновлению работ по урегулированию землепользования на началах максимального увеличения культивируемых земель и расширения трудового пользования, применяясь к бытовым и экономическим особенностям отдельных областей и районов" [7, 191]. Но каких-либо реальных шагов в области осуществления этой программы предпринято не было.

Гораздо более действенной была политика правительства А.В. Колчака.

За разработку аграрного законодательства колчаковское Министерство земледелия активно принялось еще с начала 1919 года. Оно было изложено в основном в четырех обширных документах: "Записке о направлении аграрной политики правительства", "Основах аграрной политики правительства", "Положении об обращении во временное распоряжение государства земель, вышедших из обладания их владельцев", "Правилах о порядке производства и сбора посевов в 1919 году в местностях, освобожденных от советской власти".

По поручению А.В. Колчака Министерство земледелия и колонизации подготовило "Записку о направлении аграрной политики". Основное положение ее заключалось в следующем: - "создание крепких мелких трудовых хозяйств, владеющих землей на праве частной собственности и свободных от принудительной опеки общины."

В соответствии с этой установкой были намечены мероприятия: а) содействие государства распродаже дворянских земель крестьянами; б) расширение с этой целью прав Крестьянского поземельного банка и превращение его в государственный земельный банк; в) расширение частных земельных сделок, если они ведут к раздроблению дворянского землевладения; г) восстановление действий столыпинского закона 14 июля 1910 года о выделе из общины.

В отношении же тех помещичьих земель, которые уже были захвачены крестьянами, а таких земель было большинство, практиковалось следующее: а) признание за “захватчиками” права собирать урожай; б) перевод “захватчиков” на положение арендаторов; в) предоставление им преимущественного права на приобретение захваченной земли в собственность.

Происходил, таким образом, выкуп захваченных помещичьих земель, или, вернее, совершалась широкая распродажа этих земель, при содействии государства.

Последующее аграрное законодательство и было рассчитано прежде всего на ту категорию земель, которая уже вышла из фактического обладания помещиков. Это законодательство открывалось декларативным выступлением правительства 8 апреля 1919 года. Декларация 8 апреля реализовывала собой первый пункт намеченных мероприятий. Она устанавливала за “захватчиками” право собирать урожай: “все, в чем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы и не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собирать урожай.”

Более подробно этот вопрос был раскрыт в Законе о посевах от 13 апреля 1918 года. “Все посевы, - указывалось в нем, - произведенные на землях, принадлежащих посевищикам, именно озимые осени 1918 года и яровые весны 1919 года - составляют полную и неотъемлемую собственность тех лиц, трудом и средствами которых означенные посевы произведены... На земли, вспаханные в 1918 году под посевы 1919 года, преимущественное право имеют те, кто их вспахал; если бы все же оказалось, что земли эти должны отойти под посев другим лицам, то этими последними должны быть возмещены расходы, произведенные по вспашке” [8, с. 30-31].

Смысл этой поправки разъяснили в сопроводительной записке к законопроекту, которая была предоставлена юридической частью при Верховном правителе. “Невольно возникает вопрос, - говорилось в ней, - может ли внести успокоение в деревню провозглашение аренды? Это прямо наталкивает крестьян на привычную ассоциацию - аренда в интересах помещиков.” Поэтому колчаковское правительство

не захотело называть крестьян арендаторами. Однако смысл изданных законов от этого не изменился.

Публикация правил и закона о посевах в основных чертах явилась ответом на ту программу аграрных мероприятий, которую наметило себе колчаковское правительство. Но проведение этих законов в жизнь не означало еще осуществления намеченной программы. Конечной целью программы должно было стать создание крепких крестьянских хозяйств, которые владели бы землей на правах частной собственности. А это предполагало целую систему дальнейших изысканий. В общем виде они были сформулированы как содействие государству в естественной ликвидации крупного помещичьего землевладения. В этом направлении намечались меры как ограничительные, так и поощрительные.

Меры ограничительные заключались в следующем: а) запрещение земельных сделок, "усиливавших крупное землевладение"; б) установление предельных норм землевладения (провозглашался принцип трудовой нормы); в) "недопущение продажи земли иностранцам"; г) запрещение фиктивных сделок; д) недопущение неправильной разбивки крупных участков на мелкие и другие подобного же характера меры, которые будут подсказаны ходом вещей" [9, с. 34].

В качестве мер разрешительных намечалось "назначение определенного срока, в течение которого крупные землевладельцы должны ликвидировать свои владения продажей их мелким собственникам на выработанных государством основаниях, с угрозой принудительного отчуждения неликвидированных в назначенный срок владений и установление тяжелого для крупных землевладельцев прогрессивного поземельного налога."

Таким образом, по существу все сводилось к проведению той политики в аграрных отношениях, которая начала осуществляться еще царским правительством вскоре после первой российской революции.

Что колчаковское правительство в своей реформе в значительной мере повторяло П.А. Столыпина, говорит и его отношение к вопросу о формах землепользования.

Все рассмотренные законодательные акты особо выделяли участковые крестьянские владения, предоставляя им прсимущества, оберегая их от последствий всевозможных захватов. Как прямое продолжение столыпинской аграрной политики в этом вопросе намечалось восстановление почти в полном объеме действия столыпинского закона от 14 июня 1910 года.

По своему экономическому значению это был, безусловно, либеральный буржуазный закон, способствовавший развитию капита-

лизм в деревне и, следовательно, прогрессивный. Но он обеспечивал прогресс по худшему, прусскому образцу, тогда как революционный путь мог бы открыть зеленую улицу “американскому”, фермерскому пути, максимально эффективному и быстрому, в рамках буржуазного общества.

Следует отметить, что и в социальном обосновании своих взглядов на крестьян А.В. Колчак шел вслед за П.А. Столыпиным: “Институт мелкой частной собственности лучше всего может создать ту твердую, многочисленную, дорожащую порядком массу, наличность и значение которой в государстве является залогом его спокойного развития и отсутствие которой делает неустойчивой всякую форму его бытия” [10, с. 36].

Такова в основных чертах аграрная реформа, которая была задумана А.В. Колчаком.

Рабочая политика определялась двумя основными принципами.

Во-первых, признанием того, что положение рабочего класса может быть улучшено только тогда, когда в “стране будет развиваться промышленность, дающая полный простор применению наемного труда”. Во-вторых, безусловным требованием является то, что “все рабочее движение должно протекать в рамках строго организованной государственности” [11, с. 188].

В осуществлении первого принципа введенные при Советской власти многообразные и непродуманные поборы с буржуазии отменялись (например взносы на содержание профсоюзов, органов рабочего контроля), предполагалось значительно уменьшить расходы на больничные кассы и др.

31 июля 1918 года Временное Сибирское правительство приняло Положение о мерах к восстановлению нормального хода работ промышленных предприятий и поднятию их производительности, в котором говорилось:

1. Дефицитные предприятия не поддерживаются правительством (исключение составляют объекты государственной важности).

2. Все органы хозяйственно-технического контроля упраздняются: вместо них вводится единоличный контроль.

3. Правительство обеспечивает нормальные условия труда: 8-часовой рабочий день, введение сдельных работ, где это возможно.

4. Прием на работу и увольнение с нес производится единолично; право протеста против действий руководителя предприятий имеют только профессиональные организации.

5. В случае необходимости значительного сокращения производства или штатов вопрос передается на разрешение министерств торговли, промышленности и труда [12].

Но особое внимание Министерство труда уделяло реализации второго своего принципа. Основная задача министерства и его представителей на местах - инспекторов труда - заключалась в том, чтобы "искоренить большевизм", парализовать "противогосударственные тенденции" в рабочем движении.

Правительством также было принято постановление "О ликвидации рабочего контроля". 2 августа датируется руководящая инструкция Министерства труда Временного Сибирского правительства о необходимости ликвидации органов рабочего контроля. В рамках данной инструкции комиссарам труда, в том числе губернскому комиссару труда, были направлены отношения Министерства труда следующего содержания:

"Создание органов рабочего контроля - одно из самых отрицательных явлений в период господства Советской власти, и принимать меры к выполнению разных обязательств перед этими органами со стороны отдельных лиц и учреждений я нахожу нецелесообразным. Комиссар труда должен принять меры к ликвидации этих учреждений, и если при этом потребуются определенные денежные средства, он может выйти с особым представлением в Министерство труда. Что касается предпринимателей, не подчинившихся решению примирительных камер, то надо обратиться в суд, если соглашение оговаривало обязательность для сторон приговора и намерено принять на себя функции суда. Если такого обязательства не было, то возможно только обращение к общественному мнению путем помещения в газетах соответствующих заявлений комиссара труда с точным обозначением лица, нарушающего обязательства, и с изложением обстоятельств дела" [13].

В основу рабочего законодательства Временное Сибирское правительство положило законодательство Временного правительства. В добавление к этому было объявлено о разработке закона о труде, но принят он так и не был.

Директория в своей политике по рабочему вопросу придерживалась принципа развития рабочего законодательства на началах действительной охраны труда и регулирования условий найма и увольнения рабочих.

14 ноября 1918 года Совет Министров утвердил закон о бирже труда, который вошел в силу спустя несколько дней, уже при Колчаке.

8 ноября 1919 года Совет Министров утвердил закон о больничных кассах - органах страхования рабочих. Предпринимательские

вносы были снижены до 5 %. Значительную часть вносили сами рабочие.

Колчак не запретил профсоюзы и не отменил 8-часовой рабочий день, он обещал, что “рабочие найдут защиту и помощь в законах, которые должны будут укрепить и обеспечить их организацию на началах сходных с демократическими государствами Европы” [14, с. 520].

Для разбора постоянно возникавших конфликтов между рабочими и предпринимателями создавались примирительные камеры, третейские суды.

Формально действовали профсоюзы, фабзавкомы, которые были образованы в соответствии с постановлением Временного правительства от 23 апреля 1917 года и сохранили позже свою силу [15, с. 188].

Несмотря на такие уступки Временного Сибирского правительства, как сохранение 8-часового рабочего дня, профсоюзов, фабзавкомов, положение рабочих неуклонно ухудшалось. Экономическая разруха, рост безработицы приводили к падению реальной заработной платы, что крайне отрицательно сказывалось в условиях невероятной инфляции. Попытки Временного Сибирского правительства решить рабочий вопрос в свою пользу оказались напрасными.

Политика властей в области промышленности и торговли.

Наряду с поисками решения земельного и рабочего вопросов Временное Сибирское правительство принимало также меры по ужесточению контроля за некоторыми отраслями промышленности и торговлей. Но и эта политика проводилась не всегда последовательно, пока не пришла к краху.

6 июля 1918 года вышел приказ правительства о регулировании хлебной торговли. В соответствии с ним:

- отменялся закон Временного правительства от 23 марта 1917 года о введении хлебной монополии государства;
- допускалась деятельность объединений по закупке хлеба;
- все операции по продаже и закупке хлеба должны были производиться в присутствии уполномоченного от Министерства продовольствия;
- перевозка, транзит и хранение продовольствия допускались только по разрешениям;
- цены на продовольствие вырабатывались общесибирским продовольственным бюро, эти цены устанавливали рамки торговли хлебом и другими продуктами питания;
- указанные пункты не распространялись на местных жителей при покупке хлеба для личных и хозяйственных целей.

Кроме того, правительство обсудило и приняло важный законопроект "О регулировании мясной торговли Сибири". Этот законопроект во многих позициях повторял снятие хлебной монополии, а выполнение его также регулировалось и контролировалось продовольственным бюро [16].

10 июля вышло постановление об урегулировании продажи вина.

30 июля правительство установило монополию на кожевенную промышленность, однако 17 сентября 1918 года было вынуждено ее отменить.

Безусловно, эти постановления являлись прогрессивными, но при сложившейся в стране ситуации острой нехватки продовольствия и огромного спроса на него полная отмена государственной монополии могла оказаться роковой ошибкой для существовавшей власти.

Экономический кризис, несмотря на все меры, продолжал разрастаться. Государственный бюджет испытывал острый дефицит. Для его преодоления планомерно повышались налоги с населения (например были повышены ставки промыслового обложения указом от 23 сентября 1918 года, повышены размеры гербового сбора и т.д.). Но экономический кризис преодолеть этим не был.

В целях преодоления кризиса в 1918-1919 годах была проведена финансовая реформа И.А. Михайлова.

"...К моменту омского переворота в Сибири наблюдалось полное расстройство денежного обращения. Советские декреты, регулирующие финансовые отношения, были отменены постановлением правительства от 21 ноября 1918 года" [17].

Других актов в этой области не существовало. А они были так необходимы в условиях финансового кризиса. С одной стороны, денежных знаков катастрофически не хватало, с другой - они были чрезвычайно разнообразны. Так, кроме "романовских", "керенских" денежных знаков, таких суррогатов, как облигации Займа Свобода, купонов государственных процентных бумаг, в обращении также находились деньги местного изготовления - чеки банков, кредитные билеты, выпущенные большевистским правительством, и др. Сложность ситуации усугублялась тем, что количество бумажных денег не поддавалось учету.

Министерство финансов разработало четкую программу урегулирования финансового обращения в Сибири. Для того чтобы устранить денежный голод и изъять из оборота суррогатные деньги, заменив их лучшими и легче поддающимися контролю и, главное, учету, оно принялось в огромных количествах печатать деньги. За один только январь 1919 года было выпущено 334 миллиона рублей, за февраль

- уже 1190 миллионов рублей, а мартовская эмиссия составила 1681 миллион рублей.

Чрезмерный выпуск денежных знаков в совокупности с недостатком товаров привел к падению покупательной силы рубля и к еще более острой фазе финансового кризиса. А всяческие попытки колчаковского правительства получить из США заказанные еще Керенским кредитные билеты наталкивались на проблему официального признания Временного Верховного правителя Колчака иностранными державами. Когда же американские кредитные билеты прибыли в Сибирь, они были уже не нужны Колчаку..." [18, с. 54].

Уголовное законодательство

Белое движение Сибири, захватив власть и "изгнав" большевиков, вполне разумно вернулось к системе "старого", дореволюционного законодательства, в том числе и уголовного. Было восстановлено действие всех крупнейших уголовно-правовых актов царской России. Также было сохранено действие уголовных актов, изданных в период с февральской революции до октября 1917 года Временным правительством.

Однако сложившаяся в Сибири чрезвычайная ситуация, явившаяся следствием Гражданской войны и политического хаоса, обязывала власти не ограничиваться восстановлением старого законодательства, а принимать решительные меры по борьбе как с общеуголовными преступлениями, распространение которых было вызвано экономическим кризисом, так и с политическими, которые были следствием борьбы за власть.

Власти прекрасно понимали это и действовали адекватно, усиливая репрессии по всем видам преступлений, получившим распространение в данной ситуации.

В связи с летними военными неудачами на фронте усилилась большевистская и эсеровская агитация в сельских местностях и одновременно увеличилось количество преступлений, совершенных на политической почве.

Произошли восстания в разных уездах Сибири. "Шайки большевиков различной численности, усиленные неустойчивым преступным элементом деревни, а также дезертирами, бродили по сельским местностям, грабя и убивая зажиточное население, должностных лиц, представителей местной интеллигенции, и организовывали советские учреждения. Под влиянием этой агитации развилось брожение в уездах Ново-Николаевском, Каменском, Барнаульском и Славгородском". В Приморском крае учащаются случаи порчи полотна железной доро-

ги, поджога мостов и ~~па~~падений на поезда с пассажирами и воинскими грузами. Одновременно с тем, хотя и в меньшей степени, происходило такое же брожение в некоторых городах [19].

“Непрекращающаяся агитация против отбывания воинской повинности и та государственная опасность, какую представляют собой такие призывы в настоящий исторический момент напряжения всех сил страны для борьбы с советской властью, послужили для Министерства Юстиции основанием к выделению этого преступления из ст. 129 Уголовного Уложения в новый пункт к ней” [20]. Одновременно с этим Министерство Юстиции, в связи с переживаемыми обстоятельствами, признало нужным пересмотреть текст ст. 129 Уголовного Уложения, соединив с ней постановления Временного правительства от 6 и 19 июля 1917 года, особо квалифицировать призывы к преступным деяниям, “имеющим место в условиях войны или гражданской смуты” [21], и усилить репрессию по данной статье, так как существующая до этого слабая наказуемость или фактическая безнаказанность призывов к преступным деяниям, несомненно, сыграла свою роль в росте преступности.

Разработанным в связи с данными обстоятельствами законопроектом содержание ст. 129 было изменено, а постановления Временного правительства от 6 и 19 июля были отменены, поскольку их содержание было введено в состав 129 статьи. Кроме того, по законопроекту наказание за призывы к некоторым особо опасным преступлениям было увеличено до срочной каторги, а за призывы, “имеющие место во время войны или гражданской смуты” [22], - и до бессрочной каторги.

Министерство Юстиции так прокомментировало в объяснительной записке данный законопроект: “Ближайшим поводом к изменению ст. 129 Уголовного Уложения в смысле квалификации некоторых родов преступлений и общего повышения наказаний послужили донесения с мест, в которых указывается на усилившуюся агитацию против вступления в армию и на распространение призывов другого рода, а также представления, в которых выражались недоумения по поводу соотношения статьи 129 и вышеуказанных постановлений Временного правительства.

Постановления, в части изъясняющие ст. 129, действительно с этой статьей согласованы слабо и надобность в таком согласовании, и изменении постановлений в соответствии с переживаемыми ныне историческими условиями очевидна” [23].

Окончательный вариант статьи 129 Уголовного Уложения выглядел следующим образом:

“Виновный в произнесении или чтении публично речи, или сочинения, или распространении, или публичном выставлении сочинения, или изображения, возбуждающих:

- к учинению бунтовщического или изменческого деяния;*
- к насильственному изменению существующего в государстве общественного строя;*
- к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти;*
- к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям, а также к насилию над какой-либо частью населения;*
- к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы;*
- к отказу или уклонению от исполнения воинской повинности;*
- вражду между отдельными частями или классами населения или между - хозяевами и рабочими*
наказывается:

за возбуждение пунктами первым, вторым, четвертым, пятым и шестым сей статьей предусмотренное - срочной каторгой или заключением в исправительном доме на срок не ниже 3 лет;

за возбуждение пунктами третьим и седьмым сей статьи предусмотренное - заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьме.

Если:

- виновный возбуждал действовать способом опасным для жизни многих лиц;*
- последствием возбуждения было учинение тяжкого преступления, то виновный, если не подлежит более строгому наказанию как соучастник учиненного преступного деяния, наказывается:*
- за возбуждение пунктами первым, вторым, четвертым, пятым и шестым сей статьей предусмотренное - каторгой на срок не ниже шести лет;*

за возбуждение пунктами третьим и седьмым сей статьи предусмотренное - заключением в исправительном доме на время не ниже трех лет.

Если возбуждено, хотя и не сопровождалось признаками, означаемыми во второй части сей статьи, но имело место во время войны или гражданской смуты, то виновный
наказывается:

за возбуждение пунктами первым, вторым, четвертым, пятым и шестым сей статьей предусмотренное - каторгой без срока или на срок не ниже восьми лет.

Тому же наказанию подвергается виновный в обсуждении во время войны или гражданской смуты к неисполнению железнодорожными служащими и рабочими касающихся железнодорожной службы законов или законных распоряжений власти.

Покушение наказуемо.”

После того как были сделаны предложенные юрисконсультской частью изменения, 9 мая 1919 года было издано Постановление Совета Министров об изменении статьи 129 Уголовного Уложения.

В условиях Гражданской войны продолжал разрастаться экономический кризис. Для его преодоления были повышены налоги с населения, кроме того, была острая нехватка продовольствия.

В такой ситуации необычайное развитие получила спекуляция, в связи с чем Министерство юстиции разработало законопроект о привлечении к ответственности за спекулятивные действия. Наказание было установлено до арестантских отделений с лишением всех особенных прав и преимуществ, а за особо опасные спекулятивные действия, совершенные в полосе отчуждения железных дорог, объявленных на военном положении, - до смертной казни. Во всех случаях тюрьмы должны конфисковываться.

14 сентября 1918 года Административным Советом Временного Сибирского правительства было издано *Постановление о востановлении смертной казни как наказания за некоторые наиболее тяжкие преступления.*

“Неизмеримо тяжелые условия борьбы, которую приходится вести за воссоздание Российской государственности, вынуждают Временное Сибирское правительство принять чрезвычайные меры как для ограждения армии и обслуживающего ее тыла, так инородной жизни от преступных посягательств антигосударственных элементов” [24].

Смертная казнь устанавливалась за:

- военную и государственную измену;
- побег к неприятелю, бегство с поля сражения, самовольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в бою;
- подговор, подстрекательство или возбуждение к сдаче, бегству или уклонению от сопротивления противнику;
- сдачу в плен без сопротивления;
- самовольную отлучку с караула ввиду неприятеля;
- насильственные действия против начальников из офицеров и солдат;
- сопротивление исполнению боевых приказаний и исполнений, явное восстание и подстрекательство к ним;
- нападения на часового или военный караул, вооруженное им сопротивление и умышленное убийство часового;

- умышленное убийство, изнасилование, разбой и грабеж;
- шпионаж.

Подобная мера должна была способствовать укреплению дисциплины и правопорядка как на фронте, так и в тылу. Хотя, как известно, ужесточение не несет в большинстве ситуаций снижение преступности, тем более в тяжелой экономической и социальной обстановке, в условиях гражданской войны и политического беспорядка. Наоборот, ужесточение наказаний может привести к беззаконию, но уже со стороны властей.

Те же цели преследовало установление уголовной ответственности лиц медицинского и санитарного персонала, лечебных и санитарных учреждений, обслуживающих нужды армии и флота, а также военных и военно-морских ведомств за невыполнение или ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, а именно за:

- неявку без законных или заслуживающих уважения причин в назначенный по призыву на службу срок;
- отказ от выполнения своих обязанностей или уклонение от них по каким-либо не заслуживающим уважения причинам;
- умышленное неисполнение распоряжений и назначений лиц, пользующих больных и раненых, а равно принятые без надлежащего разрешения, не вызванных настоятельной необходимостью мер в отношении больных и раненых, кои требуют присутствия врача;
- нанесение больным или раненым побоев и жестокое с ними обращение;
- небрежное исполнение своих обязанностей, последствием коего было ухудшение состояния здоровья или смерть кого-либо из больных и раненых.

В то же время для повышения авторитета власти несколько раз объявлялась амнистия лицам, уклонившимся от отбывания воинской службы, что, на мой взгляд, далеко не способствовало укреплению правопорядка, поскольку вызывало у военнослужащих ощущение безнаказанности (“Если и поймают, так все равно амнистируют”).

Кроме того, 3 декабря 1918 года, после того как на адмирала Колчака были совершены покушения, произошли изменения статей 99-101, 103 Уголовного Уложения и статьи 329 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных.

Так, статьи 99 и 100 Уголовного Уложения устанавливали смертную казнь за посягательство на жизнь Верховного Правителя, его свободу и неприкосновенность, а также попытку изменения существующего строя.

Используя термин “посягательство”, законодатель расширял объективную сторону данного деяния, оно теперь включало как со-

вершение данных преступлений, так и покушение на них. Это прямо указывалось в 99 и 100 статьях. Приготовление к данным преступлениям также строго каралось в соответствии со ст. 101 (срочной каторгой).

Ст. 103 предусматривала отныне тюремное заключение за оскорбление Верховного Правителя.

Главной задачей этих изменений было сохранение целостности Российского государства, так как “отторжение или выделение какой-либо части” его также каралось смертной казнью. Этими нормами суду не предоставлялось право варьировать наказание в зависимости от степени причастности к преступлениям, что, безусловно, должно было служить дополнительным устрашающим фактором.

Ст. 329 Уложения о наказаниях уголовных и исполнительных за умышленное неисполнение указа или приказа Верховного Правителя устанавливала наказание в виде лишения всяких прав состояния и ссылки на каторгу на срок от 15 до 20 лет, что придавало указам и приказам Верховного Правителя особый статус и, соответственно, обеспечивало их особой, более жесткой защитой.

Судопроизводство

Распоряжением от 8 июля 1918 года Временное Сибирское правительство ликвидировало советские суды и судебные декреты.

Главным мероприятием Временного Сибирского правительства в области юстиции являлось восстановление деятельности судебных установлений, действующих на основании судебных уставов 20 ноября 1864 года.

Вторым важным мероприятием было учреждение Сибирского высшего суда, состоявшего из трех департаментов. В состав первого департамента должны были входить представители земских и городских самоуправлений. Причем предполагалось, что власть Сибирского высшего суда будет распространяться и на военные суды, что значительно ограничило бы самоуправство военных.

Но суды фактически не действовали ввиду разработки законопроекта об учреждении Правительствующего сената, призванного выполнять функцию высшей судебной власти [25].

Восстановленный в 1919 году Сенат состоял также из нескольких департаментов. Самым важным из них были первый и кассационный департаменты по гражданским и уголовным делам.

Кроме того, были введены правила об исчислении сроков по делам уголовным и гражданским, прерванных закрытием судебных установлений большевиками. Изменена уголовная подсудность по де-

лам о краже, мошенничестве, присвоении и растрате чужого имущества. Произведены небольшие изменения в судебных уставах.

Из всех направлений судебной деятельности в период с 1918 по 1920 годы наиболее полного развития достигло уголовное судопроизводство. Это объяснялось, в первую очередь, условиями социального и политического положения в стране. Но в отличие от советских революционных трибуналов, судебным учреждениям в белой Сибири все же не была присуща оперативность. Дела об убийствах направлялись в суд в первую очередь, но в суде такое решение зачастую откладывалось. Задержанные лица месяцами находились в местах предварительного заключения и даже в тюрьмах в ожидании решения суда.

В заключение краткого обзора правотворческой деятельности Временного Сибирского правительства следует отметить, что оно было тесно связано с классово-партийными интересами и концепциями своего окружения в широком смысле слова, на которое оно в тот или иной исторический момент опиралось, пройдя известные фазы.

«В первой фазе маятник контрреволюции остановился на эсэро-меньшевизме (Комуч и др.), но не задержался на ней, а отклонился вправо и вошел в фазу эсэро-кадетизма, олицетворенного Директорией. Но и “директориальная” фаза оказалась промежуточной: маятник качнулся еще более вправо, дойдя, наконец, до фазы “чистого” право-кадетизма, сомкнувшегося с монархизмом черносотенного образца (“верховного правителя Колчака”)» [26, с. 215].

Временное Сибирское правительство на каждом этапе укрепляло свое положение в ряду других правительств белого движения. Но вместе с этим, скатываясь в сторону реакции, теряло поддержку в народе.

Буржуазная политика Временного Сибирского правительства в начале его существования была близка идеям демократической контрреволюции. Но на последнем же этапе она представляла уже ярко выраженные реакционно-монархические интересы контрреволюции. Эти тенденции в той или иной мере отразились на всем законодательстве Временного Сибирского правительства. Его правотворческая деятельность и при Директории, и при Колчаке определялась именно развитием контрреволюции.

Список литературы

1. См.: Бутенин Н.А. К истории Временного правительства Амурской области // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть в Сибири (1905-1920 гг.). Томск, 1982.
2. См. подробнее: Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М.: Мысль, 1970.
3. Рязановский В.А. Общий обзор деятельности правительства в области права с июля 1918 г. по март 1919 г. // Сибирская жизнь. 1919. 28 марта.
4. Там же.
5. Свободная Сибирь. 1918. 10 июля.
6. Воля Сибири. 1918. 28 июля.
7. Архив Русской Революции. Т XII. Берлин, 1923.
8. На аграрном фронте. 1929. N 6.
9. Там же.
10. Там же.
11. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983.
12. Воля Сибири. 1918. 14 августа.
13. Борьба за власть советов в Томской губернии (1917-1919): Сб. документов. Томск, 1957. Документ N 300.
14. Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1985.
15. Иоффе Г.З. Указ. соч.
16. Свободная Сибирь. 1918. 17 августа.
17. Там же.
18. Шиканова И. Думки, керенки, колчаковки... // Родина. 1990. N 10.
19. ГАРФ, ф. 4369, оп. 2, д. 1, л. 13об.
20. ГАРФ, ф. 4369, оп. 2, д. 1, л. 7.
21. ГАРФ, ф. 4369, оп. 2, д. 1, л. 7об.
22. ГАРФ, ф. 4369, оп. 2, д. 1, л. 7об.
23. ГАРФ, ф. 4369, оп. 3, д. 16, л. 3.
24. ГАРФ, ф. 4369, оп. 3, д. 10, л. 11.
25. ГАРФ, ф. 4369, оп. 2, д. 1, л.л. 11-12об.
26. Иоффе Г.З. Указ. соч.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ РЕЖИМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Понятие “государственно-политический режим” обычно рассматривают в научной литературе как характеристику государственного образования в обществе.

“Государственный режим” является при этом составной частью политического режима, существующего в обществе. “Политический режим” - понятие более широкое, поскольку оно включает в себя не только методы государственного властвования, но и характерные способы деятельности негосударственных политических организаций (партий, движений, клубов, союзов) [20, с. 124].

Государственный режим является важнейшим элементом формы государства. Традиционное понимание, что это совокупность способов и методов осуществления государственной власти, достаточно широко распространено в политологической, государствоведческой и юридической литературе.

Государственный режим, являясь динамичной частью формы государства, остро реагирует на все наиболее важные и существенные процессы и изменения, происходящие в экономической, социально-политической среде, в расстановке социально-классовых сил и т.д.

В значительной мере государственный режим связан с формой государственного правления, но вместе с тем и индивидуализирует форму государства, придавая ей специфические качественные характеристики с учетом сложившейся ситуации и конкретно-исторических условий развития общества.

Испытывая достаточно сильное влияние других элементов формы государства, государственный режим реализуется в разнообразных видах и комбинациях.

За основание, на котором формируются виды государственных режимов, вполне обоснованно можно взять точку зрения, сформулированную в свое время В.И. Лениным, что стоящий у власти слой или класс (в частности буржуазия) “во всех странах неизменно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-

*© Т.В. Будилина, 1999.

первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ... Второй метод - метод "либерализма", шагов в сторону развития политических прав, в сторону уступок и т.д." [11. Т. 20, с. 67]. По сути речь идет о существовании власти, о средствах и способах властвования, о власти демократической или недемократической.

В современных государствах присутствуют различные по своему содержанию методы официального властвования. Однако можно выделить наиболее общие черты, присущие той или иной разновидности государственного режима.

Демократические режимы характеризуются такими методами осуществления государственной власти, которые реально обеспечивают свободное развитие личности, фактическую защищенность ее законных прав и интересов. Более конкретно режим демократического типа может быть выражен и реализован в следующих чертах:

1. Такой режим предоставляет свободу личности в сфере экономической деятельности, составляющей материальную основу благополучия общества.

2. Реальная гарантированность личных прав и свобод гражданина, его возможность выражать собственное мнение о политике государства, активно участвовать в различных культурных, профессиональных и других общественных организациях придают высокую нравственность демократическому государству.

3. Демократический режим создает эффективные механизмы прямого воздействия населения страны на характер государственной власти (через избирательную систему, контроль избирателей за деятельностью избирательных органов).

4. В демократическом государстве личность защищена от произвола, незакония, так как ее права находятся под постоянной охраной органов правосудия.

5. Демократический режим является следствием реального разделения властей как в унитарных, так и в федеративных государствах.

6. Демократическая власть в одинаковой мере учитывает интересы большинства и меньшинства, индивидуальные и национальные особенности населения. Она также является препятствием бюрократическому произволу и нарушениям социально-экономических прав национальных меньшинств.

7. Демократические методы государственного властвования позволяют преодолевать возникающие социальные противоречия, обеспечивают компромисс между государственными органами и гражданами, между различными социальными группами населения.

8. Основным принципом деятельности демократического государства является плюрализм. В условиях демократического режима действуют различные партии, другие общественные организации, объединения, коллективы, которые поддерживают политику государства, придают его деятельности плюралистический характер.

9. Демократический государственный режим базируется на законах, которые отражают объективные потребности развития личности и общества, поэтому он обеспечивает стабильный правопорядок, низкий уровень преступности, способствует более спокойному разрешению конфликтов между государством и личностью, между различными социальными и национальными группами людей.

Диктаторские политические режимы являются полной противоположностью всему вышеперечисленному. Таким образом, вопрос о диктаторских политических режимах является одним из актуальных вопросов истории политических и правовых учений, теории государства и права, социологии.

На сегодняшний день, когда в России сложилась очень непростая ситуация, появился государственно-монополистический капитализм (в результате ваучерной приватизации произошла концентрация власти капитала в руках номенклатуры), налицо экономический кризис, моральная дезориентация общества, утрата привычных ценностей, вопрос о сущности действующего режима становится одним из жизненно важных.

Характеризуя диктаторские политические режимы как противоположные демократическим вариантам, можно остановиться на следующих чертах:

1. Главное, что определяет характер государственной власти, - это соотношение государства и личности. Если государство в лице его разных органов подавляет и ущемляет ее права, препятствует ее свободному развитию, то такой режим является антидемократическим.

2. Антидемократический режим характеризуется полным (тотальным) контролем государства над всеми сферами общественной жизни: экономикой, политикой, идеологией, социальным, культурным и национальным строительством. В таком государстве устанавливается диктатура одной партии, которая фактически осуществляет все государственные функции, обладая полномочиями, не ограниченными никакими законами.

3. Антидемократическим режимам свойственно огосударствление всех общественных организаций (профсоюзов, молодежных и других творческих объединений, обществ).

4. Личность в антидемократическом государстве фактически лишена каких-либо субъективных прав, хотя формально они могут

провозглашаться даже в конституционных актах. К инакомыслящим и прогрессивным силам применяются жесткие репрессивные меры.

5. При антидемократических режимах реально действует примат государства над правом, что является следствием произвола, нарушений законности, ликвидации правовых начал в общественной жизни.

6. Характерный признак антидемократического государства - всеохватывающая милитаризация общественной жизни, наличие огромного военно-бюрократического аппарата, военно-промышленного комплекса, довлеющего над мирной экономикой.

7. Антидемократические режимы игнорируют интересы национальных государственных образований, особенно национальных меньшинств.

В тоталитарном государстве члены национальной федерации практически лишены самостоятельности в решении своих внутренних дел, осуществлении внешней политики, поскольку эти вопросы находятся полностью в компетенции центральных властей.

8. Антидемократическое государство во всех его разновидностях не учитывает особенности религиозных убеждений населения. Оно полностью отрицает религиозное мировоззрение или отдает предпочтение одной из религий, запрещая и подавляя все неудобные ему религиозные течения.

“Диктатура - неограниченная политическая, экономическая и идеологическая власть, осуществляемая ограниченной группой людей во главе с лидером, имя которого или используемая им социально-политическая идея дает определение тому или иному виду диктаторского правления” [23, с. 117]. “Политический режим - совокупность характерных для определенного типа государства политических отношений, применяемых властями средств и методов сложившихся отношений государственной власти и общества, господствующих форм идеологии, социальных и классовых взаимоотношений, состояния политической культуры” [16, с. 296].

Таким образом, понятие диктаторских политических режимов - специфический способ правления, противоположный демократии. Тогда, как “демократия - власть народа, народовластие - одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государства и власти, развивающийся и прогрессирующий в истории политический режим, основанный на возможности управления делами государства путем прямого или опосредованного волеизъявления народа” [23, с. 111].

Демократия обычно связана с республиканской формой государства, но демократическим в принципе может быть и не только рес-

публиканское, но и монархическое государство (мягкий либеральный режим), особенно современное, в котором анархия играет номинальную роль. Отсюда общее наименование демократии для государств с различными формами правления, но со сходными политическими режимами.

Политическая практика показала, что использовать только указанные параметры, причем буквально следуя им, невозможно. Реальная жизнь представляет самые разнообразные варианты как демократических (“либерально-демократический”, “конституционно-демократический”, “парламентарной демократии”, “представительной демократии” и т.д.), так и антидемократических (цезаризм, абсолютизм, неконституционная монархия, бонапартизм, примат религиозной идеи, тоталитаризм (социализм и фашизм); диктатура класса, партии (фашистская, племенная - страны Африки; военная - латиноамериканские режимы, тоталитарные; диктатуры, основанные на принципах исламского фундаментализма, и др.).

Формирование демократического режима чаще всего связывают с правовым государством.

Действительно, современные государства, провозглашая себя правовыми, связывают это с демократическими формами и способами осуществления верховной власти.

В основном законе Российской Федерации - Конституции РФ - ст. 1 закрепляет положение о том, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления [1, с. 4]. Путь, пройденный Россией до закрепления данного положения, долг и достаточно трагичен. Но снята ли проблема формирования демократического режима и реализованы ли его характеристики в действительности, вопрос дискуссионен.

Кратко исследуя путь формирования государственного режима в России в XX веке, возможно выделить несколько этапов.

Первый из них, безусловно, связан с развитием теории правового государства в России в предреволюционный период, когда сложившиеся на Западе концептуальные основы правового государства нашли поддержку в лице ученых России П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, Н.И. Палиенко, А.С. Алексеева, С.А. Котляревского. После революционных событий 1905-1907 годов идея правового государства получила официальное признание и реализацию через законы о гражданских свободах, народном представительстве и др. Но объективная обстановка этого периода не дала возможности полностью материализоваться данной идее. После революции 1917 года дальнейшее развитие идеи правового государства было затруднено. С одной стороны, II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депута-

тов на следующий день после начала Октябрьской революции юридически закрепил переход всей власти в руки Советов и учредил высшие органы государственной власти и управления, тем самым превратив новую власть “в форму, законно признанную”.

Далее, за 5 месяцев Советской власти было принято 370 важных нормативно-правовых актов, проекты которых составлял или редактировал лично В.И. Ленин.

В июле 1918 года V Всероссийский съезд утвердил Конституцию РСФСР, в которой законодательно закреплялось достигнутое в государственно-правовом строительстве и закладывалась юридическая база для успешного ее продолжения.

С другой стороны, В.И. Ленин ставит в качестве единственной задачи задачу управления: “Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять” [12. Т. 36, с. 172-173]. Управление представляется здесь не как продукт совместного труда, но как деятельность, осуществляемая односторонне теми, кто Россию “убедил” и “отвоевал”. В качестве субъекта управления названа партия большевиков - политическая организация, структура негосударственная, властными полномочиями не наделенная. Объектом управления определена Россия в целом.

По существу негосударственной структуре предоставлено право управлять государством - этим был заложен первый и самый серьезный шаг к огосударствлению управления, что в последующем привело и к изменениям в государственном режиме.

Подобные подходы все труднее уживались с идеей правового государства. Кроме того, советские теоретики относились к ней достаточно критически.

Отмечая исторически прогрессивную роль теории правового государства в юридическом обосновании буржуазно-демократических завоеваний, они в то же время усматривали в ней попытку буржуазии оторвать буржуазное государство и право от капиталистического способа производства, скрыть их эксплуататорскую сущность, изобразить их в качестве инструментов осуществления “общей воли населения” и прикрыть ими применяемый властями метод “крови и железа” - юридически неограниченного насилия.

Экстренные условия Гражданской войны и борьбы с контрреволюцией требовали нередко “выхода из предела законов”, применение революционного насилия. А в более поздний период к этим обстоятельствам добавились массовые насильственные акции при проведении коллективизации, повсеместные репрессии без суда и следствия, грубые нарушения конституционных гарантий, бездушное отно-

шение к правам и свободам граждан, извращение взаимосвязи государственной власти с другими звеньями политической системы общества.

Все вышесказанное не могло не отразиться на отношении к теории правового государства и формированию демократического режима. В одном из своих печатных выступлений Л.М. Коганович, выражая официальное мнение, заявил, что ставить вопрос о правовом государстве при социализме - значит "идти на поводу у буржуазных юристов" [9. N 1].

С этого периода негативное отношение к теории правового государства укрепились, и только в 70-80-е годы появились высказывания о Советском правовом государстве, о государстве социалистической законности, но серьезными научными разработками они практически не подкреплялись.

Фактически на формирование государства в целом и государственного режима в частности наложило отпечаток следующее. На протяжении 20-50-х годов усилиями И. Сталина и пропагандистского аппарата были грубо фальсифицированы взгляды марксизма на происхождение и сущность государства, однако сама эта фальсификация не обрела имени своего автора, а выдавалась за классический марксизм [см.: 2, 8, 18]. Постепенно она внедрилась в обществоведение и ее тезисы стали считаться почти очевидными истинами.

Фальсификации и упрощения в развитии государства и человеческого общества сводились к следующим утверждениям:

- всегда и всюду именно частная собственность была первопричиной структурной дифференциации общества, именно она расколола общество на классы, стала основой эксплуатации и антагонизма, привела к возникновению политики и государства;

- было предано остракизму учение К. Маркса об азиатском способе производства, поскольку этот относящийся ко вторичной классовой формации способ производства был связан с наличием государства, но в то же время с отсутствием частной собственности на средства производства. Ведь согласно Сталину государство возникает на основе частной собственности и связанного с ней классового антагонизма;

- было предано забвению положение Ф. Энгельса о том, что классы возникали "двоким путем", причем первый путь связан с общественным разделением труда, с выполнением "общих функций, необходимых для жизни общества", с паразитированием на "общественной должностной функции", а не с частной собственностью на средства производства;

- Сталин подверг критике, представив ее мальтузианской, мысль Ф. Энгельса, согласно которой производство и воспроизводство непосредственной жизни включает производство двух видов: производство средств к жизни и самого человека, продолжение рода, подчеркивая вывод Ф. Энгельса о том, что “общественные порядки, при которых живут люди”, обусловлены “обоими видами производства”, а следовательно, структурализация общественных отношений - возникновение групп - зависит от развития не только труда, производства средств к жизни, но и семьи, производства самого человека.

Замечания Сталина, обвинения Энгельса в мальтузианстве имели далеко идущие последствия: в советском обществоведении на многие десятилетия укоренилось упрощенное понимание материального производства, игнорирующее его важнейшую часть - производство самого человека.

Была подвергнута ревизии историческая концепция К. Маркса, согласно которой переход от первичной (доклассовой) формации ко вторичной (классовой) имеет свои варианты: от первобытнообщинного строя возможно развитие к рабству, и к феодализму, и к азиатскому способу производства. Эта концепция К. Маркса, предполагавшая варианты развития и от вторичной (классовой) формации к неклассовому обществу, была вообще отброшена. Вместо нее ввели “пятичленку”, согласно которой пять формаций - первобытнообщинный строй, рабство, феодализм, капитализм и коммунизм - представляют собой те общественно-экономические устройства, через которые будто бы неизбежно проходят все народы. Сталин не считал нужным напомнить, что Маркс категорически возражал против превращения его учения “в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются” [13. 2-е изд. Т. 19, с. 120].

Указанные критические взгляды “вождя народов” были сконцентрированы в единую позицию, которая внедрялась в общественное сознание как единственно правильное, авторитетное и, безусловно, вне всякой критики учение, ставшее очень скоро идеологической основой развития социалистического государства в России. На этой основе формируется авторитарный государственный режим.

Авторитаризм характеризуется полным или почти полным отсутствием на деле демократических отношений. Оппозиция либо прямо запрещена, либо ставится в такие условия, которые не позволяют ей нормально функционировать. Публичная власть широко прибегает к средствам подавления, администрирования. Самоуправление практически отсутствует. Выборы и референдумы если и проводятся, то

под контролем властей. Формальным характером отличается разделение властей, даже если и провозглашено конституционно. Реально все функции власти сосредоточиваются в руках диктатора или правящей олигархии. "Авторитаризм провозглашается единственным гарантом общественного (или "нового") порядка как высшего блага, которое в действительности наиболее эффективно реализуется демократическими режимами" [23, с. 20-21].

В России периода 20-50-х годов получили развитие многие из указанных признаков, кроме того, власть, не имеющая непосредственного мандата народа, произвольно осуществлялась ограниченным кругом властвующих органов и лиц путем прямого использования управленческого административного аппарата, вооруженных сил и карательных учреждений.

Авторитаризм является такой разновидностью антидемократического режима, который по прошествии определенного времени вновь может возвращаться на политическую арену с несколько измененным содержанием.

Так, по мнению некоторых авторов, в настоящее время нарастает авторитарная тенденция в массовом политическом сознании, и на нас может обрушиться новая разновидность авторитаризма, возвращенного на экономическом хаосе и анархии, усталости и разочарованности людей. Пока в России, да и не только в ней, нельзя полностью исключить вероятность установления (пусть даже временной) авторитарной системы власти. "В сегодняшней ситуации, когда правящие силы не нашли по сути дела эффективных средств разрешения экономических, политических, межнациональных и социальных конфликтов, в том числе и порожденных переходным периодом, эта вероятность многократно усиливается" [15, с. 137-138]. И если прежние системы порождали достаточно однообразный тип сильной власти, то сейчас могут возникнуть некоторые варианты. Возможные типы: популистский авторитаризм, опирающийся на уравнительно ориентированные массы; либеральный авторитаризм, стремящийся к созданию рынка; национал-патриотический, использующий национальную идею для создания либо эгалитаристского, либо квазирыночного общества [22, с. 17].

Есть и такое мнение, что, пока будет идти сложнейший процесс формирования, оформления, упрочения гражданского общества в экономической и духовной областях, чрезвычайно важно, чтобы в политической сфере сохранялась крепкая авторитарная власть, которая на этом этапе допускала бы ограниченную демократию. Авторитарная власть должна заниматься в этот период созданием демократического политического механизма, вовлекая в него представителей различных

институтов гражданского общества, постепенно предоставляя им права и полномочия, но сохраняя за собой роль арбитра и корректировщика.

Безусловно, история содержит примеры, когда при наличии определенных условий авторитарный режим устанавливался в целях отражения внешней агрессии, предотвращения или прекращения гражданской войны, достижении национального или межнационального примирения, а иногда даже диктатура, в целях проведения жесткой экономической политики, для борьбы с последствиями эпидемий и т.д.

Но оправдать насилие над целыми народами представляется очень проблематичным, и при установлении авторитаризма налицо самые неприглядные стороны антидемократического режима.

Политические события в России после XX съезда КПСС существенно повлияли на изменения в политическом и государственном режиме. В условиях существования однопартийной системы в СССР в результате действия как субъективных, так и объективных факторов произошла этатизация КПСС, что выразилось в подмене партий функций государственных органов повсеместно, в усилении бюрократических тенденций, в сращивании партийного и государственного аппарата. Государственный режим начал приобретать характер тоталитаризма, которому свойственно:

- неприятие демократических прав и свобод - слова, печати, собраний, объединений и т.д.;
- всевластие (включая монополию на информацию) корпоративных организаций иерархического типа;
- государственная или находящаяся под жестким бюрократическим контролем частная собственность на средства производства;
- административно регулируемый характер экономики;
- официальная регламентация всех сторон жизни общества и человека;
- мощный репрессивный аппарат;
- мессианская государственная идеология (т.е. копилка убеждений, имеющих силу веры), долженствующая распространиться по всему миру;
- милитаризация экономики и т.д. [17, с. 147-148, 151-153].

Конституция в условиях тоталитарного режима - вывеска, призванная замаскировать действительные политические отношения, которые не могут являться основой права. Провозглашаются многочисленные права граждан и трудящихся, но реального значения эти права и свободы приобрести не могут, поскольку отсутствие независимого суда лишает их какой-либо защиты, а требования законодательства к

осуществлению прав и свобод только в интересах “строительства социализма” выхолащивают их гуманное содержание.

В России начали цементироваться тоталитарные структуры власти, новый класс быстро бюрократизировался и выступил как жесткая каста. Все это в целом дополнило первую и усилило новую диктатуру, сердцевиной которой явился партийный аппарат. Этот аппарат стремился полностью освободить себя от какого-либо контроля со стороны не только общественности, но и государственных органов. Его вполне устраивало учение о диктатуре пролетариата, так как позволяло безраздельно проявлять “волю к власти”, а вместе с тем и подавлять любую позицию.

Всеохватывающее обладание властью на протяжении нескольких десятилетий оторвало партийно-бюрократический аппарат от общества, лишило его необходимых обратных связей, способствовало деморализации общества и препятствовало вхождению в аппарат талантливых и ярких личностей.

К концу 70-х и в 80-е годы партийный аппарат теряет авторитет и фантастическое доверие масс. И на повестку дня вновь выносится вопрос о необходимости “формирования социалистического правового государства как полностью соответствующей социализму формы организации политической власти” [3, с. 122]. Российское государство вступает в период провозглашенной “перестройки” и постепенно превращается в постсоциалистическое государство, где власть справедливо стремится разрушить экономический, политический и идеологический тоталитаризм.

В экономике это меры по разгосударствлению собственности, созданию самостоятельных хозяев-предпринимателей, максимальное ограничение государственного регулирования экономики, введение свободы предпринимательской деятельности, равноправие форм собственности и ее гарантий.

В политической сфере постсоциалистическая государственная власть упразднила руководство обществом и государством со стороны одной партии, обеспечила условия для создания многопартийности и свободной оппозиции, соревновательности различных политических сил, свободной прессы, придала выборам, которые раньше выглядели бутафорией при тоталитарном режиме, подобающее им значение.

В идеологической области вместо официальной, государственной идеологии, которая была господствующей, а то и единственной, созданы условия для идеологического плюрализма.

Все эти меры вызывали поддержку у населения, политизировалось сознание граждан, которое оставалось на высоком уровне доста-

точно долго, несмотря на то, что уже другие политические лидеры сменили первых приверженцев анти тоталитарной революции.

Вместе с тем, постсоциалистическое государство не смогло быстро обеспечить и укрепить социальные и экономические права большинства населения: упал уровень жизни, резко поляризовались доходы отдельных слоев населения, в необходимой мере не были реализованы и политические права и свободы, закрепленные Конституцией.

Что касается политической власти, то нельзя не согласиться с мнением В.Е. Чиркина о том, что в постсоциалистических государствах рычаги реальной власти, действующей непосредственно или путем решающего давления на государственную власть, сосредоточились у четырех крупных групп, это: 1) прежняя центральная номенклатура, во многом изменившая свой облик; 2) слой чиновничества, наделенный дискреционными полномочиями (правом решать вопросы по усмотрению, но в рамках закона); 3) "новая буржуазия", в том числе из среды мафиозных группировок, занимающаяся коммерческой деятельностью; крупнейшие представители предпринимателей, требующие своего прямого участия во власти; региональная старая и новая номенклатура, умлющая вырвать себе привилегии у центральной власти [21, с. 8].

Политическая власть в России также носит блоковый характер. Отношения их участников характеризуются, с одной стороны, единством его участников в борьбе против тоталитаризма, с другой - только учетом своих интересов в вопросах перераспределения собственности и власти, стремлении той или иной группы усилить результативность своего давления на государственную власть и высшее руководство.

В подобной постановке вопроса нельзя видеть только отрицательную сторону. Защищая свои интересы, привлекая на свою сторону избирателей во время выборной кампании, власть действует и в интересах большинства населения страны, объективно создавая предпосылки для экономического подъема, социального прогресса и формирования нового "открытого общества". Однако выполнение обещаний, программ носит более характер кампании. И хотя власть осуществляет некоторые меры социального порядка, постсоциалистическое государство не обеспечивает необходимого уровня жизни населения, не предоставляет ему необходимых социальных услуг, и потому его нельзя назвать ни социальным, ни правовым. Так, в государствах Восточной Европы в этот период складываются полудемократические государства.

Политический режим этого периода также отражает переходный характер государственной власти. В практику вводятся демокра-

тические формы и методы деятельности органов государства: свободная пресса, публичность, свободные выборы, референдумы и т.д., но не преодолены авторитарно-тоталитарные пережитки. Так, при реализации принципа разделения властей решающая роль принадлежит исполнительной власти (особенно главе государства, даже и не возглавляющему ее), роль парламента пока не так авторитетна, судебная власть не всегда должным образом выполняет свои функции. Все эти проблемы вновь вызвали интерес к центристским направлениям, к либерально-демократической, а также социал-демократической модели экономической эффективности и социального государства.

Что касается указанных разновидностей политического режима и их формирования в России, то политические традиции менее всего располагают к оптимистическим прогнозам формирования политического центра. Главной причиной этого является мысль, сформулированная еще Н. Бердяевым, о том, что бедою России является отсутствие того среднего и крепкого общественного слоя, который повсюду организует народную жизнь, т.е. отсутствие среднего класса. Двумя плюсами русской жизни традиционно были незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра, и русская общественная жизнь всегда была оттеснена к этим полюсам [4, с. 73].

В свое время политический центр олицетворяла конституционно-демократическая партия (кадетов). Основные программные требования, положенные в основу кадетского проекта конституции еще в период революции 1905-1907 годов, - правовая гарантия свободы индивида, конституционное правовое государство, построенное на основе четырехчленного избирательного права, социальная реформа по западноевропейскому образцу, аграрная реформа - представляли собой ориентацию на "классическую", т.е. в большей степени западную модель либерально-демократического развития, попытку реализовать ее в России. Эта программа и предложенная модель не были реализованы потому, что не имели под собой социальной почвы в лице соответствующего социального слоя, способного дорожить обозначенными в кадетской программе ценностями. Кроме того, многие социальные группы совершенно разной природы и ориентации присваивали себе политические лозунги, которые на самом деле не вполне отвечали их реальным интересам, что приводило к двусмысленности и политическому хаосу.

Русские исследователи отмечали слабость идеологии отечественного либерализма. Так, С. Франк, критикуя либеральную партию, указывал, что эта слабость заключается в чисто духовном моменте, в отсутствии у партии самостоятельного и положительного общественного мирозерцания и в ее неспособности в силу этого возжечь тот

политический пафос, который образует притягательную силу каждой крупной политической партии. По его мнению, защита ключевых начал - государственности, права и общественной культуры - оказывается недостаточно глубоко обоснованной и имеет значение скорее тактического приема, чем ясного принципа: "Вплоть до самого последнего времени наш либерализм был проникнут чисто отрицательными мотивами и чуждался положительной государственной деятельности: его господствующим настроением было будирование во имя отвлеченных нравственных начал, против власти и существовавшего порядка управления, вне живого сознания трагической трудности и ответственности всякой власти. Суровый приговор Достоевского в сущности верен: "Вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только отрицала и хихикала" [19, с. 260].

Недостатки русского либерализма проявились и много позже. В период перестройки в центристской политике угадывались те же слабости, что и несколько десятилетий назад: политическая дряблость, отсутствие ясного видения не только сложности предстоящих преобразований, но и специфики страны, а также проявилась "склонность упускать благоприятные возможности" [5, с. 122]. Результатом явилось то, что уже в 1990 году начался процесс размывания политического центра, общество раскалывается на противостоящие фланги, ухудшающаяся экономическая ситуация провоцирует нарастание групповых, корпоративных интересов, социальной напряженности, усиливающаяся социальная дифференциация размывает и тот небольшой слой, который должен был стать основой среднего класса.

На фоне этих событий в последние годы появились оппозиционные политические силы, с разных исходных позиций претендующие на роль центра. В свое время об этом заявил Конгресс гражданских и патриотических сил - объединение партий и движений национал-патриотического толка. Идеи русского патриотизма и панславизма пропагандировал Славянский собор. Тенденции к объединению были заметны среди политических группировок и партий социалистической ориентации - под флагом унитарного союзного государства.

Появились, казалось бы, и перспективные, влиятельные движения, ставшие заметными на политической карте России в период 1992 года. К ним можно отнести союз "Обновление", преобразованный позже в межпартийный блок "Гражданский союз". В руководство блока вошли видные известные политики, социальный состав был представлен директорами крупных промышленных предприятий, предпринимателями, научно-технической и интеллектуальной элитой. Главной целью было провозглашено установление социально-

политической стабильности в стране путем серьезной корректировки реформ, реализм в политике и экономике, сохранение национального согласия в обществе.

С точки зрения политического режима такая программа могла привести к установлению “просвещенного технократизма”. Однако в последующем это направление не получило поддержки и развития.

Что же касается социал-демократической модели развития страны и соответствующего этому государственного режима, то в период 1992-1994 годов политологи не исключали перспектив ее развития и успеха в постсоциалистических государствах, в том числе и в России.

Вместе с тем уже сегодня, анализируя прошедший период, можно отметить, что классическая западная социально-демократическая модель для России практически неприемлема, ее формирование и реализация сталкивались и сталкиваются с определенными сложностями.

В первую очередь это связано с тем, что в менталитете российского общества социал-демократическая идея была чем-то неизменным, антинародным, соседствовала с “социал-национализмом” и “социал-предательством”. На Западе социал-демократия, будучи выразителем интересов среднего класса, достигла значительных успехов. В России же формирование среднего класса остается насущной проблемой в реформировании общества.

Неприемлемыми для России являются и такие модели, как “идентитарная демократия”, республиканизм гражданского общества, либеральный конституционализм, эгалитарный плюрализм и др. По мнению В. Дзодиева, ни одна из этих форм не может соответствовать сущности Российского государства в силу большого многообразия страны. Он приходит к выводу, что, соединяя возможности различных моделей, образов и концепций современной государственности, будущность России возможно связывать с перспективами развития социального государства [6, с. 75].

Результаты многих исследований, политические прогнозы, анализ событий последних лет показывает, что для России конца XX века характерны некоторые особенности в части формирования государственного режима. Все чаще и чаще употребляется термин “олигархия”, который упоминается как обязательный участник всех значимых политических событий и который все больше и больше приковывает к себе интерес, вызывает дискуссии, формирует определенный авторитет в политике.

Так, в статье “Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма” А.Ю. Зудин, указывая, что если в первые годы

реформ говорили о “новой” или “демократической” номенклатуре и номенклатурном капитализме”, то теперь все чаще упоминают термин “олигархия” или “олигархический капитализм”. Автор не только рассматривает вопрос, что такое “олигархия”, но и ставит ряд проблем:

- применим ли термин “олигархия” к российской бизнес-элите или к правящему слою в целом и в каких отношениях с существующим политическим режимом находится элита бизнеса?

- действительно ли мы стоим перед дилеммой “демократия или олигархия”, где последняя понимается как контроль бизнес-элиты над государством?

Ряд тезисов этих рассуждений, безусловно, заслуживает внимания. Так, главной социальной особенностью бизнес-элиты является формула “слабая организация - высокая эффективность”. Это означает, что наиболее сильное влияние на властные структуры оказывается не через официальную систему представительства, а по неформальным каналам. Интерес к публичной политике появляется тогда, когда есть необходимость оспорить или “переиграть” то, что уже произошло в сфере бюрократической политики, а возможности неформальных согласований исчерпали себя.

“Положительная сторона связей олигархического типа определяется их способностью обеспечивать определенный минимум необходимой координации и стабильности. Ограниченность круга участников и неформальный характер взаимоотношений придает этим связям гибкость и оперативность, позволяет легче договариваться, быстрее принимать решения” [7, с. 47]. В свою очередь, подключение элиты бизнеса к механизмам принятия решений на высшем уровне создало у нее прямую заинтересованность в поддержании политической стабильности.

Исследуя генезис взаимоотношений посткоммунистического режима с новыми и старыми элитами, А.Ю. Зудин определяет место и значимость “олигархии” для политического режима России:

- как особое политическое образование внутри сообщества бизнеса “олигархия” не существует;
- бизнес-элита - лишь составная часть нового истеблишмента;
- самостоятельно она не способна претендовать на власть в стране.

Разумеется, приведенные выводы не бесспорны. Так, например, В.А. Лепехин указывает, что об олигархах можно говорить как о типе власти, сложившегося в России политического режима 1998 года: “...к этому времени олигархический характер власти стал виден невооруженным глазом” [10, с. 76].

Кроме того, формируется административно-финансовая олигархия как политический режим, при котором существует определенный баланс власти административных и финансовых "групп интересов" и, соответственно, баланс административных и финансовых методов управления, разумеется, при некотором перевесе административных структур и методов.

Безусловно, эти подходы заслуживают сегодня внимания. Но вместе с тем можно отметить, что как и все общество в России, так и формирование государственного режима находится на переходном периоде, что проявляется в его неустойчивости, колебаниях то в сторону либерально-демократического, то в стороны авторитарно-бюрократического вариантов. Подтверждением тому могут служить, например, расширение конституционных полномочий Президента в ущерб полномочиям парламента; попытки ограничить свободу печати; подменить законодательные функции парламента практикой издания подзаконных актов - Указов Президента по важнейшим вопросам жизни государства.

Указанные факторы дополняются и низким уровнем политической и правовой культуры широких масс, ростом преступности, низкой эффективностью деятельности правоохранительных и судебных органов.

Размышления над вопросом государственного режима современной Российской Федерации, очевидно, следует заключить тем, что это политико-правовая характеристика государства.

Как элемент формы государства государственный режим испытывает влияние формы правления и, вместе с тем, является самостоятельной категорией.

Определение государственного режима испытывает сегодня влияние как классового (на уровне классов, слоев и групп), так и общецивилизационного понимания. Это, с одной стороны, определяется тем, что общество не является до сих пор социально-однородным, не сформировавшим средний класс, с другой - учитывает опыт и традиции естественно-правовой доктрины и стремится к реальной демократизации всех сторон жизнедеятельности.

Поддерживая точку зрения А.С. Мордовец относительно определения: "Под государственным режимом понимается совокупность используемых стоящими у власти группами, классами или слоями методов и способов осуществления государственной власти" [14, с. 182], автор статьи убежден, что и государство, и его элементы, в частности государственный режим, еще неоднократно претерпят определенные изменения, связанные не только с теоретическими посылами, но и с их практической реализацией.

Что же касается современной России, то на рубеже веков наше государство опирается на опыт поколений и обретает новшества, анализирует собственную историю и черпает политико-правовые традиции в сокровищнице мировой цивилизации. Свидетельством тому являются затухание одних процессов и развитие других, исследование многообразных тенденций. Государственное многообразие коррелируется с универсализацией государств в рамках международных структур. Сильнее становится воздействие общедемократических принципов, что позволит полнее реализовать интересы человека и народа.

Список литературы

1. Конституция РФ. М.: Юрид. лит., 1993.
2. XVIII съезд ВКП(б). М., 1939.
3. XIX партийная конференция КПСС: Стенографический отчет. М., 1987.
4. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
5. Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и Россия // Социологические исследования. 1992. N 3. С. 122.
6. Дзодиев В. Проблемы становления демократического государства в России. М.: "Ad Marginem", 1996.
7. Зудин А.Ю. Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. 1999. N 1.
8. История ВКП(б). М., 1937.
9. Коганович Л.М. Двенадцать лет строительства Советского государства и борьба с оппортунизмом // Советское государство и право. 1930. N 1.
10. Лепехин В.А. От административно-политической диктатуры к финансовой олигархии // Общественные науки и современность. 1999. N 1.
11. Ленин В.И. Разногласия в Европейском рабочем движении // Полн. собр. соч. Т. 20.
12. Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд.
14. Общая теория государства и права. Академический курс. М.: Зерцало, 1998.
15. Поливаева Н.П. Политическое сознание // Государство и право. 1993. N 5.
16. Политологический энциклопедический словарь. М., 1993.

17. Рассоха И.Н. Тезисы о тоталитаризме // Полис. 1995. N 2.
18. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
19. Франк С. De profundis - Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990.
20. Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 1995.
21. Чиркин В.Е. Переходное постсоциалистическое государство: содержание и формы // Государство и право. 1997. N 1.
22. Шевцова Л. Первый круг пройден. Что впереди? // МЭ и МО. 1991. N 1.
23. Юридическая энциклопедия. М.: Юрид. Информцентр, 1997.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Данная статья, за исключением первых двух абзацев, написана в середине восьмидесятых годов. Она представляет собой попытку автора обосновать возможность утверждения демократических порядков в так называемых социалистических странах путем теоретического переосмысления положения правящих здесь коммунистических партий, а также посредством реализации вытекающих отсюда практических политических выводов.

Нужно признать, что сама по себе эта задача в статье сформулирована не была. Тем не менее все попытки автора опубликовать указанный материал в СССР восьмидесятых годов окончились безрезультатно. Однако и сегодня изложенные в статье размышления и выводы о закономерностях функционирования двух основных типов развитых политических систем в XX веке сохраняют актуальность. Это побудило автора рискнуть вынести на суд читателей следующие идеи более чем десятилетней давности.

В марксистско-ленинской политической теории социалистическое государство рассматривается демократическим. При этом социалистическая демократия понимается как высший исторический тип демократии, дающий народу больше в плане удовлетворения его материальных и духовных потребностей, расширения и углубления самой системы этих потребностей, чем демократии предшествующих исторических типов. Однако это положение в политической и юридической литературе зачастую обосновывается таким образом, что из рассмотрения выпадает ряд связей в социалистической политической системе, при анализе которых у человека без специальных познаний в области политической теории могут сложиться превратные представления о социалистическом демократизме. Для предотвращения этого необходимо специально рассмотреть такие связи в политической системе и проанализировать, свидетельствуют ли они о народовластии при социализме.

К неправильному выводу может привести поверхностное сопоставление, с одной стороны, законодательного закрепления в социалистическом обществе роли марксистско-ленинской партии как

*© С.А. Дробышевский, 1999.

руководителя всех государственных организаций и, с другой стороны, факта самокомплектования марксистско-ленинской партии. Например, в СССР, согласно Конституции 1977 года, руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных организаций является КПСС, она определяет линию внутренней и внешней политики СССР. Однако в формировании КПСС участвует не весь советский народ, а лишь члены КПСС. Народ выбирает только депутатов в Советы народных депутатов, местные и верховные. КПСС же, принимая в свои ряды тех, кого она сама сочтет нужным, направляет работу представительных и исполнительных государственных органов. Получается, будто бы КПСС - неизбранный народом руководитель.

Необъективность этого заключения очевидна, если обратить внимание на то, на каком основании марксистско-ленинская партия становится руководителем государственных органов. Марксистско-ленинская партия обладает полномочиями по руководству государственной жизнью исключительно вследствие избрания народом коммунистов своими депутатами на выборах в местные и верховные представительные государственные органы. Без такого избрания марксистско-ленинская партия - организация, влияние которой на политику государственных органов не императивное, а рекомендательное. Руководящая роль марксистско-ленинской партии обусловлена тем, что избранные народом в представительные государственные органы в качестве депутатов коммунисты оказываются в состоянии проводить линию марксистско-ленинской партии в решениях этих органов. Поскольку же последние формируют все остальные государственные учреждения в социалистическом обществе и определяют их деятельность, то марксистско-ленинская партия и утверждается в качестве руководящей силы общества. Таким образом, именно от народа социалистического государства зависит, будет ли он иметь своим руководителем марксистско-ленинскую партию или не будет. Говоря "да" или "нет" на выборах в представительные государственные органы коммунистам, являющимся кандидатами в депутаты, народ социалистического государства вправе конституировать руководящую роль марксистско-ленинской партии в государстве либо отвергнуть ее.

Правящие марксистско-ленинские партии стремятся проводить политику, реализующую наилучшим образом интересы всех классов и социальных групп общества. Поэтому коммунисты избираются депутатами местных и верховных представительных государственных органов в таком числе, что марксистско-ленинские партии оказываются способными определять внутреннюю и внешнюю политику социалистических стран. Так, в СССР на протяжении всей истории советского

государства на выборах в представительные государственные органы советские люди неизменно голосовали за КПСС, избирая народными депутатами столько коммунистов, что они имели возможность оказывать решающее влияние на деятельность Советов и в результате определять работу всего государственного аппарата.

Марксистско-ленинские партии стран социализма стараются предпринимать максимум усилий для того, чтобы партийная политика не отклонилась от общенародных интересов. В условиях завершенности социалистических преобразований в государстве этого легче достигнуть, если социальные структуры партии и руководимого ею народа совпадают. Как известно, наиболее верным способом принятия решения, реализующего общенародные интересы, является его постановка на всеобщее народное голосование. В таком случае каждый класс и социальная группа в обществе окажут на решение влияние, обусловленное их действительным "весом" в массе народа, поскольку все классы и социальные группы находятся в равных условиях: каждый член общества независимо от социально-классового положения имеет один голос. Но осуществлять всеобщее голосование в государстве с многочисленным населением часто, чего требуют нужды управления, материально и технически обременительно. Следовательно, общенародные интересы должны реализовываться с использованием институтов представительной демократии, и народ выдает марксистско-ленинской партии мандат на реализацию этих интересов. Для того чтобы партия на основе внутрипартийной демократии принимала такие же решения, какие принял бы весь народ при всеобщем голосовании, и необходимо совпадение социальных структур марксистско-ленинской партии и народа. В противном случае существует опасность отклонения решений партии от общенародных интересов. Вот почему сознательно предпринимаемые КПСС усилия по приближению своей структуры к структуре советского общества, постоянство этих усилий объективно необходимы для правильного отражения партией народных устремлений и являются гарантией демократизма советской политической системы.

Неспециалист может видеть недостаток демократизма социалистической политической системы в том, что она не допускает политическую оппозицию, как это имеет место в политической организации буржуазного общества. В частности, на выборах в представительные государственные органы марксистско-ленинской партии (блоку марксистско-ленинской партии и ее союзников, признающих руководящую роль марксистско-ленинской партии, в государствах с социалистической многопартийностью) не противостоят соперничающие политические группировки, в связи с чем избиратель может голосо-

вать за марксистско-ленинскую партию или против нее (марксистско-ленинскую партию и партии, действующие под ее руководством), но не может в последнем случае отдать свой голос партии, претендующей на руководство обществом вместо марксистско-ленинской. Такое положение ни в коем случае не может рассматриваться как негативное. Причины его коренятся в принципиальном различии социалистической и капиталистической организаций общественной жизни.

Важнейшим принципом буржуазного строя является анархия производства самостоятельных частных собственников, свободно конкурирующих друг с другом. Частнокапиталистическая стихия, действующая во всех областях жизни буржуазного общества, на общественную потребность в каком-либо товаре отвечает изготовлением последнего несколькими конкурирующими между собой производителями. Каждый из них стремится удовлетворить весь объем общественной потребности товарами лишь своего производства, добиться, чтобы товары конкурентов не нашли сбыта. В результате потребитель всегда имеет возможность выбрать нужный ему товар из ряда товаров требуемого вида, предлагаемых разными предпринимателями. Лучший с точки зрения потребителя товар реализуется на рынке, а остальные не находят сбыта. Произвести же сразу столько товаров, сколько рынок может потребить, и не больше, капиталисты не в состоянии, ибо целью каждого из них является именно удовлетворить весь объем общественной потребности только “своими” товарами, и каждый конкурирует с другими, надеясь на победу. Отсюда вытекает, что законом функционирования капиталистического воспроизводства во всех его сферах является трата попусту части общественного труда: не нашедшие сбыта товары, имеющие “вещную” форму, уничтожаются, а выступающая при капитализме как товар рабочая сила, не нашедшая сбыта, предстает в практике буржуазного общества как проблема постоянной безработицы части трудоспособного населения всех профессий.

Оставаясь самим собою, капитализм не в силах избавиться от конкуренции товаропроизводителей. Более того, существующая у потребителя благодаря конкуренции товаропроизводителей возможность выбора нужного товара из ряда представленных товаров одного вида является движущей силой совершенствования капиталистического производства. Покупая один товар и отвергая другие, потребитель вынуждает каждого капиталистического производителя работать все лучше.

Общие законы капиталистического воспроизводства действуют и в сфере политики. Существует потребность в политиках-профессионалах, способных руководить обществом. Капиталистиче-

ская стихия выдвигает несколько “команд” таковых, конкурирующих друг с другом на рынке буржуазных всеобщих выборов. В результате выборов лучшая с точки зрения избирателей “команда” профессиональных политиков - руководителей одной из соперничающих буржуазных политических партий - “получает работу” по управлению обществом (избирается), а остальные “команды” политиков-профессионалов - руководителей политических партий, проигравших на выборах, - остаются не у дел. В рамках капиталистической организации обществу невозможно избежать траты лишних средств на подготовку политиков-профессионалов, которые не найдут работы по специальности (не будут выбраны избирателями). Конкуренция буржуазно-политических партий, стремящихся быть избранными, необходима для капиталистического строя точно так же, как конкуренция товаров всех остальных видов во всех остальных сферах. Причем для организации управления капиталистическим обществом конкуренция буржуазных политических партий является порожденным природой капитализма средством совершенствования политических институтов. Каждая “команда” буржуазных профессиональных политиков, руководящих той или иной политической партией, ясно сознает постоянно существующую для нее реальную возможность остаться без работы, будучи замененной избирателями другой “командой”, и поэтому старается наилучшим образом удовлетворить интересы потребителей своей специфической продукции.

В социалистическом государстве закономерности общественной жизни иные. Господствующая здесь плановость производства объективно позволяет производить ровно столько продукции каждого вида, сколько необходимо. Поэтому при социализме потребитель, вообще говоря, не может “критиковать” изготовителя продукции, отвергая эту продукцию, как это делается при капитализме. Отвергнув одно изделие, потребитель в социалистическом обществе не получит никакого. Способом же “критики” производителя потребителями при социализме выступают предложения по улучшению соответствующих производств, направленные органам, вышестоящим по отношению к изготовителю. От того, насколько тщательно соответствующий руководитель изучит жалобы потребителей и их предложения по улучшению выпускаемой продукции, а также от того, насколько эти предложения будут учтены в производстве, зависит прогресс в социалистическом обществе на каждом данном участке общенародного труда. Вся же работа по анализу предложений отдельных трудящихся и их объединений и учету этих предложений в деятельности производителей материальных и духовных благ выполняет в социалистическом обществе ту же функцию, какую при капитализме реализует конкуренция

товаров одного вида, а именно функцию совершенствования социальной организации. Отсюда вытекает, что при возможно более полном развертывании в социалистическом обществе работы по учету в деятельности соответствующих предприятий и организаций жалоб, предложений и заявлений трудящихся, направляемых в руководящие органы, социалистический строй получает возможность развиваться нормально.

Общие закономерности функционирования социалистического общества своеобразно проявляются в характерных для него процессах политического управления. Здесь, как и в других областях общественной жизни, проводится в жизнь правило: потребителю предлагается столько продукции нужного ему вида, сколько требуется, и не больше. Так, на всеобщих выборах в социалистическом обществе избирателям предлагается свои услуги по осуществлению политического руководства не имеющая конкурентов марксистско-ленинская политическая партия. В зависимости от конкретных исторических условий в одних социалистических государствах она выступает на выборах одна, в других - в союзе с политическими группировками, признающими ее руководящую роль. Количество рекомендуемых марксистско-ленинской партией (блоком партий во главе с марксистско-ленинской) народу для избрания квалифицированных руководителей, коммунистов и беспартийных, ограничивается потребностями наилучшего осуществления задач политического руководства.

Являясь правящей в социалистическом обществе, марксистско-ленинская партия несет ответственность за состояние дел на всех участках общенародного труда и, разумеется, озабочена обеспечением совершенствования социалистических общественных отношений. Поэтому она призвана в полную силу развертывать свойственный социализму механизм оптимизации общественной жизни - критику снизу и ее учет в деятельности соответствующих организаций. Не случайно работа с письмами и заявлениями, содержащими жалобы и предложения трудящихся и их организаций, постоянно находится в центре внимания руководящих органов правящих марксистско-ленинских партий. Такая работа, реализующаяся в преодолении недостатков на всех участках государственной жизни, позволяет марксистско-ленинской партии существенно не отклоняться от политической линии, наилучшим образом удовлетворяющей общенародные интересы. А то, что правящим марксистско-ленинским партиям обыкновенно удается оптимально реализовывать интересы всех составляющих общество классов и социальных групп, причем, как правило, в течение всей истории соответствующих социалистических государств, показывают результаты выборов в представительные государственные органы в странах

социализма. На протяжении десятилетий за кандидатов, выдвигаемых марксистско-ленинскими партиями и их союзниками в блоке с беспартийными, здесь голосуют многие избиратели.

Это ясно говорит о том, что отсутствие политической оппозиции, обусловленное природой социалистического строя, устраивает массы трудящихся. Такое положение можно понять, если иметь в виду следующее обстоятельство. Политическая организация социалистического общества превосходит капиталистическую политическую организацию в эффективности, обеспечивая удовлетворение материальных и духовных нужд народных масс при прочих равных условиях лучше, чем это делает включающая оппозиционные группировки буржуазная политическая система. В самом деле, поскольку при социалистическом строе в отличие от капитализма вследствие планомерности возможно всякой продукции произвести как раз столько, сколько необходимо потребителю, то в социалистическом обществе производственный процесс во всех сферах общественной жизни осуществляется более экономно, чем при капитализме. В частности, если сравнивать социалистическое и капиталистическое государства с равным количеством трудоспособного населения и с равным уровнем производительности труда, то социалистическое государство окажется способным произвести столько же видов и такое же количество материальных и духовных благ, сколько капиталистическое, плюс еще некоторое количество таких благ, каких капиталистическое государство произвести не сможет. Ведь в капиталистическом государстве некоторое количество общественного труда будет затрачено попусту, на товары, которые не найдут сбыта. В социалистическом же обществе это количество труда удовлетворит определенные общественные потребности. Следовательно, социалистическое государство при тех же материальных и духовных ресурсах, что и капиталистическое, создаст более разветвленную систему удовлетворяемых материальных и духовных потребностей человека, чем это в состоянии сделать государство капиталистическое. Таким образом, руководящие структуры социалистического государства при условии проведения ими правильной политики способны обеспечить своим мероприятиям массовую общественную поддержку.

О НОВОМ УЧЕБНОМ ПОСОБИИ ПО ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издательский центр Красноярского государственного университета в 1998 году выпустил в свет учебное пособие “Классические теоретические представления о государстве, праве и политике”, подготовленное профессором кафедры истории государства и права, доктором юридических наук С.А. Дробышевским.

Учебное пособие включило в себя основные теоретические положения из классических учений о государстве, праве и политике. Привлекает внимание сочетание должного теоретического уровня приведенного материала с практической значимостью высказанных положений, а также удачная методика изложения материала, доступность, четкость и ясность языка. Все это, несомненно, привлечет внимание как студентов, так и преподавателей.

Данный труд отражает результаты научного осмысления автором идей о наилучшем устройстве государства и права, причем не только достаточно изученных, но и мало разработанных, а в ряде случаев - не исследовавшихся ранее. Нестандартность подачи материала о перспективах устранения дефектов политической теории и практики наших дней придает работе прикладной характер.

Кроме того, в работе широко представлена литература, список которой включает каждую главу. Разнообразие и масштабность представленной научной базы позволяют рекомендовать учебное пособие для изучающих современную политологию и занимающихся практической политической деятельностью.

В работе предпринята довольно успешная попытка систематического изложения тех политических и правовых идей мыслителей прошлого, которые заслуживают внимания и возможности применения в современной практике государственной жизни и правового регулирования. Подобного рода теоретические положения собраны в одиннадцати главах, характеризующих политико-правовую мысль последовательно сменяющих друг друга исторических эпох с древнейших времен до середины XX века.

Заслуживает одобрения структура учебного пособия, которую можно признать продуманной и логически обоснованной. Весь идей-

но-теоретический материал, содержащийся в книге, можно разделить на два больших пласта. Первый из них - "необходимые для выработки научно обоснованной политики описания закономерностей функционирования государства, проявляющихся в политической практике нашего времени" (с. 3). Второй - "правильные решения типичных проблем политического властвования и правового регулирования, встречающихся в современной государственной жизни в России и за рубежом. Речь идет о наилучшей организации государства в конкретных исторических условиях, об оптимальном использовании с этой целью правовых средств, о путях достижения человеком политического влияния и, в конечном счете, государственной власти, о способах борьбы с отклонениями политики правящих в государстве социальных сил от нацеленности на достижение общего блага его населения" (там же).

Классические теоретические положения указанных двух типов представлены в рецензируемом сочинении С.А. Дробышевского полнее, чем в существующей отечественной учебной литературе по политологии и юриспруденции. Так, достаточно полно представлено учение о взглядах Ксенофонта Афинского на политическое управление, которому в известной широкой аудитории литературе не нашли должного места.

Заслуживает внимания изучение и анализ политических знаний в учениях мировых религий древности и Средневековья.

В учебном пособии получило закрепление и раскрытие естественно-правовая доктрина, основанная на богатейшем наследии английских и французских мыслителей.

В работу включены исследования политико-правовых идей Г. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. Спенсера, Ф. Ницше, Б.Н. Чичерина и т.д., что позволяет судить об оригинальности работы и ее актуальности. Кроме того, отмеченные идеи в рецензируемой книге во многих случаях воспроизведены точнее, чем в имеющихся учебных изданиях, в силу самого замысла С.А. Дробышевского сформулировать положения классиков политико-юридической мысли "по возможности близко к тому, как они переданы в первоисточниках" (с. 4), чтобы изучающие смогли составить о них истинное представление.

Безусловным достоинством работы является то, что решению этой задачи способствовало широкое использование автором рецензируемого сочинения собственных переводов фрагментов из работ ряда ученых, в том числе Фомы Аквинского, Ж. Бодена, Дж. Остина и Г. Моски, никогда не издававшихся на русском языке.

Достоинно сожаления, что довольно много классических идей о государстве, праве и политике, не утративших научной значимости, в

учебном пособии С.А. Дробышевского не воспроизведено. Особенно это касается глав его книги, в которых повествуется о политическом знании в странах Древнего Востока, в Древнем Риме и в условиях Средневековья. Остается пожелать автору в последующем пополнить свою работу соответствующими классическими теоретическими положениями соответствующих исторических периодов.

Рецензируемое сочинение не лишено ряда спорных моментов. Так, С.А. Дробышевский при решении проблемы происхождения политических и правовых учений исходит из собственной точки зрения о том, что политика и право возникают вместе с самим человечеством. Такая теоретическая позиция наиболее полно изложена в его последней монографии (Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1995. 299 с.). Это часто оспариваемое в специальной литературе мнение обусловило наличие в рассматриваемом учебном пособии параграфа о политических идеях в нецивилизованном обществе. Здесь содержится утверждение, согласно которому “история политических идей и история человечества начинаются одновременно” (с. 6).

Едва ли противники такого воззрения не подвергнут его критике. Однако им, скорее всего, придется согласиться с двумя положениями, свидетельствующими о присутствии рационального зерна во взглядах, отстаиваемых С.А. Дробышевским. Во-первых, описанные в отмеченном параграфе способы достижения человеком максимально возможного влияния на общеобязательное нормативное регулирование в нецивилизованном обществе (с.6-8) сознательно используются людьми и на всем протяжении существования цивилизованных социальных организмов. Во-вторых, эти методы рекомендуют применять лучшие специалисты в области политической науки прошлого и современности, например Н. Макиавелли. Как известно, в работе “Государь” он советует пришедшему к власти политическому деятелю для увеличения числа своих сторонников делать то же самое, к чему, как отметил С.А. Дробышевский, прибегали с аналогичной целью еще первобытные люди, а именно прощать окружающим причинение себе вреда в случаях, когда в состоянии добиться их должного наказания (см. с. 6-8, 67-68).

Исследование классических теоретических представлений о государстве и праве, по всей вероятности, требуют и осмысления современных подходов и концепций.

И хотя автор не ставил своей задачей исследование направлений, сформировавшихся во второй половине XX века, было бы инте-

ресно проследить влияние классических представлений на современные взгляды и идеологии.

Работа в этом случае получила бы логически завершенный характер. Кроме того, это позволило бы иметь представление об оправданности применения ряда теорий либо их утопичности, о перспективах развития современного государства и права, и предоставило бы возможность автору высказать свои размышления в качестве политического прогноза. Однако это может стать основой самостоятельного будущего исследования.

Сам по себе факт, что рецензируемая работа не исчерпывает всех политических и юридических идей прошлого, сохранивших научную значимость, а также наличие в ней спорных положений, не могут поставить под сомнение очевидную пользу, которую это сочинение С.А. Дробышевского принесет обучающимся политологии и юриспруденции. Причем особенно полезным оно, несомненно, окажется для студентов и аспирантов юридических вузов и факультетов. Дело в том, что содержание рассматриваемой книги С.А. Дробышевского составляют положения из обязательного для них курса истории политических и правовых учений, которые одновременно входят в предмет другой осваиваемой ими фундаментальной учебной дисциплины - общей теории государства и права.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
С. А. Бердникова. К 45-летию юридического факультета Красноярского государственного университета.....	5
А. В. Букарин, С. А. Дробышевский. О сохранении политических идеалов.....	19
С. А. Дробышевский. Некоторые методологические вопросы исследования происхождения государства и права.....	30
О. П. Подосенов. К истории разработки судебной реформы России 1864 года.....	36
С. А. Бердникова. Выборы в I и II Государственную думу в Восточной Сибири по крестьянской курии.....	43
Т. В. Шитова. Создание в Сибири полицейской стражи.....	57
О. Ф. Гордеев. Правотворческая деятельность Временного Сибирского правительства.....	74
Т. В. Будилина. Государственный режим Российской Федерации.....	93
С. А. Дробышевский. К характеристике социалистического государства.....	112
Т. В. Будилина. О новом учебном пособии по истории политической мысли.....	119

Вопросы теории и истории государства и права

Сборник научных статей

Редактор И.А. Вейсиг

Корректор Т.Е. Бастрыгина

Компьютерный набор Е.М. Богуславской

Лицензия ЛР N 020372 от 29.01.97

Подписано в печать 07.07.99

Бумага тип.

Усл. печ. л. 7,7

Тираж 300 . Заказ

Формат 60x84/16

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 7,9

Цена договорная

Издательский центр

Красноярского государственного университета.

660062 Красноярск, пр. Свободный, 79.